

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

СЛОВО В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ, ТЕКСТЕ

Электронный сборник научных трудов
Международной студенческой научной конференции

Брест, 19–20 мая 2023 года

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2023

ISBN 978-985-22-0641-9

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2023

Об издании – [1](#), [2](#)

1 – сведения об издании

УДК 811.161.1(082)

ББК 81.2Рус

Редакционная коллегия:

О. А. Фелькина (отв. ред.), **О. Б. Переход**

Рецензенты:

доцент кафедры лингвистических дисциплин и межкультурной коммуникации

УО «Брестский государственный технический университет»

кандидат филологических наук, доцент **Н. Н. Борсук**

заведующий кафедрой белорусской филологии

УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

кандидат филологических наук, доцент **Н. Р. Якубук**

Слово в языке, речи, тексте [Электронный ресурс] : сб. науч. тр. Междунар. студен. науч. конф., Брест, 19–20 мая 2023 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: О. А. Фелькина (отв. ред.), О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2023. – 233 с. – Режим доступа: <http://rep.brsu.by:80/handle/123456789/9674>.

ISBN 978-985-22-0641-9.

В сборник вошли материалы докладов, посвященные вопросам функционирования слова в языковой системе, в речевой практике, в научных, публицистических и художественных текстах. Статьи представлены на русском и белорусском языках.

Адресуется широкому кругу читателей – студентам, аспирантам, преподавателям, учителям, научным работникам.

Разработано в PDF-формате.

УДК 811.161.1(082)

ББК 81.2Рус

Текстовое научное электронное издание

Системные требования:

тип браузера и версия любые; скорость подключения к информационно-телекоммуникационным сетям любая; дополнительные надстройки к браузеру не требуются.

© УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 2023

[ВПЕРЕД](#)

2 – производственно-технические сведения

- Использованное ПО: Windows 10, Microsoft Office 2013;
- ответственный за выпуск Ж. М. Селюжицкая, корректор В. В. Черепенько, технический редактор В. В. Черепенько, компьютерный набор и верстка О. А. Фелькина;
- дата размещения на сайте: 29.12.2023;
- объем издания: 1,98 МБ;
- производитель: учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 224016, г. Брест, ул. Мицкевича, 28. Тел.: 8(0162) 21-70-55. E-mail: rio@brsu.brest.by.

[ВПЕРЕД](#)

СОДЕРЖАНИЕ

Андросюк А. В. Лингводидактический потенциал текстов учебников по русскому языку для 10–11 классов.....	8
Андросюк А. В. Нарушение языковой нормы в структуре словосочетаний как способ синтаксической окказионализации (на примере поэтических текстов В. Полозковой)	11
Ахмедова М. Б. О. Термины менеджмента в профессиональной речи.....	14
Бляен Л. А. Наречия в повести Н. В. Гоголя «Шинель»: функциональная характеристика.....	16
Бляен Л. А. Речевые характеристики провинциалов в повестях Н. В. Гоголя.....	19
Бовда С. С. Этимологический словарь как источник лингвокультурных знаний.....	22
Богдан М. А. Роль эпитафий в повестях «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь, или Утопленница» из цикла Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»	25
Бодревская Н. В. Использование приемов визуализации при изучении лексики	28
Борзова Д. В. Маркеры этнической принадлежности в фамильном английском языке (по материалам «Словаря английских фамилий» А. И. Рыбакина)	31
Бородуля П. С. Форма и содержание учебной дефиниции в нормативно-научном тексте.....	34
Васілевіч А. В. Філалагічная інтэрпрэтацыя верша А. Разанава «Радзіма»	37
Вододохов М. В. «Тайна»/«mystery»: от слова к концепту.....	39
Волкова Т. О. Место чужой речи в романе «Цветы для Эдгернона»	42
Головач Д. Ю. Наименования посуды как источник изучения материальной культуры белорусов (на материале произведений В. Короткевича).....	45
Грыцук А. Я. Кірыла Тураўскі – славуты сын зямлі беларускай	48
Дзадзамія Н. З. Специфика реализации деятельностно ориентированного подхода в формировании межкультурной коммуникативной компетенции на разных этапах обучения РКИ.....	51
Дзмітрук М. І. Нацыянальна-культурная адметнасць паэтонімікону зборніка аўтарскіх казак беларускіх пісьменнікаў «Птушка шчасця»	54
Дубовик Е. А. Генезис авторской песни в России XX в.	57
Жук Ю. Б. Взгляд на фразеологизм <i>бред сивой кобылы</i> сквозь призму истории.....	60

Зеленко Т. И. Устойчивые сравнения русского языка: истоки национально-культурной самобытности	63
Зиновенко П. Ю. Языковая игра как средство выражения речевой агрессии в русскоязычных каналах интернет-мессенджеров.....	66
Золотарева И. А. Антропонимы в тексте «Mother Goose Rhymes»: структура, функции.....	69
Йулдашева Д. М. Функционирование фитонимической лексики в русском языке	72
Казловіч В. М. Індывідуальна-аўтарскія эпітэты ў паэзіі Яўгеніі Янішчыц.....	75
Кандыбо М. А. Непрямая коммуникация как способ репрезентации языковой личности.....	78
Катовіч Т. М. Лексема <i>шыпшына</i> ў кантэксте паэзіі Яўгеніі Янішчыц	81
Кормилаева А. А. Закономерности употребления топонимов в рассказах И. А. Бунина (на примере произведений «Муза», «Галя Ганская», «Алупка», « Степа», «Пыль»).....	83
Кручинина А. А. Особенности функционирования библионимов и поэтонимов в неофициальном онимическом пространстве современного города.....	86
Кудлач А. П. Словообразовательные аспекты «коронеологизмов»	89
Кузіч А. С. Паэтыка лірычнага дэтэктыва А. Лойкі «Кельты не паміраюць...».....	92
Кулажэнка К. І. Эпітэты ў прозе М. Купрэва.....	95
Кулакоўская К. А. Заходнебеларуская рэчаіснасць у рамане Уладзіміра Гніламедава «Вяртанне».....	98
Кулик К. С. Коллокации как отражение семантической структуры качественных прилагательных (корпусное исследование).....	101
Куратник Д. А. Роль синестезийных образов при изображении природы в рассказах В. Набокова.....	104
Куратник Д. А. Синестезийная метафора в рассказах В. Набокова.....	108
Лабай М. Г. Литературные влияния С. Есенина на раннюю лирику П. Глебки.....	111
Ладутько Я. С. Внутригородское название как социолингвистический знак (на примере урбанонимии Кобрини).....	114
Ладутько Я. С. Отражение в названиях внутригородских объектов социальной неоднородности населения (на примере урбанонимии Кобрини).....	117
Левчук И. Н. Композиционная модель репортажа в телевизионных СМИ.....	120
Линкевич А. С. Функции антропонимов в художественном тексте (на материале романа Л. Улицкой «Зеленый шатер»)	124

Макаренко Е. В. Специфика речи героев романа Д. Глуховского «Метро 2033»	127
Михайлина А. М. Характеристика языкового пространства производственного предприятия	130
Мізерыя К. С. Выяўленне сяброўскіх адносінаў у вершах П. Броўкі, П. Панчанкі, А. Куляшова	132
Моисейчик А. Э. Специфика проявления в геортонимии Беларуси принципа номинации по связи с деловым объединением людей	134
Монжаро А. Н. Структурные особенности фразеологических единиц с компонентом «природные явления» в английском и русском языках ...	138
Мохор Д. С. Геортоним как «заголовок» праздника (на материале названий массовых торжеств Пинщины)	141
Немшон Е. Ю. Окказиональные существительные в идиостиле М. Цветаевой и Б. Пастернака	144
Нифонтова Е. А. Метафоры спортивного дискурса	147
Ничипорчик И. В. Бытовое пространство в художественном мире пьес «Иван Васильевич» и «Блаженство» М. А. Булгакова	150
Парфенюк Я. В. Языковые особенности публицистики И. А. Бунина (на материале очерков 20–30 гг.)	152
Попека А. С. Лингвистический анализ рассказа Наринэ Абгарян «Май»	156
Попека А. С. Textoобразующая роль имен существительных (на примере стихотворения Б. Пастернака «Золотая осень»)	158
Рокитская П. А. Языковые особенности современной региональной поэзии (на примере творчества М. Кулеша)	161
Романенко И. В. Лингвостилистические ресурсы авторского дискурса Т. Шеламовой	164
Саўчук Д. В. Лексема <i>руда</i> : лінгвістычны аспект	167
Саўчук С. В. Іменаслоў рамана Зінаіды Дудзюк «Сыны Рарога»	170
Скубилина А. Ю. Мотивированность наименований деталей автомобиля: сопоставительный аспект	173
Стаскевич И. О. Языковая игра как феномен языка и культуры	176
Стаскевич И. О. Языковая игра в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и романе Э. Бёрджесса «Заводной апельсин»	179
Стефанович В. Функциональный аспект образа ведьмы в ранней прозе Н. В. Гоголя	182
Стовбир Ж. Использование приемов мнемотехники на уроках русского языка	185
Сунь Цзябао. Лингвокультурологическое описание фразеологических эвфемизмов, обозначающих проституцию в русском и китайском языках	188

Суровежко Е. А. Понятие <i>время</i> в поэтической картине мира А. Васильева (группа «Сплин»).....	191
Сюй Инхао. Праздник как феномен межкультурной коммуникации	194
Тагановіч А. Выяўленне дэградацыі беларускай вёскі сучаснымі празаікамі	197
Тихонова Н. И. Особенности функционирования лексики в деловых письмах XVIII в. (на материале фонда «Михайловский станичный атаман» ГАВО).....	200
Флейто С. С. Специфика прямого перевода фильмонимов с корейского языка на русский	203
Хабовец Е. А. Вариативность изучения романа «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова в современной школе	205
Хай Жина. Изучение исконно русской лексики и заимствованных слов в 5 классе: система заданий.....	208
Хвесік Т. М. Мастацкая функцыя прыказак у паэме Якуба Коласа «Новая зямля».....	211
Чешко К. Н. Цветовая лексика в первом томе поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»	214
Чжан Нянь. Молодежный сленг в китайском языке.....	218
Шагина А. К. Однословные нарицательные номинации персонажей в произведениях Ф. Сологуба	221
Щербакова А. С., Третьякова А. Е., Гаврилова В. А. Родной язык как лингвокультурный феномен	224
Юхимук С. В. Окказионализмы в детской речи	227
Якубович В. С. Языковое воплощение концепта «калач» в русской фразеологии.....	230

А. В. АНДРОСЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. М. Гурина, канд. филол. наук, доцент

**ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТОВ
УЧЕБНИКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ 10–11 КЛАССОВ**

В последние годы ведущим при обучении языку и речи стал текстоцентрический подход: текст рассматривается как основное средство обучения, позволяющее эффективно осуществлять образовательную деятельность [1, с. 121]. Текстоцентрический подход позволяет реализовать языковую, речевую, коммуникативную, лингвокультурологическую компетенции, выдвинутые в концепции учебного предмета «Русский язык». Коммуникативно ориентированное обучение языку выдвинуло на первый план текст как дидактическую единицу, в которой наиболее полно реализуются основные функции языка.

Текст – центральный компонент структуры языкового учебника. Именно через текст реализуются все цели обучения в их комплексе: коммуникативная, образовательная, воспитательная. Опора на текст позволяет слить воедино процессы формирования необходимых компетенций, обеспечивает единство познания системы, структуры языка и развития личности. В процессе обучения текст выступает в качестве дидактического материала, поэтому должен отвечать следующим критериям: должен воспитывать, т. е. отвечать требованиям морально-этического и эстетического характера; сообщать новую информацию, т. е. выполнять информативную функцию; воздействовать на ум и сердце учащегося, т. е. нести прагматический заряд; пробуждать интерес к предмету и обогащать учащегося специальными знаниями, т. е. отвечать общедидактическим требованиям доступности, преемственности, последовательности.

Цель нашего исследования состояла в проведении комплексного анализа текстов учебников для 10-го [1] и 11-го [2] классов по русскому языку средней школы по нескольким параметрам: тематическое разнообразие, типы речи и стилистическая принадлежность. Проанализировав тексты упражнений указанных учебников, мы выделили ведущие темы. Количественные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Количество текстов по разным темам

Название темы	10 класс, 2020	11 класс, 2021
Человек и общество	19	49
Язык	36	20
Природа	15	44
Искусство	11	3

Первыми по частоте идут тексты на тему «Язык». Как правило, это тексты, посвященные теории языка и речи. Они содержат дополнительную информацию по предмету, которую дети должны усвоить. Данные тексты, несмотря на то что в них имеется справочная информация, написаны в научно-популярном стиле, что способствует развитию языковой личности учащегося. Значительная часть текстов посвящена характеристике языковой системы в хронологическом аспекте (сравнительно-исторический метод, родственные языки, праславянский язык), стилистике и риторике (стили речи, качества речи, жанры речи). Эти темы раскрываются в отрывках из работ известных лингвистов В. В. Виноградова, В. Г. Костомарова, Л. П. Крысина, Г. Я. Солганика, Н. С. Валгиной. Конечно, есть в учебнике тексты и на морально-этические темы: об интеллигентности, о пользе чтения. Тексты на тему «Человек» – это своего рода описание жизни замечательных людей (академик Обручев в воспоминаниях М. Шагинян) или рассказ об уже сложившейся судьбе (актер Михаил Ульянов).

Темы «Природа», «Животные», «Птицы», «Растения» следует рассматривать вместе. Это отрывки из произведений К. Паустовского, В. Пескова, В. Солоухина, Ю. Нагибина. Данные тексты, как правило, носят воспитательный характер. Тема «Искусство» представлена отрывками из публицистики З. Азгура о зодчестве, творениях архитектора И. Лангбарда, о памятнике Пушкину в лицейском саду [2, с. 113].

Темы «Город», «Техника», «Наука» малочисленны. Авторы учебников для 10-го класса (2020) не включили фрагменты о научно-технических нововведениях, о последних открытиях в мире науки.

Разнообразные творческие задания, предполагающие исследовательский подход к анализируемому материалу, формируют языковую, лингвистическую и коммуникативную компетенцию учащихся, расширяя их представление о выразительных возможностях русского языка, совершенствуя практические навыки текстовой деятельности.

Распределение текстов по типам речи представлено в таблице 2.

Таблица 2 – Распределение текстов по типам речи

Тип речи	10 класс, 2020	11 класс, 2021
Описание	52	55
Повествование	4	7
Рассуждение	24	50

Тексты-рассуждения встречаются в два раза реже, чем тексты-описания. На них дети отрабатывают свои логические умения и навыки (например, при работе с упражнением 35.7 «Могущество местоимений»)

[2, с. 249]). Дети не умеют еще мыслить абстракциями такого уровня, поэтому тексты подбираются небольшие, чтобы сконцентрировать внимание на основных признаках научного или научно-популярного текста.

Научный материал в учебниках представлен в основном текстами-рассуждениями. Таким типом речи написаны все правила по орфографии и пунктуации. Стилистическую принадлежность текстов отражает таблица 3.

Таблица 3 – Стилистическая принадлежность текстов

Стиль	10 класс, 2020	11 класс, 2021
Художественный	17	37
Научно-популярный	32	35
Публицистический	25	28
Разговорный	–	–
Научный	6	13
Официальный	–	–

Научно-популярный и публицистический стили обладают определенной степенью описательности, поэтому и интересны для подростков. Они широко представлены в школьных учебниках, а в книге 2021 г. частично обновлен список авторов, традиционно кочующих из издания в издание. Вероятно, можно сократить количество фрагментов с описаниями природы, обновить список авторов (при всем уважении к В. Солоухину, Ю. Бондареву, К. Паустовскому это неактуальное для подростков чтение). Культурное пространство современных городов, как русских, так и белорусских, совершенно не представлено, за исключением творений архитектора И. Лангбарда. Несколько текстов о живописи (И. Айвазовский, И. Грабарь, А. Куинджи, И. Левитан, В. Серов, В. Перов, В. Васнецов) [2, с. 55]. Эти темы могут быть раскрыты во внеклассной работе со школьниками, но в качестве эксперимента можно предложить еще один-два текста про Виктора Турова или Бориса Заборова. Авторы усилили культурологическую направленность учебника 2021 г., включив туда тексты о музее в Строчицах, о работах И. Лангбарда, отрывки из воспоминаний З. Азгура и Б. Заборова. Подобным образом прослеживается преемственность тем в учебниках разных лет, и в этом смысле школьный учебник демонстрирует стабильность, но разумный баланс между описаниями природы и современной урбанистикой еще не найден.

Список использованной литературы

1. Ипполитова, Н. А. Текст в системе обучения русскому языку в школе / Н. А. Ипполитова. – М. : Флинта : Наука, 1998. – 176 с.

2. Русский язык : учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения / В. Л. Леонович [и др.]. – Минск : Нац. ин-т образования, 2020. – 296 с.

3. Русский язык : учеб. пособие для 11-го кл. учреждений общ. сред. образования с белорус. рус. яз. обучения / Е. Е. Долбик [и др.]. – Минск : Нац. ин-т образования, 2021. – 296 с.

[К содержанию](#)

А. В. АНДРОСЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

НАРУШЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В СТРУКТУРЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ КАК СПОСОБ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОККАЗИОНАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В. ПОЛОЗКОВОЙ)

Процессы, происходящие на синтаксическом уровне языковой системы, являются живыми, поскольку они отражают динамику развития общества, его интересов и, соответственно, самого языка. Очевидно, что новые тенденции в лингвистике, возникновение и функционирование языковых процессов в лексике, морфологии, синтаксисе и других уровнях языка напрямую связаны с развитием общества и культуры.

Актуальные синтаксические процессы, наблюдаемые в современном русском языке (изменения в структуре словосочетаний через отступление от языковой нормы; усиление процессов сегментации и парцелляции; изменение в употреблении односоставных номинативных предложений, синтаксическая языковая игра и др. [1; 4]), бесспорно, являются отражением социокультурных тенденций. Так, Е. А. Покровская проводит параллель между следующими феноменами: кубизм Пикассо – расщепление атомного ядра – парцелляция предложений [2].

Умышленное нарушение языковой нормы при построении синтаксических конструкций (словосочетаний) – отличительный процесс современной интернет-поэзии. Способ образования *окказиональных синтаксических конструкций*, к которому, например, смело обращается В. Полозкова, – это искажение нормы для создания остроумных высказываний с целью точного воссоздания мироощущения лирического героя и, вероятно, привлечения внимания читателя-собеседника. Рассмотрим некоторые из таких словосочетаний для определения логики их построения и декодирования роли в раскрытии идеи поэтических текстов.

В стихотворениях В. Полозковой [3] мы выделили следующие характерные примеры индивидуально-авторских синтаксических окказионализмов: *помолчи меня* («Пшшш»), *танцуй стихом* («А ведь это твоя последняя жизнь...»), *умереть в лысеющего быка* («И он говорит ей...»), *я не умею этой прямоты* («Я не умею этой прямоты»), *ширится бездной* («Францу Кафке»).

Конструкция ***помолчи меня*** иллюстрирует окказиональное управление, в котором глагол *помолчать* сочетается с местоимением в В. п., что противоречит норме русского языка: *помолчи (молчи) обо мне* (П. п.). В стихотворении представленная конструкция составляет синонимический ряд: *Помолчи меня, полечи меня, поотмаливай. / Пролей на меня прохладный свой взор эмалевый.* Отметим, что умышленно искаженная норма построения словосочетания является значимым приемом для декодирования внутреннего состояния лирической героини. Очевидно, что в стихотворении «Пшшш» В. Полозкова описывает тяжелое, болезненное переживание неминуемого расставания с любимым человеком. Лирическая героиня из строфы в строфу обращается к возлюбленному с просьбой остаться, «не отводить целительных глаз». И первая ее просьба – «*помолчи меня*» – звучит как самая заветная, ведь только рядом с ним она замолкает и чувствует убаюкивающее спокойствие, а без него становится «громогласной и необузданной» и мечется «так, что пот выступает бусиной».

Окказиональная конструкция также выбивается из синонимичного ряда в философском стихотворении-послании «А ведь это твоя последняя жизнь...». В словосочетании ***танцевать стихом*** дополнение употреблено поэссой в Т. п., в то время как глагол *танцевать* обычно сочетается с В. п., реже – с родительным: *танцевать вальс* (В. п.), *танцевать балет* (В. п.). Эта конструкция помогает определить идею стихотворения прежде всего как автопослание. Героиня-адресат, которой посвящены эти строки, – не случайная читательница, а сама поэтесса. Она обращается к себе с глубоко экзистенциальным напоминанием: *А ведь это твоя последняя жизнь, хоть / сама-то себе не ври.* «Легче танцуй стихом» – просьба не ограничивать саму себя в свободе творчества, писать больше и смело, выбирать только близкие сердцу темы и не останавливаться, ведь это ее «последняя юность в конкретно этой непростой системе координат».

Глагол *умереть* традиционно может сочетаться с Т. и Р. п., например: *умереть голодной смертью* (Т. п.), *умереть от голода* (Р. п.). Но в словосочетании В. Полозковой ***умереть в лысеющего быка*** мы видим нарушение условия семантической валентности, которое отсылает нас к новому возможному значению синтаксического окказионализма. Данная конструкция аналогична конструкциям *вырасти в успешное предприятие* («стать успешным предприятием»), *вырасти в большого мастера* («стать

большим мастером'). Следовательно, выражение «умереть в» в контексте поэтического текста В. Полозковой можно понимать в значении 'переродиться после смерти'. Следует отметить, что коннотация у созданного поэтессой выражения негативная. Такое перерождение для лирического героя – наказание за праздное прожигание жизни. «Лысеющий бык» в мире стихотворения – грубое обращение к старику, которым неминуемо станет лирический герой, им же он останется после смерти: *Ночевал у разных и был игрок... / Через семь лет смрада и кабака я умру в лысеющего быка.*

В конструкции *я не умею этой прямоты* окказиональность обусловлена сочетанием глагола *уметь* с дополнением в Р. п. Однако в языке этот глагол может встречаться как часть составного глагольного сказуемого, где он управляет инфинитивом: *я умею писать, я умею слушать, я умею петь*. Искажение нормы в данном случае можно рассматривать как замысел автора передать особое состояние лирической героини, при котором неосознанно путаются мысли. Игнорирование нормы в данном случае можно рассматривать как подражание текстам «потока сознания», в которых ключевая роль отведена естественно слагающимся мыслям без последующей корректировки.

Рассмотрим также неочевидный пример синтаксической окказионализации. Дополнение в словосочетании *ширится бездной* употреблено в Т. п., что также противоречит норме, при которой с глаголом *ширится* в значении 'становится более широкой, растет' допускается только И. п.: *ширится бездна* (И. п.), *ширится Вселенная* (И. п.).

Таким образом, нарушение норм управления, а также синтаксической и семантической валентности – основные способы образования синтаксических окказионализмов в идиостиле В. Полозковой. Благодаря синтаксическим экспериментам автор вкладывает в свои поэтические миры уникальные смыслы, обращает внимание читателя на значимые детали, не позволяет упустить их. Уникальная для сетевой поэзии языковая игра на уровне синтаксиса – запоминающаяся особенность текстов В. Полозковой, маркер ее поэтического мастерства.

Список использованной литературы

1. Норман, Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 344 с.
2. Покровская, Е. А. Речевые жанры в диалоге культур / Е. А. Покровская, Н. В. Дудкина, Е. В. Кудинова / М-во образования и науки Рос. Федерации, Юж. федер. ун-т, Фак. филологии и журналистики. – Ростов н/Д : Foundation, 2011. – 199 с.
3. Полозкова, В. Стихи [Электронный ресурс] / В. Полозкова // Стихи.ру. – Режим доступа: <https://stihi.ru/avtor/polozkovavera>. – Дата доступа: 01.05.2023.
4. Синтаксис современного русского языка / Г. Н. Акимова [и др.]. – СПб. : СПбГУ, 2009. – 346 с.

[К содержанию](#)

М. Б. О. АХМЕДОВА

Москва, РУДН

Научный руководитель – Н. С. Щербакова, канд. экон. наук, доцент

ТЕРМИНЫ МЕНЕДЖМЕНТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

В последние десятилетия наблюдается интенсивное пополнение языка неологизмами, выражающими специальные значения, т. е. специальной лексикой – терминами, обслуживающими профессиональное общение. При этом терминология активно употребляется и вне профессионального общения. Например, многие термины менеджмента вошли и в обиходную речь. В данной статье уделено внимание функционированию терминов в речи менеджеров.

Современная рыночная экономика Российской Федерации и Узбекистана очень нуждается в грамотных и квалифицированных управленцах, владеющих не только основами менеджмента, но и организаторским талантом, а также терминологией сферы общения профессиональной деятельности.

Как известно, успешность фирм зависит во многом от работы менеджеров, которые осуществляют управление деятельностью фирм. Таким образом, менеджер – главный специалист по управлению. На больших предприятиях или фирмах существует своего рода ранжир менеджеров: *менеджер низшего звена*, затем *менеджер среднего звена* и *менеджер высшего звена*. Последний – это, по сути, *генеральный директор*, или *председатель*, а может и *президент*. Итак, *менеджмент* определяется как наука управления, осуществляемая как группой людей, так и целой командой. Главные функции менеджмента включают в себя организацию, планирование, руководство и контроль [4].

Как известно, термин – это особая лексическая единица, которая используется для обозначения специального, научного или профессионально значимого содержания понятия. Как правило, каждый термин соотносится с дефиницией, которая связана со специальной сферой знания. Термины одной специальности образуют терминосферу. Терминосфера менеджмента включает в себя как слово, так и словосочетания и даже фразы, т. е. могут по своей структуре быть однокомпонентными и многокомпонентными. В данной статье мы приводим термины терминосферы «Основы менеджмента», а именно терминологические словосочетания, например: *вертикальные связи (субординационные, иерархические)*, *стратегический менеджмент*, *групповое мышление*, *виртуальная корпорация*, *властные полномочия*, *внутренняя переменная*, *высокая структура*, *дивизиональная организационная структура*,

коммуникативный барьер, конкурентное преимущество, корпоративная культура, критический путь, неформальная коммуникация, обратная связь, организационная структура предприятия, организационный контроль, проблемный менеджмент, рабочая группа, командная цепочка, сетевая организация [3].

Они образованы синтаксическим способом словообразования по схеме «прилагательное + существительное», т. е. по типу связи представляют согласование, причем прилагательные-определения, в свою очередь, образованы от существительных. Встречаются также и термины-словосочетания, представляющие собой несогласованные определения, образованные по схеме существительное + существительное: *стратегия слияния, структура фирмы, точка безубыточности, формализация управления, методы управления* и др.

Используются термины в виде фраз, например состоящие из трех компонентов: *непостоянство внешней среды; менеджер высшего звена; менеджер, ориентированный на работу; менеджер, ориентированный на сотрудника; классическая школа менеджмента*. Н. В. Моряхина в своей диссертации, посвященной формированию и функционированию терминологии менеджмента в русском языке, определила некоторые особенности терминологии менеджмента, например интегративность, суть которой в функционировании терминов не только в качестве единиц, представляющих собой понятия собственно науки менеджмента, но и терминологию общенаучного значения, в том числе гуманитарных дисциплин. Обращается внимание и на универсальность некоторых терминов, например: *стратегия, корпорация, групповое мышление, работа в команде, вертикаль власти* и пр. Обращается внимание и на наличие аббревиатур, слов-символов в терминосфере менеджмента, на связь единиц терминологии внутри системы на всех уровнях – лексико-семантическом, грамматическом [5].

Терминоэлементы многокомпонентных терминов позволяют уяснить сложный понятийный аппарат менеджмента. Кроме того, следует обратить внимание и на функционирование в терминосфере менеджмента заимствований из английского языка: *локаут (lock-out), маркетинг (marketing), инжиниринг (engineering), джоббер (jobber), фриланс (freelance), фрилансер (freelancer), менеджер (manager), бум (boom), брокер (broker), мерчендайзинг (merchandising), мерчендайзер (merchandiser), риэлтер (realtor), супервайзер (supervisor), мáркетинг*, а в русском ударение переместилось на второй слог – *маркéтинг (marketing)* и т. п. [2].

Эти термины появились и активно функционируют благодаря влиянию западных теорий управления, т. е. менеджмента, а также благодаря СМИ.

Таким образом, можно отметить, что термины менеджмента, как и всей экономической сферы, играют важную роль в деловой коммуникации.

Они являются не только фактом единиц языка, но и способом расширения объемов коммуникации в профессиональной области. Поэтому деятельность менеджеров – это прежде всего проявление профессиональной компетентности, которая выражается и во владении терминологией.

Список использованной литературы

1. Баран, О. В. Сопоставление экономических терминосистем во французском и русском языках в аспекте современной неологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О. В. Баран. – М., 2005. – 16 с.
2. Ваганова, Н. В. Современные заимствования из английского языка: семантико-словообразовательный аспект: на материале англицизмов конца XX – начала XXI в. в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Ваганова. – Н. Новгород, 2005. – 279 л.
3. Мескон, М. Х. Основы менеджмента / М. Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М. : Дело, 1997. – 704 с.
4. Моряхина, Н. В. Формирование и функционирование терминологии менеджмента в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Моряхина. – Казань, 2008. – 23 с.
5. Словарь-справочник менеджера / под ред. М. Г. Лапусты. – М. : ИНФРА-М, 1996. – 608 с.

[К содержанию](#)

Л. А. БЛЕЯН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Г. А. Веремеюк, преподаватель

НАРЕЧИЯ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ»: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Николай Васильевич Гоголь – один из самых выдающихся русских писателей XIX в., прозаик и сатирик. Его творчество давно уже стало классическим, а язык произведений с его разнообразными тропами активно исследуется до сих пор.

Важное место в творчестве Н. В. Гоголя занимает цикл повестей, которые по своим сюжетам называются обычно «петербургскими». Повести «Невский проспект», «Портрет» и «Записки сумасшедшего» были напечатаны в сборнике «Арабески» в 1835 г. Следующая повесть «Нос» появилась в 1836 г. в пушкинском «Современнике». Завершающим произведением данного цикла стала повесть «Шинель». Н. В. Гоголь писал ее с 1836 г. по 1842 г. Первоначальное название было «Повесть о чиновнике, крадущем шинели». Но перед публикацией писатель решил поменять заглавие [1].

В данной работе мы рассмотрим одну из самых интересных, на наш взгляд, частей речи, а именно наречие, и попытаемся дать функциональную характеристику наречию в повести «Шинель».

Наречие, как известно, знаменательная часть речи, обозначающая признак действия или состояния, а также признак другого признака. Данная часть речи играет важную роль в стилистическом окрашивании действия, дополнении и конкретизации описания целой картины произведения. Без него утратились бы экспрессивность и специфика авторских характеристик.

Стилистическое значение наречия определяет его грамматическая природа как слова, обозначающего признак действия, состояния, качества и выступающего в роли обстоятельства, примыкающего к глаголу, прилагательному, наречию, предикативному слову и реже к существительному, например: *Петрович вышел **вслед** за ним и, оставаясь на улице, **долго еще** смотрел **издали** на шинель и **потом** пошел **нарочно** в сторону, чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать **вновь** на улицу и посмотреть **еще** раз на свою шинель с другой стороны, то есть **прямо** в лицо* [3, с. 240]. В данном предложении – 9 наречий, 8 из них характеризуют действие, и одно примыкает к наречию «долго **еще**».

Указывая на признак признака, эта часть речи выполняет изобразительную функцию, предоставляя в распоряжение писателя богатую палитру языковых красок. Многие грамматисты считают определяющим свойством наречия его близость к прилагательному. Так, А. А. Шахматов утверждал, что по существу своему наречие тождественно с прилагательным и отличается от него лишь отсутствием форм согласования. Не касаясь противоречий синтаксической точки зрения на выделение наречия в самостоятельную часть речи, стоит отметить плодотворность сближения его с прилагательным при стилистической характеристике, поскольку обстоятельственные слова выступают в речи в такой же образной функции, как и определения [2, с. 333].

Стилистические функции наречий зависят от их принадлежности к тому или иному разряду по значению. Наибольшей стилистической активностью отличаются определительные наречия способа и образа действия (например, ***нараспашку***), выполняющие в тексте эстетическую функцию: *Вынувши шинель, он **весьма гордо** посмотрел и, держа в обеих руках, **набросил весьма ловко** на плеча Акакию Акакиевичу; **потом** потянул и **осадил ее сзади** рукой **книзу**; **потом драпировал** ею Акакия Акакиевича **несколько нараспашку*** [3, с. 240].

В основе экспрессии количественных наречий, в том числе наречий меры и степени, лежит не изобразительность, а интенсивность проявления качества, динамизм действия; в их составе много экспрессивно окрашенных слов (***весьма, совершенно, несколько, невозможно, много, мало, вовсе*** и др.): *А в доказательство приложил к просьбе **преогромнейший** том **какого-то** романтического сочинения, где **чрез каждые** десять страниц*

является капитан-исправник, местами даже **совершенно** в пьяном виде [3, с. 228]. Наречие **совершенно** по разряду определительное, по значению количественное, меры и степени; неизменяемое. По строению производное от прилагательного «совершенный».

Наречия в повести «Шинель» участвуют в предметно-образной конкретизации описаний в сочетании с иными частями речи и при этом не являются главным средством изобразительности, а лишь дополняют палитру языковых средств, используемую Н. В. Гоголем, например: *Говорят, весьма недавно поступила просьба от одного капитан-исправника, не помню какого-то города, в которой он излагает ясно, что гибнут государственные постановления и что священное имя его произносится решительно всуе* [3, с. 228]. Как видим, экспрессия наречий лишь дополняет изобразительность других частей речи, и прежде всего глаголов и прилагательных.

Неопределенность образа героя, сочетающаяся с неуверенностью и робостью как главными чертами его характера, передается писателем с помощью наречий меры и степени. Например, описывая внешность Акакия Акакиевича, Гоголь использует наречие со значением меры и степени признака **несколько**, троекратный повтор которого создает повышенную экспрессию авторской характеристики. Значение неопределенности усиливает и вводная конструкция «не сказать, чтобы»: *...чиновник нельзя сказать, чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат...* [3, с. 228].

При всем богатстве и многообразии определительных наречий в русском языке их выразительно-изобразительные возможности так же неограниченны, как и у соответствующих прилагательных. Н. В. Гоголь с помощью наречий-эпитетов создает яркое представление об отношении разных персонажей к главному герою: *Начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически* [3, с. 228]. Все это делает наречия важным звеном в ткани художественного текста.

По частотности употребления в повести количественные наречия значительно уступают определительным, однако по художественной значимости они бесценны, так как помогают уточнить и усилить характерные черты того или иного героя произведения, например: *И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной, образованной светскости...* [3, с. 230].

Совершенной противоположностью эстетических наречий являются обстоятельственные наречия, несущие информативную функцию в тексте: *С тех пор оставили его навсегда переписывать* [3, с. 231].

Таким образом, наречия в повести Н. В. Гоголя «Шинель» выполняют различные функции: характеристическую, эстетическую, информативную, а также служат для создания фона произведения. Для писателя, как известно, было характерно детализированное видение художественного мира, и многочисленные наречия разных разрядов, несомненно, помогают в этом.

Список использованной литературы

1. Поспелов, Г. Н. Творчество Н. В. Гоголя [Электронный ресурс] / Г. Н. Поспелов // N-v-gogol.ru. – Режим доступа: <http://n-v-gogol.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st004.shtml>. – Дата доступа: 15.05.22.
2. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 8-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2007. – 448 с.
3. Гоголь, Н. В. Повести. Ревизор / Н. В. Гоголь // Классики и современники / под ред. В. Дворецкой. – М. : Худож. лит., 1984. – 336 с.

[К содержанию](#)

Л. А. БЛЕЯН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. Н. Ковальчук, канд. филол. наук, доцент

РЕЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОВИНЦИАЛОВ В ПОВЕСТЯХ Н. В. ГОГОЛЯ

Н. В. Гоголь – один из самых выдающихся русских писателей XIX в., прозаик и сатирик. Его творчество давно уже стало классическим, а язык произведений и их стилистика активно исследуются до сих пор.

Для изображения своих героев писатель прибегает к использованию разнообразного инструментария. Выделим основные средства, которые применяет автор: образ-портрет, сопоставление героев с отдельными животными, специфическая речь, характерный пейзаж, описание предметной обстановки, типизация через соотнесение с классом подобных явлений, говорящие фамилии.

Рассмотрим речевую характеристику героев и попытаемся ее атрибутировать в повести «Шинель», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и поэме «Мертвые души».

Речевая характеристика персонажей не функционирует изолированно, а взаимодействует с другими способами характеристики. При этом она включает в себя ряд отдельных элементов: выбор интонации при ее пунктуационном или словесном обозначении, знаковой лексики (в том числе слов-паразитов, характерных оборотов речи), разделение пассивного и более частотного словарного запаса героев, наличие или отсутствие

различных семантических групп лексики, применение оттенков слов, варьирование темпа речи, ее прерывистость и т. д.

Комплексный образ персонажа складывается из обрисовки характера и эмоциональных реакций человека, его темперамента и волевых решений, внешности (в разных ее компонентах), наличия и качества образования, проявленного в тексте, предрасположенностей и привычек, окружения, сословных показателей и статуса, самооценки и мировоззренческих составляющих, отношения к окружающим и т. д. Все перечисленное оттеняет психологический и социальный портрет героя, раскрываемый читателю как через поступки, оценку других персонажей, так и с помощью особой манеры речи. Через речевые характеристики персонажа может быть представлен даже его возраст и пол, психофизиологическое состояние и возможные его изменения.

Автор может сам высказаться о речи героя, давая ее так называемую косвенную характеристику, будто оценивающую речь со стороны, и может передать функции такой характеристики другим персонажам или самому герою. Помогает убедительности такого приема подкрепление его особыми невербальными компонентами: жестами, выражением лица, указанием на темп речи или особенности дикции, подчеркивание громкости, тембральных качеств голоса и т. д. Максим Горький писал: «Не всегда важно, что говорят, но всегда важно, как говорят» [1, с. 87]. Особенности способа звучания речи героя создают его речевую характеристику.

В «Словаре лингвистических терминов» под редакцией Д. Э. Розенталя наличествует термин «речевая характеристика (речевой портрет)» – это «подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений как средство художественного изображения персонажей; в одних случаях для этой цели используются слова и синтаксические конструкции книжной речи, в других – средством речевой характеристики служат просторечная лексика и необработанный синтаксис и т. д., а также излюбленные «словечки» и обороты речи, пристрастие к которым характеризует литературный персонаж с той или иной стороны (общекультурной, социальной, профессиональной и т. п.)» [4]. Такой «подбор» осуществлял и Н. В. Гоголь.

Классик подбирает подходящие к характеру и типу персонажа отличительные речевые конструкции, словоупотребления, интонации, благодаря которым можно определить социальную принадлежность героя, возраст и уровень его образованности и культуры. Это и есть речевая характеристика образа-персонажа в произведениях Н. В. Гоголя, в которой, на наш взгляд, можно выделить следующие составляющие: особенности речи (интонация, словоупотребление); цель разговора, предмет разговора; место диалога в развитии сюжета произведения.

В повести «Шинель» при передаче речи Акакия Башмачкина писатель использует особую ее структуру, ограниченность словарного запаса и интонацию, отражающую отчаяние человека, который не может за себя постоять: «Молодые чиновники подсмеивались и остряли над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия... Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто бы никого и не было перед ним...» [2, с. 225]. Характерна и ответная реакция героя на грубые шутки и издевательства его сослуживцев: «Оставьте меня! Зачем вы меня обижаете!» [2, с. 225]. И две эти короткие реплики звучат намного выразительнее пространныго монолога. В них есть все: боль, незащищенность, желание спрятаться.

Необразованность Акакия Акакиевича находит отражение в его речи, о чем свидетельствует скудный словарный запас и неумение строить предложения. Сам Н. В. Гоголь не без иронии отмечает, что герой «изъяснялся большею частью предлогами, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Если же дело было затруднительно, то он даже имел обыкновение совсем не оканчивать фразы...» [2, с. 223]. Синтаксическая прерывистость речи героя была указана как характерная черта произведения еще русскими формалистами, исследовавшими специфику структуры повести «Шинель».

Внутренне ограниченный Башмачкин неспособен пользоваться связной сложной речью. Он говорит изолированными друг от друга, краткими незаконченными предложениями, свидетельствующими о его беспомощности, неуверенности, робости: «А я вот к тебе, Петрович, того...» [2, с. 235].

Не менее выразительно показаны цель и предмет разговора в поэме «Мертвые души». Герой-авантюрист Павел Чичиков ездил к помещикам и вел с ними разговоры с целью купить мертвые души. Н. В. Гоголь также обращает внимание читателя на манеру речевого поведения Чичикова, так как тот создавал у героев поэмы благоприятное впечатление порядочного человека: «Говорил ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует. Словом, куда ни повороти, был очень порядочный человек. <...> Никогда не позволял он себе в речи неблагопристойного слова» [3, с. 10].

Говоря о месте диалога в развитии сюжета произведения, следует обратить внимание на последствия ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем в повести «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Друзья, чьими отношениями восхищались многие, становятся врагами после взаимных оскорблений и обид, что поворачивает развитие сюжета в другом направлении. Соответственно, разговоры героев оказываются центральным сюжетообразующим компонентом, так как важны не только с точки зрения их смысла или

характеристики персонажей, но и с точки зрения отношения к сказанному самим героям, а после их решений.

Таким образом, речевая характеристика героев у Н. В. Гоголя является способом репрезентации психологических и многих других особенностей персонажа, а также помогает писателю специфически конструировать элементы и формы литературного произведения для оптимального с точки зрения замысла содержательного наполнения.

Список использованной литературы

1. Горький, М. В. И. Ленин (первая редакция) / М. Горький. – М. : Изд-во полит. лит., 1972. – 64 с.
2. Гоголь, Н. В. Повести. Ревизор / Н. В. Гоголь. – М. : Худож. лит., 1984. – 332 с.
3. Гоголь, Н. В. Мертвые души : поэма / Н. В. Гоголь. – М. : АСТ, 2019. – 352 с.
4. Словарь-справочник лингвистических терминов (Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/index.htm>. – Дата доступа: 25.05.2023.

[К содержанию](#)

С. С. БОВДА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Прошлый век был ознаменован систематизацией лексического фонда русского языка и изданием множества словарей разных типов. В наши дни лексикография продолжает бурно развиваться, появляется много новых типов словарей. Однако одним из самых традиционных и стабильных лексикографических изданий остается этимологический словарь.

Интерес человека к происхождению слов обусловил появление первых этимологических изысканий еще в Древней Греции. Термин *этимология* зародился в среде древнегреческих философов-стоиков. Он восходит к греческим словам *этиом* ‘истина’ и *логос* ‘слово, учение’, т. е. этимологией называли учение об «истинном» (первоначальном) значении слова. До XIX в. термин *этимология* в языкознании мог употребляться в значении ‘грамматика’. Этимологическими назывались фактически словообразовательные словари. Как самостоятельная научная дисциплина этимология оформилась лишь в XIX в. с развитием в языкознании сравнительно-исторического метода. В современном понимании этимология – это наука о происхождении значимых единиц языка [8].

Если обратиться к предыстории этимологической лексикографии славянских стран, то можно заметить, что на Руси первые этимологические сведения накапливались в **ономастиконах** (словари собственных имен). Это были списки незнакомых слов, в которых объяснялось их значение и происхождение, но они в основном состояли из заимствований, географических названий, сложных слов, имен собственных. Впоследствии эти источники обобщались в **азбуковники** – рукописные сборники статей нравоучительного, учебного и энциклопедического содержания. Такие сведения служили «словарными сокровищницами» Средневековья [1].

Говоря о предыстории этимологической традиции на Руси, нельзя не сказать об изучении происхождения слов в XVIII в., которое часто было основано на формальном сближении исконно неродственных слов, т. е. на народной этимологии. Так, В. К. Третьяковский считал, что название страны *Норвегия* – это форма слова *наверхия*, так как эта страна расположена наверху географической карты [5, с. 16]. Тем не менее учеными в XVIII в. уже был поставлен вопрос о старшинстве языков, о фонетических соответствиях между словами из родственных языков, о необходимости привлечения диалектных и культурно-исторических данных и однокоренных слов при установлении происхождения слова. В дальнейшем это повлияло на создание количества этимологических словарей.

Фактически первым этимологическим словарем русского языка стал «Корнеслов русских слов» Федора Шимкевича (1842). Самый объемный на данный момент этимологический словарь русского языка – «Russisches Etymologisches Wörterbuch» (объем словаря – около 18000 слов). Он был составлен в 1938–1950 гг. российским и немецким ученым Максом Фасмером на немецком языке, а позже был переведен на русский язык и дополнен в 1959–1961 гг. О. Н. Трубачевым.

Стоит отметить, что специфика этимологических сведений не дает возможности размещать их ни в каком другом издании, кроме как в этимологическом словаре. Например, сравнивая толковый словарь с этимологическим, можно заметить их различные цели: у первого – толкование значения слов в современном языке, у второго – объяснение происхождения слов. Сравним словарные статьи:

БАЛЛАСТ – груз, огрузка, пустогруз; чугунные слитки, балластины, камня, галешник, песок и пр., погружаемые в трюм (в мурью, на дно) судна, кроме товаров, для должной осадки и устойчивости его; посему балластом называют всякую лишнюю, никуда не нужную, как вещь, тяжесть [2].

БАЛЛАСТ – 1. Груз для улучшения мореходных качеств судна, для регулирования высоты полета аэростата. 2. перен. То, что излишне отягощает, обременяет кого-что-н. (книж.) [4].

БАЛЛАСТ – впервые в Моск. уставе 1720 г.; заимств. из голл. ballast или нем. Ballast, откуда также англ. Ballast [7, с. 117].

Очевидно, что этимологические словари гораздо больше углубляются в историко-культурную сферу. Данную тенденцию можно проследить на примере этимологии слов *апельсин* и *мандарин*.

Апельсин. Заимствовано из голландского, где *appelsien* буквально означает ‘китайское яблоко’ и представляет собой кальку французского, где этот плод называется *pomme de Chine* (*pomme* – яблоко, *de* – из, *Chine* – Китай) [3].

Мандарин. Французское – *mandarine*. Испанское – *aranja mandarina* (апельсин мандаринский). Немецкое – *Mandarin*. Португальское – *mandarin* (китайский сановник). Древнеиндийское – *mantrin* (советник). Слово *мандарин*, обозначающее ‘сорт цитрусовых фруктов’, а именно ‘субтропическое плодовое дерево семейства рутовых, а также плод этого растения с оранжевой кожурой’, заимствовано из французского языка. Мандарин в значении ‘высокий китайский государственный чин’ пришло в русский язык из португальского через немецкий и другие западноевропейские языки [6].

Таким образом, обращение к этимологическому словарю позволяет определить первоначальный облик слова, проследить изменение этого облика в процессе функционирования слова в языке, а также восстановить образ, положенный в основу номинации. Важнейшей особенностью этимологических словарей является то, что они содержат информацию не только лингвистического, но и историко-культурного плана.

Список использованной литературы

1. Азбуковники [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь. – Режим доступа: <https://les.academic.ru/36/Азбуковники>. – Дата доступа: 01.05.2023.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=842>. – Дата доступа: 01.05.2023.
3. Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / Г. А. Крылов. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/krylov/a/апельсин>. – Дата доступа: 01.05.2023.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=996>. – Дата доступа: 01.05.2023.
5. Откупщиков, Ю. В. К истокам слова: рассказы о науке этимологии / Ю. В. Откупщиков. – 3-е изд., испр. – М. : Просвещение, 1986. – 176 с.
6. Семенов, А. В. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / А. В. Семенов. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/m/мандарин>. – Дата доступа: 01.05.2023.

7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986. – Т. I (А–Д). – 576 с.

8. Этимология [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedic/articles/280/etimologiya.htm>. – Дата доступа: 01.05.2023.

[К содержанию](#)

М. А. БОГДАН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. А. Зуева, преподаватель

РОЛЬ ЭПИГРАФОВ В ПОВЕСТЯХ «СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА» И «МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА» ИЗ ЦИКЛА Н. В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

Стиль Н. В. Гоголя «представляет собой предмет для отдельных специальных лингвистических исследований; идиостиль Н. В. Гоголя признается уникальным и неповторимым» [3, с. 55]. Цель статьи заключается в рассмотрении эпиграфов и их роли в повестях «Сорочинская ярмарка» (далее – СЯ) и «Майская ночь, или Утопленница» (далее – МНУ) из цикла Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Анализ материала показал, что Н. В. Гоголь указывает источники, взятые для эпиграфов к частям своих повестей, среди которых выделены:

1. Поэма **И. П. Котляревского**, «украинского писателя, театрального и общественного деятеля, первого классика новой украинской литературы» [4, с. 113], «**Энеида**» является «первым произведением новой украинской литературы, написанным разговорным украинским языком. В произведении явный национальный колорит (изображение быта украинцев в обрядах, обычаях, поверьях, пище, одежде, развлечениях), поэтому “Энеиду” называют энциклопедией украинской жизни XVIII в.» [4, с. 114]. Можно предполагать, что Н. В. Гоголь использует эпиграфы из «Энеиды» И. П. Котляревского с целью сближения с разговорным языком, о чем свидетельствуют лексемы: «*Чи бачишь, він який парнище? / На світі трохи єсть таких. / Сивуху так, мов брагу, хлище!*» (СЯ, с. 16). «*Хоть чоловікам не онеє, / Та коли жінці, бачиш, тее, / Так треба угодити...*» (СЯ, с. 18). «*...Піджав хвіст, мов собака, / Мов Каїн, затрусивсь увесь; / Из носа потекла табака*» (СЯ, с. 26).

2. Комедия **В. А. Гоголя**, «украинского писателя, отца Н. В. Гоголя», «**Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом**» [2]

«о народном быте, наработка писателя (только это произведение), была опубликована в 1862 г. Отдельные ситуации и типы из комедий отца использовал в своем творчестве Н. В. Гоголь» [2], что подтверждают эпиграфы к частям повести «Сорочинская ярмарка». Лексика комедии погружает в атмосферу ярмарки, создает ярмарочный колорит: *«Що, боже ти мій, госпODE, чого нема на тій ярмарці! Колеса, скло, дьоготь, тютюн, ремінь, цибуля, крамарі всякі... так, щ охоч би в кишені було рублів і з тридцять, то й тоді б не закупив усієї ярмарки»* (СЯ, с. 14). Наблюдается и сближение с разговорным языком: *«От біда, Роман іде, от тепер як раз насадить иені бeбexів, та й вам, пане Хомо, не без лиха буде»* (СЯ, с. 21). *«Та тут чудасія, мосьпане!»* (СЯ, с. 24). *«Цур тобі, пек тобі, сатаниньске навождение!»* (СЯ, с. 28).

3. Байка **П. П. Гулака-Артемовского «Пан и собака»**, которая «сразу принесла писателю популярность» [5, с. 193]. Отметим, что некоторое время П. П. Гулак-Артемовский «работал домашним учителем в семьях помещиков на Волыни и Киевщине. Наблюдения за страданиями крепостных и литературно-эстетические взгляды подтолкнули поэта к написанию первой стихотворной байки новой украинской литературы, отличающейся национальным колоритом и представляющей собой бурлескно-сатирическое обличение патриотизма, самодурства и распущенности помещиков, суровой правды о каторжном положении простых людей» [5, с. 193]. Н. В. Гоголь взял для эпиграфа следующий отрывок: *«Чим, люди добрі, так оце я провинився? / За що глузуюте? – сказав наш неборак. – / За що знущаетесь ви надо мною так? / За що, за що? – сказав та й попустив патьоки, / Патьоки гірких сліз, узявшись за боки»* (СЯ, с. 30). В нем также наблюдается сближение с разговорной речью.

4. Отрывок из **народной общественно-бытовой казацкой песни «Стоїть явор над водою...»**. «Казацкие песни интересны, проникнуты пафосом. В них запечатлены славные страницы истории, связанные с подвигами казацкого рыцарского войска [6, с. 18]. «Песня “Стоїть явор над водою...”» отличается тоской и грустью. По казаку плачет мать. Лиризм песни достигается краткостью выражения, использованием уменьшительно-ласкательных форм, повторами» [6, с. 21]: *«Не хилися, явороньку, / Ще ти зелененький; / Не журися, козаченьку, / Ще ти молоденький!»* (СЯ, с. 19). Эпиграф отражает фольклорные традиции в творчестве Н. В. Гоголя, «здесь использованы традиционные для фольклора символы, которые выражены в произведении» [6, с. 21]. Явор (в русском языке «клен белый» [3, с. 57]) – «дерево, которое всегда ассоциировалось с молодым парнем, казаком. За каждой народной песней – жизнь народа, истинные ценности, которые люди стремились сберечь» [6, с. 21]. Важно отметить известную исполнительницу народных песен

Марусю Чурай. Это «легендарная поэтесса и певица с Полтавщины. Ей приписывают авторство многих популярных песен. По рассказам, Маруся Чурай жила в первой половине XVII в. и была дочкой полтавского козака. Она любила парня Григория Бобренко, но его мать была против их любви. Маруся ждала Гришу с войны, а он, вернувшись, послушал мать и женился на другой. Обида и боль от предательства породила жажду мести в душе девушки. Она заварила зелье и отравила Гришу, хотя в некоторых рассказах говорится, что парень сам выпил отраву, которую Маруся приготовила для себя. История отношений двух молодых людей, их трагической любви стала основой песен Маруси Чурай, в которых проявился поэтический талант певицы [4, с. 62–63]. Народные песни в исполнении Маруси Чурай и ее авторские песни являются «интересным, оригинальным образцом украинской народно-песенной культуры» [4, с. 64], и Н. В. Гоголь использовал их в повести «Сорочинская ярмарка».

5. В качестве эпитафий используются отрывки: из семейно-обрядовой свадебной песни: «*Не бійся, матінко, не бійся, / В червоні чобітки обується, / Топчи вороги / Під ноги; / Щоб твої підківки / Бряжчали! / Щоб твої вороги / Мовчали!*» (СЯ, с. 32); из старинной легенды: «*Мені нудно в хаті жить. / Ой, вези ж мене із дому, / Де багацько грому, грому, / Де гопцюють все дівки, / Де гуляють парубки!*» (СЯ, с. 11); з простонародной сказки: «*Ще спереду і так, і так; / А ззаду, ей-же-ей, на черта!*» (СЯ, с. 27). Встречается пословица: «*За мое ж жито та мене й побито*» (СЯ, с. 29). Данные эпитафии демонстрируют связь творчества Н. В. Гоголя с фольклором.

6. В повести «Майская ночь, или Утопленница» встречается эпитафия без указания на источник, в котором наблюдается сближение с разговорным языком: «*Ворог його батька знає! Почнуть що-небудь робить люди хрещені, та мудруютьця, мудруютьця, мов хорти за зайцем, а все щось не до шмигу; тільки ж куди чорт уплетецця, то верть хвостиком – так де воно й візмецця, неначе з неба*» (МНУ, с. 49).

Таким образом, эпитафии в повестях «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь, или Утопленница» играют роль текстовых маркеров, с помощью которых автор переносит читателя в непосредственное место действия. Эпитафии на фоне основных текстов – своеобразные текстовые разделы, которые объединяют Н. В. Гоголя с другими писателями в тяготении к разговорному языку и подтверждают, что цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки» создавался на фольклорной основе.

Список использованной литературы

1. Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасичником Рудым Паньком / Н. В. Гоголь. – Минск : Юнацтва, 1981. – 192 с.

2. Карпенко, О. І. Гоголь Василь Панасович [Електронний ресурс] / О. І. Карпенко // Українська літературна енциклопедія. – Режим доступу: <https://1668.slovaronline.com/1947>. – Дата доступу: 07.04.2023.

3. Савченко, А. В. Украинский язык в фольклорном контексте: образность, фольклор и этносимволика (на примере эпитафий повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка») [Электронный ресурс] / А. В. Савченко, А. Г. Бодрова // Этническая культура. – 2019. – № 1 (1). – С. 55–58. – Режим доступу: https://journalec.com/ru/article/64082/discussion_platform. – Дата доступу: 07.05.2023.

4. Українська література / уклад. С. Витвицька. – Тернопіль : Підручники і посібники, 2014. – 480 с.

5. Пахаренко, В. І. Українська література / В. Пахаренко. – Київ : Генеза, 2009. – 368 с.

6. Міщенко, О. І. Українська література / О. І. Міщенко. – Київ : Генеза, 2007. – 288 с.

[К содержанию](#)

Н. В. БОДРЕВСКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. Ю. Яницкая, канд. филол. наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИКИ

Раздел «Лексикология и фразеология» изучается в 5 классе. Учащиеся знакомятся с понятиями «слово», «лексическое значение», «прямое и переносное значение», «слова однозначные и многозначные», «синонимия», «антонимия», при этом в учебном процессе педагоги используют разные методы и приемы.

Современные учащиеся не представляют свою жизнь без гаджетов, они потребляют информацию при помощи коротких видео, мемов, графических рисунков, фотоснимков, т. е. фрагментарно. В результате снижается их познавательный интерес и замедляется развитие мыслительных навыков.

Связано это с активным развитием информационных технологий. Психологи утверждают, что у подростков формируется так называемое «клиповое мышление», в результате которого информация воспринимается через яркие образы и послания. Поэтому вербальный стиль подачи учебных материалов отходит на второй план. В итоге у школьников возникает трудность в восприятии огромного количества информации, а также ее качественной переработки.

К сожалению, «клиповое мышление» не подразумевает развития активного словарного запаса учащихся, так как для этого необходимо работать с большим по объему толковым словарем. Для школьников смысл многих слов непонятен. Они не умеют употреблять их в речи. Но слово

не может быть усвоено само по себе, поэтому очень важно на уроке научить детей правильно и точно употреблять слова.

Как это сделать? Действенным средством является использование различных способов зрительной подачи учебного материала. Следует отметить, что принцип наглядности в педагогике – традиционный. Наглядность – это демонстрация таблиц, опорных конспектов, схем, алгоритмов, кластеров, презентаций и др. Понятие «визуализация» и «наглядность» схожи. А. А. Вербицкий сформулировал следующее определение: «Процесс визуализации – это свертывание мыслительных содержаний в наглядный образ, будучи воспринятым, образ может быть развернут и служить опорой адекватных мыслительных и практических действий» [1]. Другими словами, визуализация – это процесс представления данных в виде изображения с целью максимального удобства их понимания.

Визуальное мышление опирается на зрительный тип памяти и сочетает в себе наглядно-образное и наглядно-действенное мышление. В этом случае материал усваивается по принципу «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Визуализация необходима на уроках русского языка, так как она развивает зрительную память, воображение, снимает трудность воспроизведения материала и делает обучение более осмысленным. В процессе работы учащиеся сопоставляют факты, анализируют их, устанавливают причинно-следственные связи и делают выводы. К. Д. Ушинский писал: «Когда вы входите в класс, от которого тяжело добиться слова, начните показывать рисунки, и класс заговорит, а главное, заговорит свободно» [2, с. 372].

Использование визуализации требует большой подготовки учителя: в первую очередь необходимо обратить внимание на качественный отбор иллюстрационного материала. Он должен соответствовать следующим критериям: точность и однозначная интерпретация изображения, демонстрация одного предмета, отсутствие посторонних объектов, высокое качество изображения.

Существует огромное количество приемов визуализации учебного материала. Отметим некоторые из них.

– Ментальная карта (интеллект-карта, или схема мышления) представляет собой схему, в центре которой находится ключевое слово или рисунок, и от него в разные стороны отходят ветви (основные понятия), которые, в свою очередь, разветвляются на веточки (пункты и подпункты). В итоге получается что-то вроде «корневой системы». Рисовать такую карту можно с помощью программы на компьютере, а можно и на листе бумаги. Благодаря использованию цветов, рисунков любая информация воспринимается, анализируется и запоминается гораздо быстрее. Ментальная карта является прежде всего техникой мышления, т. е. в ее основе лежит

процесс получения нового знания. Такие карты можно использовать на этапе актуализации знаний, в ходе самостоятельной работы с учебником или словарем.

– Создание учебной иллюстрации. Например, объясняя значение слова *теннис*, на листе изображаем две ракетки. Так учащиеся знакомятся не только с новым словом, но и с его правописанием.

– Создание учебных плакатов. На листе ватмана размещаются слова, которые принадлежат к одной тематической группе.

– Кроссворды. Для их создания необходимо знать лексическое значение слов, уметь работать со словарем, а структура самого кроссворда приучает ребенка к анализу графического облика слова.

– Ребусы. Этот метод связан с активизацией ассоциативной зрительной памяти. Чтобы составить ребус, необходимо знать лексические значения слова, уметь разбивать лексему на составные части и зашифровывать каждую из них.

– Шарады. В них целое слово шифруется в составных частях других слов. Здесь как минимум необходимо знать значение трех слов. Например, зашифровано слово *вестибюль*: первая часть слова – то же, что и новости, вторая часть спрятана в начале листка нетрудоспособности, а все вместе – проходное помещение при парадном входе в здание, преимущественно общественное; передняя.

– Составление двустиший помогает запомнить не только новое слово, но и постановку ударения в нем.

– Рисунки облегчают понимание значения слова или фразеологизма. Это способствует быстрому запоминанию, обеспечивает употребление языковых единиц и обогащению словарного запаса.

– «Облако слов» – удобный инструмент обработки текста. Суть его работы заключается в следующем: вы вставляете слова или термины в специальное окно, выбираете трафарет, напоминающий облако или другую фигуру, при этом самые важные слова по вашему усмотрению выделяются крупным шрифтом и являются ядром облака. Использование этого метода возможно на любом этапе изучения темы. Такой вид работы развивает пространственное мышление, активизирует мыслительную деятельность, помогает ученикам при написании сочинений.

Таким образом, визуализация сегодня – неотъемлемая часть процесса обучения. Использование различных визуальных приемов помогает активизировать работу на уроке, развить грамотность и речевую культуру учащихся, повысить интерес к предмету.

Список использованной литературы

1. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А. А. Вербицкий. – М. : Высш. шк., 1991. – 207 с.

2. Ушинский, К. Д. Избранные педагогические сочинения / К. Д. Ушинский. – М. : НАРКОМПРОС РСФСР, 1945. – 565 с.

3. Рожко, В. К. Использование мнемонических приемов для развития орфографической зоркости и продуктивной памяти на уроках русского языка / В. К. Рожко // Рус. яз. и лит. – 2019. – Вып. 9. – С. 3–7.

4. Зухович, Н. А. Обогащение словарного запаса учащихся на уроках русского языка / Н. А. Зухович // Рус. яз. и лит. – 2018. – Вып. 5. – С. 18–21.

[К содержанию](#)

Д. В. БОРЗОВА

Славянск-на-Кубани, филиал КубГУ

Научный руководитель – М. Ю. Беляева, д-р филол. наук, профессор

**МАРКЕРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
В ФАМИЛЬЕКОНЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ «СЛОВАРЯ АНГЛИЙСКИХ ФАМИЛИЙ»
А. И. РЫБАКИНА)**

Фамильекон от древнеанглийского (конец XI в.) до новоанглийского (до XVII в.) периодов [8, с. 3] является средством отражения истории Британии, важным источником информации об укладе жизни, культуре, стремлениях, верованиях предков (кельтов, германцев, нормандцев и др.), их исторических контактах [2; 4; 7]. По выражению современного писателя, «мы попадаем в слой спрессованного времени и разворачиваем былую жизнь» [5, с. 601].

Целью исследования стало выявление в фамильеконе английского языка этномаркированных антропонимов, появление которых было вызвано этноязыковыми контактами на территории Британии, и их лексико-словообразовательных признаков.

Объект исследования – этномаркированные фамилии английского языка. Термин *этномаркирующий аффикс* введен с целью обозначения типичных для ономастической системы (ядерных, системообразующих, продуктивных, узнаваемых) словообразовательных формантов [1, с. 147]. Под этномаркированными фамилиями мы подразумеваем те, чьи производящие, их форманты, отнесенность к тематическим группам свидетельствуют о языке – источнике их происхождения.

В процессе работы со «Словарем английских фамилий» А. И. Рыбакина методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано 96 английских антропонимов (буквы А–С), что составляет примерно 20 % от общего количества вокабул в словаре [6].

Было выявлено, что наибольшее количество образований в нашем языковом материале пришло из германских (45 %), кельтских (33 %), нормандского (22 %) языков. Фамилии из латыни, древнееврейского и некоторых других языков в данной работе не рассматривались.

В период ранней истории Британских островов (с VII в.) здесь проживали кельты, чьи языки (кельтиберский, бретонский, валлийский, гэльский, ирландский) делятся учеными на галло-бретонские и гаэльские, островные и континентальные [3, с. 218]. Наиболее древними являются кельтские фамилии, образованные от топонимов, наименований географических объектов (10,4 %): *Alker* – от *Altcar* ‘мутная река’; *Arbroath* – от *aber* ‘устье реки’; *Brothock* – потамоним; *Cam* – от ‘кривой, изогнутый’ – потамоним в Глостершире и др. От терронимов образованы древнеанглийские фамилии: *Abberley* – от топонима *Abberley* в Вустершире; *Allerton* – от топонима в Йоркшире; *Annesley* из *an* + *leah* – от топонима в Ноттингемшире и др. От личных имен образовано 2 % от общего числа обследованных кельтизмов: *Abadam* – от валлийского *ab* ‘сын’ и *Adam* – личное имя (указывает на выражение родственных связей); *Carruthers* – от *caer* ‘крепость’ + *Rydderch* (личное имя *Родерик*). К фамилиям с кельтскими компонентами принадлежат: *Adlam*, *Adney*, *Ahern/Aherne*, *Alker*, *Arbroath*, *Cardew*, *Carruthers*.

Фамилии из германских языков подразделяются на:

– Фамилии из древнегерманских языков (12,5 %): *Albury*, *Aldington*, *Allwork*, *Alston*, *Angod*, *Anslow*, *Appledore*, *Arram*, *Attenborough*, *Bateman*, *Baltey*, *Carleton*.

– Фамилии из древнеанглийского языка (12,8 %): *Abberley*, *Acklam*, *Ackley*, *Ackroyd/Acroyd/Akroyd*, *Ackworth*, *Acre/Acres*, *Acton*, *Adderley*, *Addington*, *Alcott*, *Allnatt*, *Allonby*, *Allweather*, *Alport*, *Alsop*, *Alward*, *Ampleford*, *Amsden*, *Anderson*, *Annesley*, *Appleton*, *Arden*, *Arnold*, *Ashbury*, *Barton*, *Bascom*, *Basset*, *Beeby*, *Belgrave*.

– Фамилии из северогерманских (древнескандинавских) языков (4,1 %): *Alby*, *Althorp*, *Ammon*, *Barthorp*, *Bisbee*.

Среди фамилий германского происхождения от топонимов образовано 12,5 %: *Abberley* – от топонима в Вустершире; *Acklam*, *Ackworth* – от топонимов в Йоркшире; *Acre/Acres* – в том числе от топонима *Castle Acre* из Норфолка и др. Многочисленны сложения (42,7 %): *Addington*, *Albury*, *Allnatt*, *Allonby*, *Allweather*, *Allwork*, *Alport*, *Alsop*, *Alston*, *Althorp*, *Alward*, *Ammon*, *Ampleford*, *Amsden*, *Anderson*, *Angod*, *Annesley*, *Anslow*, *Appledore*, *Appleton*, *Arnold*, *Arram*, *Ashbury*, *Attenborough*, *Barthorp*, *Barton*, *Bascom*, *Basset*, *Bateman*, *Baltey*, *Beeby*, *Belgrave*, *Carleton* и др. Этномаркирующими морфемами служат *by/bee* ‘селение’, *thorp* ‘деревня’.

Сложные фамилии присутствуют и в антропонимах нормандского происхождения (17,7 % норманизмов): *Achard, Adnet, Aglionby, Aguiler, Allamand, Anger/Angers, Armer, Aslin, Avenel, Avelin, Baskerville, Carbonel, Cardinal*. Этномаркирующим элементом служит компонент *bel* ‘прекрасный’: *Belcher, Bellamy, Bellasis, Bellchamber*.

Следы нормандского вторжения и управления Британией с 1066 г. обнаруживаются в тематических группах производящих. От антропонимов сохранились единичные: *Agace/Agas* – от личного имени *Agatha, Anger/Angers (Angier)*. Топонимы исторической родины завоевателей немногочисленны (5,2 %): *Baskerville, Bellasis* ‘прекрасное место’ и др.

На образ жизни нормандцев указывают фамилии, связанные с оружием, его изготовлением и применением: *Armer* – от нормандского *armurier* ‘оружейник’; *Achard* – от нормандского, старофранцузского *Aquart: ackus* ‘боевой топор’ + *hart* ‘твердый, сильный, умелый’; *Bagot* ‘ссориться, сражаться’, *Bailhache* ‘дай топор, секиру’, *Battle, Battles* ‘битва, сражение’ и др. Фамилия *Ambler* образована от *ambler* ‘иноходь лошади’. Часть производящих указывает на профессиональную деятельность лиц (3,1 %): *Aguiler* – от *aiguiller* ‘игольных дел мастер’; *Ayler* ‘торговец чесноком’; *Couvreor* ‘кровельщик’; *Cardinal* – *cardinal* ‘кардинал’; *Carrier* ‘возчик, носильщик’; этническую принадлежность: *Allamand* – от *Alemaund* ‘человек германского происхождения’.

Таким образом, благодаря наличию этномаркирующих формантов ряд фамилий позволяет воссоздать последствия этнокультурных контактов, имевших место на территории современной Великобритании. Древнейшие оттопонимические именованья сменяются прозвищными фамилиями, отражающими социальную жизнь населения Британии. Наибольшее количество этномаркированных фамилий, как показал анализ, пришло из германских (45 %), кельтских (33 %), нормандского (22 %) языков, формируя фамильекон английского языка.

Список использованной литературы

1. Беляева, М. Ю. Этномаркирующие аффиксы как показатель взаимодействия онимических систем / М. Ю. Беляева // Мова і культура. – Київ : Видав. дім Дмитра Бураго, 2005. – Вип. 8. – Т. V, ч. 2 : Національні мови і культури в їх специфіці та взаємодії. – С. 145–152.
2. Курицкая, Е. В. Исторический путь развития английских антропонимов / Е. В. Курицкая // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 8 (74), ч. 1. – С. 96–100.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Совет. энцикл., 1990. – 685 с.
4. Павленко, Л. Г. История английского языка : учеб. пособие / Л. Г. Павленко. – Таганрог : ТГПИ им. А. П. Чехова, 2006. – 105 с.
5. Резерфорд, Э. Лондон / Э. Резерфорд. – СПб. : Азбука, 2021. – 608 с.

6. Рыбакин, А. И. Словарь английских фамилий / А. И. Рыбакин. – М. : Астрель, 2000. – 576 с.

7. Тараканова, Д. Д. Возникновение древнеанглийских имен и фамилий / Д. Д. Тараканова // Молодой ученый. – 2016. – № 21 (125). – С. 1027–1028.

8. Шапошникова, И. В. История английского языка : учеб. пособие / И. В. Шапошникова. – 5-е изд. – М. : Флинта, 2022. – 508 с.

[К содержанию](#)

П. С. БОРОДУЛЯ

Смоленск, СмолГУ

Научный руководитель – Н. А. Максимчук, д-р филол. наук, профессор

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОЙ ДЕФИНИЦИИ В НОРМАТИВНО-НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Изучение термина занимает одно из приоритетных мест в лингвистике. Внимание к этой проблеме привлекло ученых в период становления и развития отечественной науки. Так, например, первые терминологические системы возникли благодаря деятельности М. Ломоносова. Уже в XIX в. терминология в значительной степени начинает приобретать упорядоченный и систематизированный вид, что в первую очередь связано с развитием промышленности, сельского хозяйства, для которых необходима специальная профессиональная лексика [3, с. 41].

Проблема изучения термина и выявление различных подходов к изучению его природы представлена в работах таких ученых, как В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. Н. Головин, В. П. Даниленко, Т. Л. Канделаки, К. Л. Левковская, В. М. Лейчик, Д. С. Лоте, А. А. Реформатский, А. Д. Хаютин, С. П. Хижняк и др. [4, с. 225].

Термин как лексическая единица формирует понятийную систему общеобязательного научного знания, которое включает в себя совокупность сведений, необходимых индивиду для коммуникации и успешного взаимодействия с внешним миром. Одним из основных условий, позволяющих термину формировать систему научного знания школьника, является наличие дефиниции термина в нормативно-научном тексте учебников (далее – ННТ), которые, в свою очередь, являются основной формой отражения и содержания общеобязательного (школьного) научного знания.

В связи с этим целесообразно рассматривать различные формы и способы реализации раскрытия содержания того или иного понятия, поскольку основная цель дефиниции – выделить объект, называемый термином, из ряда других объектов, схожих с ним, посредством указания на родовое понятие и отличительные видовые признаки [5, с. 113]. Иначе

говоря, одной из методических проблем школьного обучения является проблема толкования термина.

Наша основная цель – рассмотреть термины школьных программ и выявить способы их толкования в ННТ, т. е. проанализировать учебную дефиницию.

Под учебной дефиницией понимается описание значения термина, соответствующее в первую очередь общему дидактическому требованию – доступности для учащихся. Учебная дефиниция в значительной степени приближена к научным определениям и является одним из жанров педагогического дискурса [2, с. 6]. Говоря об учебной дефиниции, мы в первую очередь имеем в виду такие определения, которые отражены в учебной литературе. Но, кроме того, учебная дефиниция – это такая форма нормативно-научного текста, которая, сохраняя и передавая основные научные свойства определяемого понятия, строится в доступной для учащихся форме.

Требования, которые предъявляются к формулировке дефиниции в различных жанрах научной и учебной литературы, довольно различны. Наше исследование, в ходе которого было рассмотрено 154 дефиниции из курса «Морфология» учебно-методического комплекса по русскому языку В. В. Бабайцевой, показало, что формы и способы семантизации учебных терминов весьма разнообразны и не ограничиваются лишь собственно дефиницией в ее логическом аспекте. Иначе говоря, учебная дефиниция одновременно характеризуется общетекстовыми признаками дефиниции и специфическими признаками педагогического дискурса [2, с. 6–7].

Так, в ходе исследования было выявлено семь различных способов толкования учебных понятий:

1. Собственно дефиниция: *Местоимение – самостоятельная часть речи, которая указывает на предметы, признаки, количество, но не называет их.*

2. Иллюстративные примеры: *Простое числительное – это слово с одним корнем: два, четыре, второй, четвертый и др.*

3. Операциональная дефиниция: *Изменение глагола по лицам и числам называется спряжением.*

4. Дефиниции-характеристики: ***Инфинитив** – неизменяемая форма глагола: он не указывает ни на время, ни на число, ни на лицо; только называет действие.*

5. Релятивный тип толкования: *Все надежды, кроме именительного, называются косвенными.*

6. Перечислительная дефиниция: *Определительные местоимения – сам, весь, всякий, каждый, иной, другой, любой, всюду, везде, всегда и др.*

7. Функциональная дефиниция: *Синтаксические признаки деепричастий – в предложении деепричастие зависит от глагола и является обстоятельством.*

Проанализировав учебные понятия и их толкования, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, каждый из представленных типов отличается от других своей достаточностью и соразмерностью дефиниента и дефиниции.

Во-вторых, рассмотренные дефиниции не имеют двусмысленного характера и не описываются в виде метафор, перифраз и т. д., т. е. отличаются четкостью и ясностью.

В-третьих, рассмотренные толкования с должной степенью достоверности отражают главные характеристики описываемого явления.

В-четвертых, каждое из представленных в учебном тексте толкований соответствует возрастным особенностям учеников средней школы – преобладающие в количественном отношении описательные, перечислительные и иллюстративные примеры это доказывают.

Выявленные качественные характеристики дефиниций, представленных в нормативно-научных текстах учебников по русскому языку, показывают, что объем нормативно-научного знания, составляющего содержание школьных программ, с достаточной степенью глубины и полноты отражает соответствующий фрагмент общенаучной картины мира.

Список использованной литературы

1. Бабайцева, В. В. Русский язык. Теория. 5–9 кл. : учеб. для общеобразоват. учреждений / В. В. Бабайцева, Л. Д. Чеснокова. – М. : Дрофа, 2012. – 319 с.
2. Коротева, О. В. Дефиниция в педагогическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. В. Коротева ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 1999. – 24 с.
3. Максимчук, Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. Ч. 1 / Н. А. Максимчук. – Смоленск : СГПУ, 2002. – 184 с.
4. Тимофеева, Н. П. Проблемы понимания научного термина в свете когнитивной теории / Н. П. Тимофеева // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. – 2006. – № 14 (3). – С. 224–228.
5. Sultanow, A. Zur Vermittlung von linguistisch-fachsprachlichem Wissen in der Sprachausbildung von Russischlehrerstudenten mit Hilfe von Lehr- und Lernthesauri / A. Sultanow. – 1990. – 179 s.

[К содержанию](#)

А. В. ВАСІЛЕВІЧ

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – Л. І. Яўдошына, канд. філал. навук, дацэнт

ФІЛАЛАГІЧНАЯ ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ ВЕРША**А. РАЗАНАВА «РАДЗІМА»**

Паэзія Алеся Разанава багатая сваім зместам, адметнай вобразнасцю і філасофскай заглыбленасцю. Яна прымушае чытача думаць і разважаць, пашырае абсягі яго светабачання, далучаючы да асэнсавання самых розных тэм і пытанняў. Адною з такіх тэм – важных і значных у разанаўскай паэзіі – з’яўляецца тэма Радзімы. Паэт закранае яе ў многіх сваіх творах. Мы хочам звярнуць увагу на верш «Радзіма», які быў надрукаваны ў другім зборніку Алеся Разанава «Назаўжды».

Верш уяўляе сабою маналог-зварот лірычнага героя да сваёй Радзімы. Першае слова ў тэксце – гэта зваротак-увасабленне, які дубліруе назву тэксту, з’яўляецца словам ключавым, хоць далей паэт яго і не паўтарае ў самім тэкście (замест гэтага слова ўжываецца займеннік *ты*): *Радзіма, да цябе з мальбой / І нараканнем не скрануся / Я ў весялосці не з табой / З табой у роздуме і ў скрусе* [1]. Радзіма ў вершы персаніфікуецца і становіцца маўклівай сведкай няпростых разваг чалавека пра сутнасць самога паняцця радзімы. Пры гэтым ужо ў першым радку твора паэт ужывае антытэзу «*весялосць – скруха*», каб падкрэсліць, што разважанні пра радзіму выклікаюцца нейкімі сур’ёзнымі перажываннямі і, хутчэй за ўсё, балючым роздумам, бо «*ў весялосці*» герой не задаецца такімі пытаннямі («*Я ў весялосці не з табой*»), а, мабыць, проста жыве, радуючыся самому жыццю. Аднак варта заўважыць, што ў трэцяй страфе лірычны герой вяртаецца да гаворкі пра весялосць і гаворыць пра тое, што яе ўсё ж дорыць чалавеку радзіма, нават калі сам чалавек не вельмі задумваецца пра гэта: *Калі будзіла весялосць?! / А прахаплюся – ты ўсё будзіш* [1].

У другой страфе лірычны герой спрабуе метафарычна акрэсліць вобраз радзімы: *Высвечвала бяздонным дном, / Ў акно ўзіралася з’інела, / І ведзьмавала туманом, / І летам бабіным звінела* [1]. З’явы прыроды, якія становяцца асновай разгорнутай метафары, выклікаюць асацыяцыі з рознымі парамі года: зімой (*ўзіралася з’інела*), летам і восенню (*ведзьмавала туманом, летам бабіным звінела*). З падтэксту радкоў нараджаецца ўсведамленне таго, што радзіма заўсёды, у любы час знаходзіцца поруч з чалавекам, з’яўляецца неад’емнай праявай блізкай і знаёмай з дзяцінства прыроды, усяго наваколля, якое акружае чалавека.

Лірычны герой працягвае свае разважанні пра радзіму ў трэцяй страфе наступнымі радкамі: *І мне няўцям, адкуль ты ёсць, / адкуль пасля з’яўляцца*

будзеш [1]. Прыведзены радок сведчыць пра тое, як няпроста лірычнаму герою вызначыць, акрэсліць той выток, адкуль пачынаецца радзіма, як турбуе і непакоіць яго гэтае пытанне. Ужыванне формаў цяперашняга і будучага часу дзеясловаў (*ёсць* і *з'яўляцца будзеш*) падкрэслівае разуменне пастаяннай прысутнасці радзімы ў чалавечым жыцці, незалежна ад таго, ці ўдаецца чалавеку акрэсліць, з чаго пачынаецца радзіма.

Наступныя радкі верша паказваюць спробу геаграфічнага вызначэння паняцця радзімы: *Ты не ўмяшчаешся ў куток, / дзе трызніць Буг, дзе Белавежа...* [1] Шматкроп'е паказвае на тое, што можна было б доўжыць пералік важных і вядомых геаграфічных аб'ектаў Беларусі, якія маглі б стаць знакавымі элементамі прасторавай характарыстыкі радзімы. Аднак герой хутка прызнаецца ў немагчымасці такім чынам акрэсліць сваю радзіму: *Твае не вызначыць мне межы / і не намацаць твой выток* [1]. Тым самым можна меркаваць, што Алесь Разанаў зусім па-іншаму разумее і вызначае мяжу радзімы. Яна сама становіцца для лірычнага героя нейкім духоўным паняццем, якое нельга дакладна паказаць на карце.

Заклучная страфа, на першы погляд, не здымае завесу загадкавасці і таямнічасці з вобраза радзімы, які спрабуе асэнсаваць герой А. Разанава: *У свет балючы дабяла, / у снежны свет – мае ўсходы / ідуць: там ты... там ты была!.. / Ты ўся наводдалі заўсёды* [1]. Аднак уважлівае прачытанне і расшыфроўка ўжытых тут вобразаў дазваляе прыйсці да пэўных высноў. Эпітэты *балючы дабяла* і *снежны асацыююцца* з адчуваннем чысціні, некранутасці, нерушу. Выраз *мае ўсходы* ўспрымаецца як перыфрастычная назва дзяцінства. Пунктуацыйнае афармленне радка «*там ты... там ты была!..*» сведчыць пра эмацыйную ўзрушанасць лірычнага героя, яго ўсхваляванасць ад усведамлення таго, што радзіма чалавека мае сваім вытокамі яго дзіцячыя гады, самы пачатак жыцця, нават калі сам чалавек таго пакуль і не ўсведамляе. Выказванне «*Ты ўся наводдалі заўсёды*» сведчыць не пра аддаленасць радзімы ад чалавека ці нават нейкую іх адчужанасць, а, наадварот, пра іх еднасць і ўзвышанасць радзімы, якая павінна заставацца для чалавека і сімвалам дзяцінства, і сімвалам жыцця, і знакам высокай духоўнай сілы, неад'емнай ад самога чалавека, бо, зрэшты, выток радзімы пачынаецца там, дзе ёсць выток жыцця самога чалавека.

Верш «Радзіма» А. Разанава па-філасофску акрэслівае вобраз радзімы і прымушае чытача сур'ёзна задумацца і паразважаць пра месца і сутнасць паняцця радзімы ў жыцці кожнага чалавека.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Разанаў, А. Радзіма [Электронны рэсурс] / А. Разанаў. – Рэжым доступу: <https://karotkiznest.by/беларуская-літаратура/алесь-разанаў/алесь-разанаў-радзіма.html>. – Дата доступу: 05.05.2023.

[К содержанию](#)

М. В. ВОДОДОХОВ

Минск, МГЛУ

Научный руководитель – В. Т. Иватович-Бабич, канд. филол. наук,
доцент**«ТАЙНА»/«MYSTERY»: ОТ СЛОВА К КОНЦЕПТУ**

Концепт «тайна» является одним из ключевых в концептосфере разных лингвокультур. Тайна – это явление, которое всегда привлекало внимание человека, вызывая интерес, любопытство и желание раскрыть ее сущность. Концептуализация *тайны* может варьироваться в определенных языковых и культурных контекстах. В данной работе мы сосредоточимся на выявлении особенностей концептуализации *тайны* в русской и английской языковых картинах мира, поскольку в сопоставительном аспекте этот концепт не рассматривался в отечественной и зарубежной лингвистике.

Прежде всего считаем необходимым принять во внимание дефиниции, зафиксированные в толковых словарях обоих языков. В Большом академическом словаре представлено следующее определение: «*тайна* – (1) то, что еще не познано, не стало известным или еще не доступно познанию; (2) то, что намеренно скрывается от других, хранится в секрете; (3) *тайны, мн.* (обычно со словом *святыя*) то же, что и *таинство* (церковный обряд, якобы обладающий чудодейственной силой и сообщающий верующим особую благодать (крещение, бракосочетание и т. п.))» [2, с. 33–36].

Словарь современного английского языка Лонгмана описывает данное слово таким образом: «*mystery* ‘тайна’ – (1) событие, ситуация и т. д., которые люди не понимают или не могут объяснить, потому что недостаточно о них знают; (2) качество, которым обладает что-то или кто-то, когда они кажутся странными, секретными или трудными для понимания или объяснения; (3) предмет, деятельность и т. д., которые очень сложны, секретны или трудны для понимания и о которых люди хотят узнать; (4) (также *тайна убийства*) рассказ, фильм или пьеса об убийстве, в котором до конца не говорят, кто убийца» [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что *тайна* имеет разные проявления в зависимости от контекста и ситуации, в которой она возникает. Например, третье определение *тайны* соотносится с религиозным понятием *таинства*, имеющим особое значение в православной христианской традиции, в то время как английское определение *mystery* отражает влияние литературного и культурного наследия англоязычного мира, которое породило множество известных произведений детективной фантастики, например *an Agatha Christie mystery* ‘детектив Агаты Кристи’ [6].

Согласно этимологическим словарям, слово *тайна* имеет праславянские корни и первоначально означало ‘скрытый’ или ‘тайный’. О его индоевропейском характере может свидетельствовать родство с санскритским словом *tāyúṣ*, что означает ‘вор’ [4].

Кроме того, следует отметить, что слова *mystery* ‘тайна’ в английском языке и *мистерия* в русском языке имеют общее происхождение от греческого слова *mystērion*, что означает ‘тайный обряд или доктрина’. Греческий глагол *myein* означает ‘закрывать’ (предположительно, губы или глаза) [8].

В английском языке слово *mystery* ‘тайна’, как и в русском, первоначально относилось к сфере сакрального, позже приобрело более широкое значение ‘любая скрытая или тайная вещь’.

В дополнение следует отметить, что родственное слово *mist* ‘мгла’ также имеет свои корни в древнеанглийском и протогерманском языках, возможно, происходящие от протоиндоевропейского корня **meigh-*, означающего ‘мочиться’, что, предположительно, относилось к мелким брызгам или туману (облаку, лежащему на земле) [8].

Связи между словом со значением ‘туман’ и индоевропейскими корнями со значениями ‘тайна’ менее ясны, поскольку последние слова имеют более конкретную коннотацию секретности и скрытности, а не атмосферных условий. Однако тот факт, что и *mystery* ‘тайна’, и *mist* ‘мгла’ имеют общий греческий корень в *mystērion*, предполагает возможную связь с точки зрения неясности или скрытности, подразумеваемой обоими словами.

Более того, санскритский корень *megha*, означающий ‘облако’, связан с *mih-*, означающим ‘туман, мгла’, что позволяет предположить, что понятия атмосферных условий и скрытности могли быть переплетены в некоторых древних культурах. В целом этимология этих слов демонстрирует сложную и многогранную природу языка, а также то, как языковая эволюция отражает культурные и исторические изменения.

Кроме того, следует учитывать, что культурные концепты, в отличие от понятий, опираются не на одну лексическую единицу, а на ряд таких близких по значению языковых единиц, как словообразовательные ряды, синонимы, гиперонимы, гипонимы, тематические группы и семантические поля.

Многокомпонентность словообразовательных гнезд свидетельствует о значимости данного концепта как в русской, так и в английской языковых картинах мира [3, с. 477–478].

Важным аспектом в исследовании подобного рода является анализ синонимических отношений анализируемых понятий. В русских и английских словарях синонимов представлены целые ряды слов, близких

по значению к *тайне* и *mystery*. В русском языке: *арканум, загадка, закрытое дело, книга за семью печатями, между нами, мистерия, непостижимость, подноготная правда, подоплека, потаенность, причина, секрет, скрытность, сфинксова загадка, таинство, тайна за семью печатями, тайна мадридского двора, тайность, угубина, энигма* [1]; в английском: *puzzle* ‘загадка’, *problem* ‘проблема’, *question* ‘вопрос’, *secret* ‘секрет’, *riddle* ‘загадка’, *enigma* ‘энигма’, *conundrum* ‘загадка’, *teaser* ‘головоломка’, *poser* ‘небольшая проблема’, *closed book* ‘закрытая книга’, *secrecy* ‘секретность’, *uncertainty* ‘неясность’, *obscurity* ‘неясность’, *mystique* ‘мистика’, *darkness* ‘мрак’, *ambiguity* ‘двусмысленность’, *ambiguousness* ‘двусмысленность’ [5], *mystification* ‘мистификация’, *challenge* ‘вызов’, *matter* ‘дело’, *why* ‘загадка’, *puzzlement* ‘недоумение’, *head-scratcher* ‘головоломка’, *perplexity* ‘недоумение’, *brainteaser* ‘головоломка’, *stumper* ‘загвоздка’, *case* ‘дело’, *trouble* ‘беда’, *knot* ‘загвоздка’ [7], *detective story* ‘мистерия’ [6].

Таким образом, в английском и русском языках «тайна»/«mystery» концептуализируется как центральная идея чего-то, что непонято или неизвестно, но есть некоторые различия в акцентах. Так, концепт «mystery» включает дополнительные аспекты, такие как секретность и трудность для понимания (может восприниматься как объект интеллектуальных усилий), в то время как концепт «тайна» более тесно связан с идеей сокрытия или неизвестного, а в христианском контексте он относится к таинствам, что свидетельствует о большей степени его сакрализации в сравнении с английским.

Список использованной литературы

1. Словарь синонимов русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/synonyms>. – Дата доступа: 07.05.2023.
2. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. – М. ; Л. : АН СССР, 1948–1965. – Т. 15.
3. Тихонов, А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным / А. Н. Тихонов. – М. : АСТ, 2014. – 639 с.
4. Этимологический словарь Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/vasmer>. – Дата доступа: 07.05.2023.
5. Collins English Thesaurus [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus>. – Date of access: 07.05.2023.
6. Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ldoceonline.com>. – Date of access: 07.05.2023.
7. Merriam-Webster Thesaurus [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus>. – Date of access: 07.05.2023.
8. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.etymonline.com>. – Date of access: 07.05.2023.

[К содержанию](#)

Т. О. ВОЛКОВА

Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы

Научный руководитель – А. П. Мерчи, канд. филол. наук, доцент

МЕСТО ЧУЖОЙ РЕЧИ В РОМАНЕ «ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА»

Чужая речь – это высказывания автора или других лиц [1]. Автор произведения обычно вводит ее для того, чтобы передать «наглядно» коммуникацию героев или чтобы в общих чертах указать, что герои «обмолвились» словами. Порой чужая речь служит приемом, который позволяет строить образ героев. Чужая речь – это один из наиболее эффективных литературных приемов, который позволяет автору передавать человеческую коммуникацию в произведении.

«Цветы для Элджернона» – это роман Дэниела Киза о Чарли Гордоне, умственно отсталом человеке, который принимает участие в эксперименте по увеличению интеллекта. Благодаря операции Чарли становится гением, но со временем начинает понимать, что высокий интеллект не принес ему счастья, а эффект от произведенной операции начал постепенно уходить и герой вернулся к прежнему состоянию. Роман исследует темы развития, идентичности, любви и человеческой жестокости.

В романе «Цветы для Элджернона» Дэниела Киза использование чужой речи играет важную роль в создании образа главного героя Чарли Гордона и его окружения, а также помогает передать центральную тему романа – влияние развития интеллекта на человеческие отношения. *«As I increased in intelligence, I began to see how my friends and coworkers reacted to me differently. Some of them regarded me with suspicion, as though they feared I would surpass them, others with envy, and still others with reluctance to acknowledge my new knowledge and abilities»* [2, с. 45] / Подняв свой интеллект на новый уровень, я начал видеть, как мои друзья и коллеги относятся ко мне иначе. Некоторые из них стали относиться ко мне с подозрением, как будто боялись, что я их перегоню, другие – с завистью, а еще некоторые – с нежеланием признавать мои новые знания и возможности [3].

Главный герой произведения является повествователем. Все события, происходящие с ним, свои мысли и переживания он фиксирует в личном дневнике. Самые ранние «отчеты» отличаются абсолютной безграмотностью, однако по мере того как персонаж становится разумнее, его речь также преобразовывается: орфография совершенствуется, грамматические конструкции усложняются. Пример: *«My new found intellectuall ability elicited mixed reactions from those around me. Some changed their attitude*

towards me and began to treat me with more respect, but there were also those who saw me as arrogant or unapproachable. This led to some of my old friends and acquaintances distancing themselves from me» [2, с. 87] / Моя новая интеллектуальная способность вызывает неоднозначные реакции у окружающих. Кто-то изменил свое отношение ко мне и стал относиться с большим уважением, но есть и те, кто считает меня высокомерным или неприступным. Это приводит к тому, что некоторые из моих прежних друзей и знакомых отдаляются от меня.

Прямая речь – способ передачи слов говорящего в таком виде, как он их выразил, в кавычках. В не прямой речи говорящий сообщает слова другого человека своими словами, без использования кавычек, а в косвенной речи это происходит с помощью слов *что, как, если, чтобы* и т. д. Некоторые типичные союзы и выражения используются в английском языке для этих же целей: глаголы *say, tell* ‘сказать’, *ask* ‘спросить’, *reply* ‘ответить’, *that* ‘что’, *if* ‘если’, *whether* ‘ли’, *who* ‘кто’, *that* ‘что’, *if* ‘если’, *whether* ‘ли’, *to* ‘чтобы’ и т. д.

Непрямая речь – придаточное предложение, излагающее чьи-то высказывания, мысли, взгляды, позиции, точку зрения, замечания и т. д. Например, «*He said it was time for me to assume responsibility for myself and make the most of what I had*» [2] / Он сказал, что пора мне взять на себя ответственность и использовать на максимум то, что у меня есть [3]. Это высказывание относится к главному герою Чарли Гордону и его отцу и передается сложноподчиненным предложением с опущенным союзом *that*, где в подчиненной части по отношению к глаголу речи *said* передается краткое содержание речи героя.

В романе использование чужой речи проявляется в разных формах. Одна из таких форм – это прямая речь других персонажей, которые часто используют непонятные для Чарли выражения и фразы. Например, в начале романа, когда Чарли еще не получил экспериментальную операцию, его коллеги на работе часто шутят над ним и используют сложные слова и выражения, которые он не понимает. «*“Hey, Charlie, did you hear about the latest breakthrough in neurophysiology? They’ve made significant strides in mapping synaptic connections in the brain”. Confused, Charlie asked, “Neuro-what? Synapticconnections?”*» [2] / Джо вставил: «Эй, Чарли, слышал о последних достижениях в нейрофизиологии? Они сделали значительные шаги в картографировании синаптических связей в мозгу». Сбитый с толку, Чарли спросил: «Нейро- что? Синаптические связи?» [3].

Другой формой чужой речи является не прямая речь, которая используется автором, чтобы передать мысли и чувства персонажей. Например, когда Чарли начинает понимать, что его коллеги на работе на самом деле смеются над ним, автор использует не прямую речь, чтобы

показать, как Чарли чувствует себя обманутым и оскорбленным. Непрямая речь используется автором также для описания внутренней борьбы Чарли, когда он осознает, что его интеллектуальное развитие имеет свои недостатки и приводит к отчуждению от окружающих. «*He was very agitated and insisted that I must never try to change what is happening to me or interfere in any way. He says it is the will of God and we must accept His will*» [2, с. 234] / Он был очень взволнован и настаивал, что я никогда не должен пытаться изменить то, что происходит со мной, или вмешиваться в какой-либо способ. Он говорит, что это воля Божья, и мы должны принять Его волю [3].

Прямая речь позволяет читателю услышать слова и выражения других персонажей непосредственно, как будто он находится в одной комнате с ними. Это помогает передать настроение и эмоции, которые переживают персонажи, а также позволяет читателю узнать больше о них и о том, как они относятся к Чарли. Прямая речь также показывает, как Чарли реагирует на слова других персонажей и как его реакция меняется после операции.

Непрямая речь, с другой стороны, позволяет автору показать внутренние мысли и чувства персонажей. Это помогает передать сложные и эмоциональные моменты. Непрямая речь также позволяет автору показать более глубокие и сложные аспекты личности Чарли и других персонажей, которые могут остаться скрытыми в прямой речи.

Выводы. Чужая речь – это важный литературный прием, который помогает автору передать сложные аспекты человеческой коммуникации. В романе «Цветы для Элджернона» использование чужой речи играет важную роль в создании образа главного героя Чарли Гордона и его окружения, а также помогает передать центральную тему романа – влияние развития интеллекта на человеческие отношения. Прямая и непрямая речь являются двумя различными формами чужой речи, которые используются в романе и помогают автору передать эмоции, мысли и чувства персонажей.

Список использованной литературы

1. Чужая речь: прямая и косвенная [Электронный ресурс] // Russian.fandom.com. – Режим доступа: https://russian.fandom.com/ru/wiki/Чужая_речь:_прямая_и_косвенная. – Дата доступа: 04.04.2023.

2. Flowersfor Algernon, Daniel Keyes [Electronic resource] // Bookfrom.net. – Mode of access: https://www.bookfrom.net/daniel-keyes/33720-flowers_for_algernon.html. – Date of access: 09.04.2023.

3. Киз, Д. Цветы для Элджернона [Электронный ресурс] / Д. Киз // Nice-books.ru. – Режим доступа: <https://nice-books.ru/books/fantastika-i-fjentezi/nauchnaja-fantastika/51010-daniel-kiz-cvety-dlya-eldzhernona.html>. – Дата доступа: 09.04.2023.

[К содержанию](#)

Д. Ю. ГОЛОВАЧ

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

Научный руководитель – Е. Н. Горегляд, канд. филол. наук, доцент

**НАИМЕНОВАНИЯ ПОСУДЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУСОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. КОРОТКЕВИЧА)**

Язык – своеобразный феномен культуры. С одной стороны, он является важнейшим самостоятельным элементом культурного наследия народа, одной из основных частей культуры, с другой стороны, язык – специфический способ существования и сохранения культуры в целом, помогающий овладеть всем богатством человеческой деятельности.

Любая культура – это и процесс, и результат освоения человеком действительности, творческое осмысление мира и себя в нем. На способы познания действительности и его результаты накладывают отпечаток условия жизни и быта каждого этноса. Поэтому не случайно, что при познании мира рядом с общим выделяется и отличительное, национальное. Как отмечает В. А. Маслова, «всякая культура национальная, ее национальный характер отражен в языке при помощи особого видения мира» [7, с. 45].

Белорусский язык является формой и зеркалом белорусской культуры, которая вбирает в себя и специфически преломляет всю совокупность знаний и представлений человека о мире. Своеобразие национальной культуры, отраженной в языке, наиболее ярко проявляется в лексике, и лексика быта служит тому прекрасным примером.

«Лексика быта занимает особое место в лексическом составе белорусского языка» [1, с. 171] (здесь и далее перевод цитат наш. – Д. Г.). В этой сфере проявляется наиболее тесная взаимосвязь семантической системы языка с реалиями окружающего мира. Исследуя такие пласты словарного состава белорусского языка, как названия жилья, посуды, домашней утвари, исследователи постоянно обращаются к внеязыковой действительности, к этнографическим данным.

С давних времен белорусы сильно отличались от своих соседей, которые жили в Европе и Азии. И это проявлялось во всем: в искусстве и народном творчестве, в отношении к труду, в любви к избранному делу и, конечно же, в обустройстве жилища.

Бытовая лексика – значимый источник изучения национальной самобытности, культуры белорусов. Вот почему анализ этого лексического пласта представляет большой интерес для исследователей языка и культуры белорусского народа. Для отбора бытовой лексики в белорусском языке

изучаются не только фольклорные тексты и паремиологические единицы. Важным источником являются художественные тексты, которые помогают выяснить вопросы, связанные с отражением материальной культуры белорусов посредством детального анализа семантики бытовой лексики.

Владимир Короткевич – известный белорусский прозаик, поэт, драматург, сценарист, публицист, переводчик, литературный критик. Писатель главной темой своего творчества определил показ жизни предков белорусов. Тексты его произведений – богатый источник для изучения культуры белорусского народа. Мы проанализировали белорусскоязычные тексты романов «Чорны замак Альшанскі», «Каласы пад сярпом тваім», повестей «Дзікае паляванне караля Стаха» и «Чазенія» и их переводы на русский язык, выполненные В. Щединой [3–6]. Отметим, что в переводе представлены те же этнокультурные наименования, которые использовал сам В. Короткевич; в отдельных случаях переводчица предлагает ссылочный комментарий.

В языке произведений В. Короткевича, представляющих собой значимый этнокультурологический и лингвострановедческий источник, широко представлены различные предметно-тематические группы лексики домашнего обихода, среди которых ярко выделяются названия посуды.

Всю посуду, которой пользовались белорусы, можно разделить на разные группы: деревянная, глиняная, металлическая, стеклянная и др.

Значительное место занимает керамическая посуда. «Глина фактически стала четвертым из пяти первоэлементов, которыми человечество пользовалось с момента своего становления. И поэтому глина стала предметом производства» [2, с. 14]. Несмотря на то что из нее делали вещи, возможно чисто функциональные, для белорусов они никогда не были вещами только таковыми. Наименования отражали культурные особенности образа жизни людей и их мировосприятие.

В языке произведений В. Короткевича встречаются следующие названия керамической посуды: *макитра*, *кувшин*, *гляк*, *горшок*.

Выкінеш – застанеца пустая макітра чарапаная / Выбросишь – то останется пустая макитра черепаная [4, с. 155].

«Макитра – гончарное изделие; глубокая глиняная посудина со слабопрофилированным туловищем и широким устьем, иногда с одним или двумя ушками, служившая преимущественно для растирания мака и других продуктов» [8, с. 402]. От других видов глиняной посуды макитра отличается своей приспособленностью к различным задачам. В зависимости от применения макитры были универсальные и специализированные.

Макитрой называли и голову человека. Такое наименование не случайно: макитра в быту была так же незаменима, как и голова для человека: *Разлічвае сваю макітру зберагчы, на выпадак, калі нашы з плячэй*

паляцяць / Рассчитывает свою макитру сберечь на случай, если наши с плеч полетят [3, с. 56].

Кувшин – гончарное изделие; глиняный сосуд для сохранения молока и молочных продуктов. В письменных источниках древнерусского времени известен под названием «кринь». Изготавливали такую посуду с вытянутым туловищем, выпуклыми краями и суженной шейкой, но шире дна устья (без ручки и клюва). Для предков белорусов кувшин имел и особое ритуальное значение, использовался в обрядах календарного цикла, а также в погребальных обрядах:

– *А-а гарлачы-гарлачы-гарлачы! Звіняць, як званы, звіняць, як войтава галава / – А-а кувшыны-кувшыны-кувшыны! Звенят, как колокола, звенят, как войтова голова* [6, с. 263].

Гляк – гончарное изделие; глиняный сосуд для хранения и транспортировки масла, кваса, воды и др. У белорусов гляк имел сильную духовную составляющую. Каждый праздник календарного цикла на столе всегда стоял гляк с квасом – это символизировало благополучие в семье: *Быў там стары чайнік-самавар... вельмі старыя спарышы, глякі ды гарлачы пад малако / Был там старый чайник-самовар очень старые спорыши, гляки да горлачи под молоко* [5, с. 182].

Горшок – глиняный сосуд для приготовления горячего блюда, хранения жидких и сыпучих веществ и др. Форма горшка хорошо приспособлена для быстрого и равномерного нагревания в печи: круглый с выпуклыми краями, суженным плоским дном и устьем, окруженным венчиком: *...у печцы палаў агонь, гаспадыня ставіла туды гаршкі / ...в печке пылал огонь, хозяйка ставила туда горшки* [4, с. 136].

«Горшок – наиболее семиотизированная вещь домашней утвари» [9, с. 202]. В погребальной обрядности горшок символизировал емкость души умершего, сосуд для воды, служащий посредником между мирами. На восточнославянской территории дырявый горшок входит в ряд предметов, выполнявших в народном сознании роль оберега. Крестьяне использовали горшок, чтобы привести в порядок свои волосы: *Шапку зняў, рассыпался валасы, ледзь не па-сялянску падстрыжаныя “пад гаршчок” / Шапку снял, рассыпались волосы, чуть ли не по-крестьянски подстриженные «под горшок»* [3, с. 254].

Лексические единицы, являющиеся названиями посуды, в произведениях Владимира Короткевича выступают в качестве этнического индикатора, показателя социального статуса владельца, обнаруживают его конфессиональную принадлежность. Все это позволяет детальнее представить повседневную бытовую жизнь белорусов на определенном отрезке времени.

Список использованной литературы

1. Дзядова, А. С. Побывавае лексіка ў мове беларускай народнай казкі як крыніца нацыянальна-культурнай інфармацыі / А. С. Дзядова, А. С. Булах // Учен. зап. ВГУ им. П. М. Машерова : сб. науч. тр. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2018. – Т. 26. – С. 171–176.
2. Здановіч, Н. І. Беларуская паліваная кераміка XI–XVIII стст. / Н. І. Здановіч, А. А. Трусаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 183 с.
3. Караткевіч, У. С. Збор твораў : у 25 т. / У. С. Караткевіч ; рэдкал.: А. Бельскі [і інш.]. – Мінск : Маст. літ., 2015. – Т. 10 : Чорны замак Альшанскі : раман / У. С. Караткевіч ; рэд. А. Верабей. – 384 с.
4. Караткевіч, У. С. Чазенія : апавяданні, аповесць / У. С. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 398 с.
5. Караткевіч, У. С. Ладдзя распачы. Дзікае паляванне караля Стаха : аповесці / У. С. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 2003. – 367 с.
6. Караткевіч, У. С. Каласы пад сярпом тваім : раман : у 2 кн. / У. С. Караткевіч ; маст. У. Сытчэнка. – Мінск : Юнацтва, 1981. – Кн. 1. – 381 с.
7. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Наследие, 1997. – 207 с.
8. Народная культура Беларусі : энцыкл. давед. / пад рэд. В. С. Цітова. – Мінск : БелЭн, 2002. – 432 с.
9. Хрестоматия по культурологии : учеб. пособие для студентов вузов / ред. А. А. Радугин. – М. : Центр, 1998. – 592 с.

[К содержанию](#)

А. Я. ГРЫЦУК

Брэст, БрДТУ

Навуковы кіраўнік – Я. Р. Самуйлік, канд. філал. навук, дацэнт

КІРЫЛА ТУРАЎСКІ – СЛАВУТЫ СЫН ЗЯМЛІ БЕЛАРУСКАЙ

К. Тураўскі – найбуйнейшы майстар слова старажытнай Беларусі, асветнік і царкоўны дзеяч. Нарадзіўся пісьменнік у Тураве не раней за 1110 г. і не пазней за 1134 г. Магчыма, ужо ў пачатку XIII ст. ён ушаноўваўся як святы (звесткі пра яго афіцыйную кананізацыю не выяўлены, але ў 1984 г. К. Тураўскі далучаны да Сабора Беларuskіх святых). Непасрэдныя дакументальныя даныя пра К. Тураўскага абмяжоўваюцца «Жыціем» (верагодна, напісана яшчэ ў XII ст.) і адзінай летапіснай згадкай (Іпацьеўскі летапіс, 1169 г.).

Яшчэ ў маладым узросце Кірыла вырашыў прысвяціць сваё жыццё Богу і прыняў пострыг у манастыры Святога Мікалая. Там ён веў суровае аскетычнае жыццё, поўнае малітваў і посту. Сваім ладам жыцця, набожнасцю і, несумненна, вучонасцю, асветнік звярнуў на сябе ўвагу суайчыннікаў. Да Кірылы пачалі прыходзіць людзі, каб паслухаць парады

ці набыць кніжныя веды, і ён не адмаўляўся дапамагчы іншым. Аднак асабістыя схільнасці цягнулі будучага святога да большай самоты, таму Кірыла пачаў новы подзвіг – стоўпніцтва. Па словах жыццяпісца, ён «увайшоў на стоўп і там зачыніўся». Стоўпніцтва – гэта форма аскетычнага жыцця, распаўсюджаная на хрысціянскім усходзе яшчэ ў IV–V стст. Манахі, якія прагнулі самоты, будавалі сабе келлі на платформе, якая ўзвышалася над зямлёю на слупах (адсюль іх назва – стоўпнікі).

Літаратурная спадчына К. Тураўскага на рэдкасць багатая. Яна ўключае каля 70 твораў у сотнях спісаў і шматлікіх выданнях розных стагоддзяў. У жанравых адносінах тэксты пісьменніка вельмі разнастайныя. Першую значную групу твораў К. Тураўскага складаюць малітвы, іх больш за 30. Да названага жанру варта аднесці і высокапаэтычныя «Дабрэйшыя вершы для тых, хто прагне безупынна і слёзна маліцца за свае грахоўныя ўчынкі», напісаныя паводле малітоўных узораў. Малітвы асветніка – сапраўдныя шэдэўры старабеларускай духоўнай паэзіі. Лірычны герой малітваў адрозніваецца інтэлектуальнасцю і духоўнасцю. Ён усім сэрцам прагне дасканаласці і свабоды, гармоніі з прыродай, добрай славы, асэнсавага зямнога жыцця.

Асобная група твораў К. Тураўскага – тры выразна белетрызаваныя эпічныя тэксты: «Слова на сабор 318 святых айцоў», «Слова ў памяць усіх святых», «Канон і сціхіры на адыход найпадобнай княгіні Вольгі, бабулі Уладзіміра». Напрыклад, у апошнім творы ён паказаў надзвычай яркі вобраз кіеўскай княгіні Вольгі як сімвала мудрай гаспадыні і сапраўднай хрысціянкі.

Адметнае месца сярод твораў К. Тураўскага займае сінкрэтычная ў жанравым плане «Прыпавесць пра чалавечую душу і цела, або Пра Сляпога і Кульгавага», накіраваная супраць растоўскага епіскапа Феадорца, які меў намер парушыць адзінства праваслаўнай царквы, прагнучы самастойнасці. Але ў прыпавесці вельмі значны эпічны кампанент: у аснове яе белетрызаванай часткі – сюжэт, узяты з Евангелля паводле Мацвея, што, у сваю чаргу, узыходзіць да гутаркі імператара Антаніна з равінам, змешчанай у Вавілонскім Талмудзе. На думку пісьменніка, менавіта ў старажытнай прытчы пра Сляпога і Кульгавага было схавана, зашыфравана хрысціянскае вучэнне.

К. Тураўскі напісаў таксама каля 12 дыдактычных парадаў і павучанняў і адну споведзь. Найбольш значны ў ідэйна-мастацкім плане дыдактычны твор «Слова аб тым, каб не забывалі настаўнікаў сваіх». Пісьменнік параўноўвае настаўніка са святым і гаворыць пра маральны абавязак вучня памінаць яго ў малітвах.

Пяру К. Тураўскага належаць 16 урачыстых казанняў велікоднага цыкла, якія карысталіся асаблівай папулярнасцю ў славянскім свеце.

Напрыклад, указанні на першую нядзелю пасля Вялікадня пісьменнік паказвае перавагі хрысціянства над язычніцтвам. Пашырэнне хрысціянства асветнік параўноўвае з наступленнем вясны.

Да творчай спадчыны К. Тураўскага адносяцца таксама два каноны: «Малітоўны канон» і «Пакаяльны канон» – сапраўдныя шэдэўры нацыянальнай богаслужбовай гімнаграфіі.

Творы пісьменніка – гэта шэдэўры нацыянальнай філасофіі і літаратуры, створаныя шчырым вернікам і аўтарытэтным іерархам хрысціянскай царквы. Шматлікія літаратурныя сімвалы і вобразы К. Тураўскі чэрпаў з навакольнага свету, касмічнай прасторы, з сусветнай гісторыі, твораў філосафаў, айцоў царквы, папярэдніх майстроў мастацкага слова, а таксама з біблейскіх тэкстаў.

Антытэзы і супрацьпастаўленні – найбольш характэрная рыса творчага почырку і стылёвай манеры асветніка. Унутраная логіка тэкставых адзінак часта пабудаваная на супрацьпастаўленнях – дня і ночы, святла і цемры, святасці і граху, жаночага і мужчынскага пачаткаў, зімы і лета, восені і вясны, жыцця і смерці. Улюбёныя прыёмы К. Тураўскага – паралелізм і параўнанні, з дапамогай якіх ён змог найбольш поўна раскрыць сутнасць многіх з’яў: параўнанне «кніжнага розуму» з мёдам і цукрам, святых айцоў – з багатымі купецкімі караблямі, абразлівыя словы – з атручанымі стрэламі і г. д.

К. Тураўскі першым у беларускай філасофскай і навукова-філалагічнай традыцыі найбольш поўна сфармуляваў першаступенную значнасць для жыцця чалавека кніжных ведаў, гуманітарнай навукі і пазнання. Пісьменнік заклікаў чытаць кнігі, якія дазваляюць адчыніць браму вечнага жыцця.

На працягу стагоддзяў творы К. Тураўскага распаўсюджваліся ў сотнях спісаў і друкаваных выданняў, як класічныя ўзоры аратарскага мастацтва змяшчаліся ў зборніках побач з творамі класікаў грэка-візантыйскай патрыстыкі і іншых хрысціянскіх пісьменнікаў. Нездарма нашы продкі называлі іх аўтара «Златоустом, паче всех воссиявших на Руси», а сучасныя навукоўцы ставяць яго ў адзін рад з геніяльным стваральнікам «Слова пра паход Ігаравы». Вядомы даследчык і знаўца славянскіх старажытнасцей М. А. Максімовіч адзначаў, што няма нічога ў XI і XII ст. на заходнееўрапейскіх мовах, што пераўзыходзіла б летапіс Нестара, словы К. Тураўскага і «Слова пра паход Ігаравы». Усё гэта дае нам сёння падставы лічыць К. Тураўскага першым вялікім мастаком слова, першым еўрапейскага узроўню пісьменнікам, які жыў і тварыў на тэрыторыі сучаснай Беларусі [1, с. 230–234; 2, с. 285–286; 3, с. 229–232; 4, с. 386; 5, с. 39–41; 6, с. 22–23; 7; 8; 9, с. 43–68].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Асветнікі зямлі беларускай, X – пачатак XX ст. : энцыкл. давед. / рэдкал. Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2001. – 492 с.
2. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996–2004. – Т. 8 : Канто – Кулі. – 1999. – 576 с.
3. Беларускія пісьменнікі : біябіягр. слоўн. : у 6 т. / Акад. навук Рэсп. Беларусь, Ін-т літ., Беларус. Энцыкл. ; пад рэд. А. В. Мальдзіса. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1992–1995. – Т. 3 : Івашын – Кучар / рэдкал.: І. Э. Багдановіч [і інш.]. – 1994. – 585 с.
4. Беларусь : энцыкл. давед. / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1995. – 800 с.
5. Гісторыя беларускай літаратуры: старажытны перыяд : падручнік / М. М. Грынчык [і інш.]. – 3-е выд., стэр. – Мінск : Выш. шк., 1997. – 351 с.
6. Зинкевич, Т. Е. Преемственность подвига столпников на Руси (на материале отдела рукописей Российской государственной библиотеки) / Т. Е. Зинкевич // Сб. тр. Якутской духовной семинарии. Философия, этика, религоведение. – 2021. – № 9–10. – С. 22–26.
7. Кірыла Тураўскі [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя : свабод. энцыкл. – Рэжым доступу: https://be.wikipedia.org/wiki/Кірыла_Тураўскі. – Дата доступу: 14.06.2023.
8. Свяціцель Кірыл, епіскап Тураўскі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://sppsobor.by/wp-content/uploads/sobor-belsaints.pdf>. – Дата доступу: 13.06.2023.
9. Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) / уклад., прадм., камент. І. Саверчанкі. – Мінск : Кнігазбор, 2007. – 608 с.

[К содержанию](#)

Н. З. ДЗАДЗАМИЯ

Москва, МГЛУ

Научный руководитель – Д. К. Бартош, д-р пед. наук, профессор

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ РКИ

В преподавании иностранных языков, особенно в преподавании русского языка как иностранного (далее – РКИ), растет интерес к самому коммуникативному процессу, который включает в себя лингвистические, культурные, социально-психологические и прагматические особенности [1; 3; 5; 6; 8; 9]. Исследователи теоретически и экспериментально доказали, что обучение на основе психологических и возрастных особенностей учащихся, с учетом характеристик их социального статуса, выбора приемов и методов подачи учебного материала и организации групп микрообучения является эффективным способом создания положительной учебной мотивации и содействует максимальной реализации потенциала личности.

Однако индивидуальные психологические характеристики не были подвергнуты специальной методологической систематизации, стандартизации. Имеет место и тот факт, что практически отсутствуют разработанные модели использования различных методов и приемов обучения с применением деятельностно ориентированного подхода и учетом индивидуальных особенностей обучающихся русскому языку как иностранному.

Цель данной статьи – очертить круг компетенций, которые формируются на разных этапах обучения РКИ с точки зрения деятельностно ориентированного подхода.

Характеристика коммуникативной компетенции. В настоящее время выделяют следующие компетенции, которые следует формировать у обучающихся на занятиях по русскому языку как иностранному: языковая, речевая, социальная, социокультурная, стратегическая, дискурсивная, предметная, профессиональная.

Способность к межкультурной коммуникативной компетенции А. Н. Щукин рассматривает как комплексную задачу и понимает под ней способность совершения речевых действий с использованием изученного языка в соответствии с целями и ситуациями общения в конкретной сфере деятельности [8, с. 38].

Основными компонентами межкультурного коммуникативного потенциала иностранных студентов являются: а) правильность речи; б) точность слов; в) понятность слов; г) представление речи; д) лексическое разнообразие; е) логичность речи; ж) умение правильно формулировать тактику действий в различных речевых ситуациях [4, с. 36–44].

Основные цели изучения РКИ. Ожидаемые результаты продуктивной деятельности преподавателей и студентов являются результатом их совместной работы; цели учебного процесса влияют и на выбор используемых принципов, форм, методов и материалов. Обычно выделяют три основные цели обучения РКИ: практическую, образовательную и воспитательную.

Практической целью обучения является развитие у иностранных студентов готовности и способности к межкультурному общению на русском языке.

Одной из главных образовательных целей является развитие речевых умений и навыков на ограниченном языковом (грамматическом) материале. Поэтому каждое грамматическое понятие играет важную роль в методике изучения русского языка как иностранного.

Конечной целью изучения языка является развитие межкультурной коммуникативной компетенции. Для достижения этой цели значимую роль играет обучение иностранных студентов устной речи.

Обучение устной иностранной монологической и диалоговой речи основывается на следующих принципах: а) последовательности; б) междисциплинарности; в) соответствия; г) разнообразия; д) автономии [2].

Эти принципы направлены на развитие коммуникативных навыков иностранных студентов.

Особенности использования деятельностно ориентированного подхода в обучении иностранного языка на разных этапах. Деятельностно ориентированный подход фокусируется на развитии навыков, компетенций обучающихся и на развитии творческой деятельности, а не на приобретении знаний, чем способствует преодолению разрыва между теоретическими знаниями и их практическим применением.

Данный подход рассматривается в наличии возможности выстраивания познавательного и образовательного видов деятельности, в ходе чего учащиеся выступают не как инертные адресаты поступающей информации, а как деятельные участники самого процесса обучения.

В рамках данного подхода обучение иностранному языку включает несколько этапов:

1. Стадия планирования. На этом этапе студенты знакомятся с темой. Вместе с преподавателем они анализируют знания, навыки и умения, которыми уже обладают или которые им необходимо приобрести для решения проблемы, собирают информацию и ставят задачи.

2. Фаза развития. На этом этапе обучающиеся работают в группах, ставят цели, составляют планы их достижения, выбирают способы решения проблемных ситуаций и обдумывают будущую учебную деятельность.

3. Этап реализации и отчетности. Эта часть посвящена презентации результатов работы, рефлексии и самооценке учащихся, а также соотнесению целей и результатов и степени соответствия между ними [7, с. 92–97].

Использование деятельностного подхода в преподавании русского языка как иностранного направлено на саморазвитие обучающихся. Такой подход делает процесс обучения более эффективным и творческим, а также облегчает усвоение тех разделов русской грамматики, которые ранее были трудными для иностранцев. Систематическое и краткое описание грамматики русского языка формирует у учащихся систематические знания и способствует развитию у них навыков и умений во всех видах устной и письменной речевой деятельности.

Список использованной литературы

1. Зимняя, И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И. А. Зимняя. – М. : Просвещение, 1985. – 160 с.
2. Методика обучения иностранным языкам в средней школе : учеб. пособие для пед. ин-тов по специальности «Иностр. яз.» / Н. И. Гез [и др.]. – М. : Высш. шк., 1982. – 373 с.

3. Милославская, С. К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России / С. К. Милославская. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 400 с.
4. Новикова, О. В. Некоторые приемы оптимизации процесса обучения иностранцев русскому языку (из опыта работы на подготовительном факультете) / О. В. Новикова, Л. В. Сычева // Науч. вестн. Воронеж. гос. архитектур.-строит. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. – 2014. – № 12 (12). – С. 36–44.
5. Ольшевская, М. В. Деятельностный подход в коммуникативно ориентированном обучении иностранному языку / М. В. Ольшевская // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы IV Междунар. конф., посвящ. 89-летию образования Белорус. гос. ун-та, 29 окт. 2010 г. / ред.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : БГУ, 2010. – С. 90–92.
6. Северова, Н. Технология формирования гипертекстовой компетенции в контексте обучения иностранным языкам в вузе / Н. Северова [и др.] // Чуждоезиково обучение. – 2020. – № 6. – С. 591–608.
7. Щербакова, О. В. К вопросу об особенностях обучения иностранному языку в рамках деятельностно-ориентированного подхода студентов неязыковых факультетов вузов / О. В. Щербакова // Вестн. ТГПУ. – 2018. – № 8 (197). – С. 92–97.
8. Щукин, А. Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам : учеб. пособие / А. Н. Щукин. – 2-е изд. – М. : Филоматис, 2010. – 186 с.
9. Pochinok, T. Ethnopsychological Aspects of Intercultural Communication and their Accounting in the Process Of Teaching Students Of A Language University / T. Pochinok, D. Bartosh, E. Stoyanova // Studies in Linguistics, Culture and FLT. – 2020. – Vol. 8, № 3. – P. 69–80.

[К содержанию](#)

М. І. ДЗМІТРУК

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – С. Ф. Бут-Гусаім, канд. філал. навук, дацэнт

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЯ АДМЕТНАСЦЬ ПАЭТОНІМІКОНУ ЗБОРНІКА АЎТАРСКІХ КАЗАК БЕЛАРУСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ «ПТУШКА ШЧАСЦЯ»

Дзяцінства з’яўляецца адным з важных этапаў жыцця са значнай праекцыяй на наступную біяграфію чалавека. Кніга для маленькага чытача – люстэрка навакольнага жыцця, акно ў свет. Ад таго, якія кнігі першымі трапяць у рукі дзіцяці, у значнай меры будуць залежаць яго далейшыя літаратурныя схільнасці, яго стаўленне не толькі да выбару для чытання новых твораў, але і да выбару мэты жыцця, выбару героя, да якога дзіця захоча быць падобным. Творы, што ўвайшлі ў зборнік «Птушка шчасця», блізкія па тэматыцы. Письменнікі апавядаюць пра сям’ю, узаемаадносінны паміж самымі роднымі і блізкімі людзьмі, сябрамі, аднакласнікамі. Ствараючы яркія і запамінальныя карціны мінулага, сучаснага і будучага

жыцця, беларускія аўтары ўмела выкарыстоўваюць вобразна-выяўленчыя ўласцівасці іменаслову.

У казках Ільі Шахрая, Уладзіміра Цвяткова, Васіля Якавенкі, Леаніда Улашчанкі актуалізуецца шырокі спектр сэнсавых адценняў формаў асабовых імёнаў (гутарковых, гіпакарыстычных, эмацыйных), якія з'яўляюцца выразнікамі разнастайных эмоцый і пачуццяў: пяшчоты, сяброўскай фамільярнасці, спачування і інш.: «*На дзень нараджэння **Цімку** падарылі будзільнік*» [1, с. 41]; «*Будзільнік давай **Толіку** падорым*» [1, с. 43]; «*Вось што, **Дзімка**. Буду я займацца з табой на матэматыцы*» [1, с. 49]; «***Янка**, папрасі ты, ты ж у нас самы смелы*» [1, с. 169]; «*У вачах гарэзніцы **Тані** заўсёды свяцілася на смяшынцы*» [1, с. 148]; «*Мама брала лыжку і ўлівала **Танечцы** ў роцік некалькі лыжак супу*» [1, с. 148]. Рэпрэзэнтантмі канатацыі нацыянальна-культурнай спецыфікі з'яўляюцца формы наймення паважаных людзей спалучэннем апелятываў дзед, баба, дзядзька, цётка з асабовым імемем: «*Дзеду **Мацвею** ніколі яшчэ не даводзілася рабіць такую хітрую штуку як робат*» [1, с. 149]; «*Дзядуля **Лявон**, раскажыце нам, калі ласка, казку!*» [1, с. 169]; «*Так пачаў сваю гутарку з чырвонымі следапытамі каля слабадскай старой кузні **дзед Макар***» [1, с. 139]. Дзеці будучыні, героі казкі Уладзіміра Цвяткова «Урок малявання», заняткі якіх праходзяць у космасе, носяць нязвычайны сучаснаму чытачу імёны: **Ур, Кварт, Іулора, Брум, Ніэл** і інш. Канатацыю ацэнчнасці выражаюць ужывальныя ў літаратурных казках мянушкі. Так, найменнем-характарыстыкай героя казкі Ганны Краснапёркі – настройшчыка піяніна, які можа «вылечыць» любы інструмент, – з'яўляецца прызванне **Доктар Карнелій**: «*Дзімка сыграў гаму, узяў трохгучнасць, яшчэ некалькі акордаў. Клавіатура піяніна радасна ўсміхнулася яму. Рыжы чараўнік, **доктар Карнелій**, пяшчотна паглядзіў вечка піяніна. Дзімку здалося, што інструмент і майстар моцна паціснулі адзін аднаму руку*» [1, с. 59]. Замалёўкамі знешнасці герояў казкі Леаніда Улашчанкі «Калі стогне рэха» з'яўляюцца найменні-характарыстыкі: «*Елі хлопцы адну і тую ж яду, а адзін быў тоўсты-тоўсты, а другі тонкі ды цыбаты. Хоць і былі ў хлопцаў імёны, а ўсе іх проста так і звалі – **Тоўсты ды Тонкі***» [1, с. 112].

Важны складнік анамастыкону аўтарскіх казак пра жывёл – **заонімы**. Як правіла, найменні жывёл з'яўляюцца прамагаваркімі паэтонімамі – характарыстыкамі знешнасці персанажаў, напрыклад найменні **Рыжанькі Качар** і **Шэрая Шыйка** з казак Расціслава Бензерука. Гукапераймальны характар маюць імёны вараняці **Каркуля** і бусляняці **Клекатуля** з казак Іллі Шахрая. Часам сэнсавая нагрузка заоніма перастае адпавядаць характару носбіта. Так, герой казкі Васіля Якавенкі «Свой сярод чужых» – сабака **Дружок** – аддана служыў сваім гаспадарам, але яны адцураліся ад яго, пакінулі зімой на дачы галадаць і мёрзнуць, а потым завялі новага сабаку.

З таго часу *Дружок* узненавідзеў сваіх гаспадароў і ператварыўся ў *Ваўка*. Дастаткова часта ў аўтарскіх казках найменні жывёл утвараюцца ад антрапонімаў, формы якіх становяцца выразнікамі сацыяльнага статусу, узросту герояў: «*Не Патап я пакуль, а Патапка!*» – «*І мяне ў дзяцінстве гэтак дражнілі, адказаў Патап Іванавіч*» [1, с. 112].

Эфект праўдзівасці падзей, якія адбываюцца ў казках, фарміруецца за кошт увядзення на старонкі твораў тапонімаў – найменняў гарадоў і краін як замежжа (*Азербайджан, Татарыя, Башкірыя, Украіна, Парыж, Лондан, Рым, Берлін*), так і Беларусі (*Светлагорск, Калінкавічы, Гомель*). Часам на старонках казак прыводзяцца звесткі пра паходжанне геаграфічных назваў: «*Даўным-даўно, калі ў Беларусі людзі жылі пры лучыне, недалёка ад адной вёскі здарылася дзіва-дзіўнае. На змярканні, а потым і ўначы на балоце пачыналі свяціцца агні. Людзі баяліся тых агнёў. Думалі, нячысцікі там карагоды водзяць і нячыстая сіла ў тых агнях сядзіць. Потым зразумелі – гэта газ выходзіць з зямлі. А дзе газ, там і гаручая вада павінна быць. І назвалі людзі сваю вёску *Гарывадою**» [1, с. 3]. Складнікам іменаслову казкі Уладзіміра Цвяткова з’яўляюцца **касмонімы** – найменні зорак і планет: «*Ганя і Ланя, не вісіце на Вялікай Мядзведзіцы! Гэта ж сузор’е, а не перакладзіна!*» [1, с. 168]; «*Берыоз, скажы мне, навошта ў цябе на мальберце дваццаць самых яркіх зорак? Сірыус, Альфа Цэнтаўра, Капела, Рыгель, Працыён*» [1, с. 167]. Уласнае імя – гаваркі **ойкадамонім** – у аўтарскай казцы атрымлівае фантастычны будынак: «*У маленькім гарадку была адзіная гістарычная слаўтасць – Дом з вяснушкамі. Старажытная легенда сцвярджала, што калісьці ў тутэйшага князя нарадзілася рабая дачка, і ён так яе любіў, што загадаў свайму архітэктару пабудаваць для яе вяснушкавы палац*» [1, с. 90].

Атмасферу казначнасці падзей стварае выкарыстаны Ільёй Шахраем у казцы «Як прыдумалі новую прыкмету» «асучаснены» **міфонім** – найменне надзвычайнай істоты: «*Ведаючы пра гэта, Сухапутна-наветрана-марскі змей, а карацей кажучы, Цуда-Юда, надзеў цёмныя акулеры і, улучыўшы момант, выкраў красуню дзяўчыну. І схаваў у сваім змрочным, замшэлым замку, што ўзвышаўся на маленькім камяністым востраве пасярод вялікага мора*» [1, с. 87–88].

У аўтарскіх казках перадаецца ўспрыманне навакольнага свету дзецьмі, якія нават неадушаўлёныя прадметы бачаць як жывыя істоты з адметным характарам і лёсам. Гаваркімі паэтонімамі з’яўляюцца імёны партфеляў *Шэры* і *Чорны* ў творы Ганны Краснапёркі, а імёны дзейных асоб казак Леаніда Улашчанкі «*Гузлік*» і «*Насовачка*» утвораны шляхам анімізацыі апелятываў: *Парасон, Пальчатка, Партфель, Галёш, Паперка, Прышчэпка, Гузлік, Насовачка* і інш.

Такім чынам, у кантэксце казак зборніка «Птушка шчасця» асабовыя імёны і мянушкі персанажаў, а таксама перыферычныя онімы ствараюць запамінальныя мастацкія вобразы.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Птушка шчасця : зб. казак. – Мінск : Юнацтва, 1991. – 175 с.

[К содержанию](#)

Е. А. ДУБОВИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. Н. Ковальчук, канд. филол. наук, доцент

ГЕНЕЗИС АВТОРСКОЙ ПЕСНИ В РОССИИ XX В.

Самобытная культура России формировалась на протяжении многих веков в результате взаимодействия разнородных, иногда противоречивых явлений. Одним из ярчайших этапов ее кристаллизации является XX в., для которого характерны уникальные явления и процессы. В начале столетия существовало множество архитектурных, музыкальных, художественных и прочих школ, постепенно сменяющих друг друга, формировались различные литературные группы и течения, создавалось огромное количество оригинальных произведений.

Особой интенсивностью и динамизмом отличается художественный процесс 60-х гг., тесно переплетающийся с общественно-политическими процессами, происходившими в стране. Для обозначения периода с 1956 по 1962 г. используют слово *оттепель*. Такое название происходит от одноименной повести Ильи Оренбурга «Оттепель», появившейся в 1954 г. Указанные годы связаны с развенчанием культа Сталина, с некоторой демократизацией жизни общества, которое все чаще сталкивалось с реабилитацией осужденных, с возвращением в общекультурный дискурс многих имен, с большей свободой творчества, что породило множество надежд. Однако начавшиеся реформы не были доведены до конца, фундаментальных изменений политического строя не произошло, очень быстро началось свертывание преобразований, что привело к «застою». Но как культурная эпоха 60-е гг. начали формироваться раньше календарных 60-х.

Именно в 1953 г., после смерти И. Сталина, в стране постепенно начали появляться первые признаки либерализации. Георгий Маленков, два года возглавлявший Советский Союз после смерти прежнего лидера, предложил перейти к коллективному управлению страной, что означало отход от диктаторской модели.

В культурно-художественной жизни либерализация повлекла за собой настоящую оттепель. Атмосфера конца 1950-х гг. привела к формированию поколения «шестидесятников» – ученых, писателей, художников, которые отличались непримиримостью к идеологическому диктату, уважением к личности, приверженностью к национальным культурным ценностям, идеалам свободы. Они противопоставляли себя официальным догматам соцреализма, искали новую тематику для своих произведений, пропагандировали свободу творческого самовыражения, культурный плюрализм, приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми. Поэт Е. Евтушенко называл шестидесятников «поколением, которое генетически предрасположено к страху, но победило его» [1, с. 161].

Одним из ярчайших феноменов XX в. стал жанр авторской песни, сформировавшийся в годы «оттепели» прежде всего как альтернатива «советской массовой песне» – жанру искусства тоталитарного периода, идеологически ориентированному и создававшемуся композиторами, поэтами и певцами прежде. Среди деятелей литературы и искусства, работавших в этой области, было немало талантливых людей, но они, как правило, не были авторами песни в полном смысле слова. Композитор порой должен был класть на музыку совершенно безразличные ему тексты. В свою очередь, поэт вполне мог сочинять слова на готовую ритмико-мелодическую схему. Несвободны были в выборе репертуара и певцы. Советская песня не принадлежала никому в отдельности, это была песня государственная – и в «общественно-политической», и в «эстрадно-лирической» ее разновидностях. Авторская же песня, в противовес массовой, является самостоятельной, выражающей авторское мироощущение, жизненную позицию и дает автору право самостоятельно донести до слушателя суть текста, используя для этого различные средства устного общения: текст, тембр голоса, артикуляцию, мимику, жесты и т. д. Булат Окуджава, говоря об авторской песне, утверждал: «Это – мой крик, моя радость и моя боль от столкновения с действительностью» [3, с. 9]. Авторские песни не пишутся на продажу, они появляются как свободная реализация потребности высказаться.

Сама «поэзия», которую исполняют под музыкальный аккомпанемент, – один из древнейших видов творчества, встречающийся в культурном пространстве практически всех народов мира. Представителей авторской песни 1960-х гг. также называют «бардами» (от кельтского слова *bardos* ‘певец или поэт’).

В большинстве научных исследований культура авторской песни в основном предстает как составляющая общего анализа традиций городского романса, городского песенного фольклора, шансона, эстрадной песни. Часто авторская песня, имеющая влияние на эстрадную песенную культуру,

рассматривается как составляющая целостного явления – *эстрадного песенного исполнительства* [2, с. 89].

С развитием жанра авторской песни именно студенческая среда стала одним из трансляторов творчества бардов. Движение студотрядовцев или отдых после студенческих будней даже в кинематографе того времени бывают отражены в сочетании с исполнением песен под аккомпанемент гитары. Нередко главный герой фильма является выразителем душевных порывов через музыку. Принято считать, что широкую популярность авторская песня приобрела с появлением магнитофона, однако популяризации авторской песни способствовала не только возможность записи и распространения, но прежде всего ее соответствие потребностям и проблематике жизни общества.

Характерной особенностью жанра авторской песни является сочетание в одном лице автора музыки, текста и исполнителя, что было несвойственно концертно-исполнительской традиции 50–60-х гг. Минувшее печатное слово, исполнитель обращается к широкой аудитории, которая в плане многочисленности превышает даже большие тиражи поэтических сборников. Так, в 50-е гг. широкую известность приобретает творчество Ю. Визбора, Б. Окуджавы, А. Дулова, Н. Матвеевой, которых можно определить как представителей романтической волны бардовской песни. На данном этапе власть и цензурная политика не оказывали внимания авторской песне, считая ее проявлением бытовой самодеятельности городской интеллигенции. Позже ситуация изменилась.

Итак, бардовская музыкальная культура от начала широкого бытования представляет собой средство самовыражения путем образно-символьного отклика на события окружающей действительности и/или раздражители, которые беспокоят не только автора, а касаются широких масс социума. При этом авторская песня, несмотря на замалчивание, запреты и преследования со стороны власти, стала средством озвучивания культурного и гражданского мнения, а исполнитель авторской песни не только предстает выразителем своих мыслей, но и является ретранслятором внецензурного отклика широкой общественности.

Список использованной литературы

1. Евтушенко, Е. Не умирай прежде смерти / Е. Евтушенко. – М. : Моск. рабочий, 1993. – 539 с.
2. Крылов, А. Е. Окуджава: проблемы поэтики и текстологии / А. Е. Крылов. – М. : ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2002. – 260 с.
3. Окуджава, Б. Ш. Я никому ничего не навязывал / Б. Ш. Окуджава. – М. : Вагант-Москва, 1997. – 287 с.

[К содержанию](#)

Ю. Б. ЖУК

Шумен, ШУ «Епископ Константин Преславски»

Научный руководитель – Е. В. Стоянова, д-р филол. наук, профессор

ВЗГЛЯД НА ФРАЗЕОЛОГИЗМ *БРЕД СИВОЙ КОБЫЛЫ* СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

Фразеология – это отражение быта, нравов, традиций, восприятий и истории предыдущих поколений. Фразеологизм – это единица, которая транслирует из поколения в поколение культуру и мировидение народа. «Квалификация фразеологических единиц в качестве концентрированного воплощения национальной культуры детерминирует и обуславливает их функционирование и интерпретацию в зависимости от установок культуры, от уровня ментальности национально-культурной общности на определенном временном срезе» [6, с. 8].

Целью данной статьи является рассмотрение лингвокультурных особенностей фразеологизма *бред сивой кобылы*.

Историко-этимологический словарь А. К. Бириха, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой определяет значение фразеологической единицы (далее – ФЕ) как ‘глупые, вдорные мысли, высказывания’ и характеризует единицу как просторечную с презрительной стилистической окраской [1, с. 59].

Некоторые устойчивые выражения складывались в деревенской среде: крестьяне составляли значительное большинство, а грубоватый язык идиом – яркое подтверждение этой версии. Каково же было отношение к старикам в крестьянской России? Наверное, снисходительное. Такое было оно и к старой лошади, чему можно найти множество доказательств в литературе. Так, к примеру, в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя Чичиков «никак не ожидал», что Ноздрев оставит без овса его лошадь, а в басне Л. Толстого «Мужик и лошадь» именно лошадь рассуждает о глупости своего немолодого хозяина: «*Какие люди глупые! Только любят над нами умничать, а ума у них меньше нашего*». Эти люди уже не годились для труда и продолжения рода, находясь на иждивении более молодых и работоспособных. Конечно, болтать и повторяться – это единственное, что им оставалось.

Слово *бред* произошло от глагола *бродить*, так раньше называли бессмысленное хождение туда и обратно [2]. В том числе туда-сюда бродили, спотыкаясь, старые лошади. Только позже данное слово начали употреблять в отношении лжи, бормотания больного во время горячки или чепухи.

Сивая лошадь считалась в народе глупой [1, с. 59]. Появление в поговорке этого животного обусловлено старой славянской приметой: если приснилась сивая лошадь – жди вранья.

Интересно посмотреть, что означают компоненты фразеологизма *бред сивой кобылы*, относящегося к зооморфному коду культуры. *Кобыла* уподобляется субъекту речемыслительной деятельности, *бред* – продукт этой деятельности, а компонент *сивая* в выражении означает не цвет, а возраст животного. Ведь шерсть старой лошади приобретала серый, сивый оттенок, поэтому лексема является характеристикой преклонного возраста.

Похожий по значению фразеологизм *врет как сивый мерин*, имеет много общего в этимологическом смысле. Мерин – кастрированный жеребец, считавшийся на Руси негодным для полевых работ, – вел себя своенравно и портил борозду. По основной теории, выражение *бред сивой кобылы* обозначает болтовню стариков, которые из-за слабой памяти повторяют одну и ту же историю по несколько раз, что проявляется в семантике выражения – образ глупого человека [3]. Оба этих выражения означают пустую болтовню старика или вранье глупого человека.

ФЕ *бред сивой кобылы* активно используется в речи, невзирая на разнообразие существующих в языке синонимов: *абракадабрина, бессмыслица, бред собачий, бредятина, буза, вздор, демагогия, детский лепет, лабудень, мура, набор слов, невероятная чепуха, отстой, полный бред, полный вздор, пустобрехство, пустое дело, пустословие, сив-кэбл-брэд, сказки дедушки хасана, сорок бочек арестантов, туфта, туфть, фигня, чепуха, черт знает что, чушь собачья*.

Фразеологизм находит свое употребление в современной художественной литературе («Последний бред сивой кобылы» Оксаны Обуховой, «Бред сивой кобылы или женитьба Кощея» Татьяны Ермак, «Бред сивой кобылы» Виктора Рябинина), в прессе (по данным Национального корпуса русского языка), в социальных сетях (например, блог журналиста и детского поэта Карена Маркариана, занимающегося происхождением фразеологизмов, стихотворение которого носит одноименное название), в изобразительном искусстве (картина маслом «Бред сивой кобылы» Вячеслава Милова) и т. д.

В Национальном корпусе русского языка [5] отмечаются следующие значения ФЕ:

- ерунда: *О том, что Заги това переходит к Плющенко и еще раз становится олимпийской чемпионкой? Это бред сивой кобылы!* – заявила Бестемьянова (lenta.ru. 2020.09);
- вздор: *Первый министр иностранных дел России Андрей Козырев назвал эту информацию «бредом сивой кобылы»* (lenta.ru. 2019.07);

Для меня, партийного и офицера, это звучало как **бред сивой кобылы** (lenta.ru. 2019.12);

- нечто бессмысленное, нелепое: *План Ельцина по продаже Карелии назвали «бредом сивой кобылы»* (lenta.ru. 2019.07); Конечно, член-корреспондент РАН Руслан Гринберг, научный руководитель академического Института экономики, излишне резко охарактеризовал предложение Минфина как **бред сивой кобылы**, но суть от этого не меняется (Парламентская газета. 2017.04);

- выдумка: *Нет! Это выдумки, инсинуации, бред сивой кобылы. Не будем отрицать, что мясо свиньи нежное, жирное и очень питательное, а сами носители сала неприхотливы в еде, а, значит, оно относительно недорогое* (Комсомольская правда. 2014.05);

- неправда: *Сам Борис Березовский на эту новость отреагировал весьма эмоционально. – Это бред сивой кобылы! Я знаю миллион людей, но не помню среди них фамилий Гайтукаев, Хаджикурбанов, Павлюченков, Махмудов, – категорично заявил бизнесмен* (Известия. 2011.09).

Таким образом, ФЕ **бред сивой кобылы** активно употребляется в современном русском языке, имеет широкие парадигматические связи и даже расширяет семантическую структуру.

Список использованной литературы

1. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник [Электронный ресурс] / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – 1998. – Режим доступа: <https://www.phantastike.com/dic/phraseology/djvu/view>. – Дата доступа: 20.04.2023.
2. Крылов, Г. А. Этимологический онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс] / Г. А. Крылов. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/krylov>. – Дата доступа: 20.04.2023.
3. Мостицкий, И. Л. Универсальный дополнительный практический толковый словарь [Электронный ресурс] / И. Л. Мостицкий. – Режим доступа: <https://rus-mostitsky-universal-dict.slovaronline.com>. – Дата доступа: 20.04.2023.
4. Маркарян, К. Блог Поэзия и журналистика [Электронный ресурс] / К. Маркарян. – Режим доступа: <https://k-markarian.livejournal.com/2023.05>. – Дата доступа: 20.04.2023.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 20.04.2023.
6. Стоянова, Е. Устаревшие фразеологические единицы в контексте культуры / Е. Стоянова. – Шумен : Епископ Константин Преславски, 2012. – 192 с.
7. Тришин, В. Н. Словарь синонимов ASIS [Электронный ресурс] / В. Н. Тришин. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-193-53.htm#zag-24173//2023.05>. – Дата доступа: 20.04.2023.

[К содержанию](#)

Т. И. ЗЕЛЕНКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. Б. Переход, канд. филол. наук, доцент

**УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА:
ИСТОКИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ**

В общей системе фразеологии особый статус имеют устойчивые сравнения (далее – УС), или компаративные фразеологизмы. Каждое традиционное сравнение включает образы реальной действительности и выработано в результате многовекового опыта народа.

Образность, экспрессивность и оценочный характер УС возникают благодаря наглядности их внутренней формы, которую обеспечивает особая структура компаративных оборотов – наличие сравнительного союза, подчеркивающего раздельнооформленность фразем: *работать как **раб**; дураку наука **что** ребенку огонь; **будто (словно)** кому бабушка ворожит; взглянуть на кого **ровно** на Ивана Великого* и др. Особая структура УС репрезентирует выделение тематической (то, что сравнивается) и рематической (то, с чем сравнивается) частей. Оценка и образное содержание формируются благодаря той части, в которой назван объект сравнения – эталон. Поскольку объекты сравнения черпаются из окружающего мира, то эталоном сравнения может быть неодушевленный предмет или явление (*дымит как **паровоз**, идти на дно / ко дну как **камень**, как **топор*** и др.), представитель живой природы (*нагруженный, навьюченный как **верблюд**; работать, трудиться, вкалывать как **вол**; как <ломовая> **лошадь**; петь, заливаться как **соловей*** и др.), человек (*болтлив как **старая баба**; вид у кого как у **мужчины**; обходителен как **Чичиков***).

Человек – существо социальное, и когда речь идет о познании его качеств, поведенческих характеристик, способностей и т. д., то логичным является сопоставление человека с другими людьми: *вести себя как **аристократ**; бритый как **новобранец**; красива как **царевна*** и др. Фразеологические компаративы с личной номинацией в эталонной части, помимо когнитивных характеристик, содержат значимый аксиологический и лингвокультурный смысл.

УС посредством отражения в своей семантике длительного процесса становления культуры народа фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Ф. И. Буслаев называл их своеобразными микромирами, которые содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [3]. Это душа каждого национального языка, в которой неповторимым образом

выражаются и дух, и своеобразие нации. В большинстве фразеологических компаративов присутствуют «следы» национальной культуры, выявляемые, в частности, посредством национально-культурной коннотации. Культурная информация хранится во внутренней форме УС, которая, являясь образным представлением о мире, придает фразеологическим компаративам национально-культурный колорит.

Национально-культурные коннотации могут содержаться в отдельных компонентах УС, например в тех, которые называют предметы национальной культуры (*хлеб, каша* и др.) или отражают историю народа (*как Мамай прошел*). Их понимание связано со знанием конкретных исторических или географических фактов. В самом формировании УС, т. е. в отборе образов, прослеживается их связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами.

В собрании русских народных сравнений, изданном В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [1], зафиксировано более 350 фразеологических компаративов с эталоном-антропонимом. Их можно квалифицировать как прецедентные, так как критериями прецедентности считается связанность с классическими произведениями, общеизвестность соответствующих денотатов или известность их большинству членов лингвистического сообщества; регулярная воспроизводимость; неденотативное использование того или иного имени в функции культурного знака [2].

Среди УС с эталоном-антропонимом выделяются прецедентные имена, имеющие национально-специфическое содержание. В них содержатся особенные, характерологические черты нации, которые сложились в результате самобытного этнического развития и творчества (характеристика обычаев, уклада жизни, системы ценностей и т. д.). Эталоны УС черпаются из русского фольклора (*Емеля, Еруслан, Иванушка-дурачок, Илья Муромец, Соловей-разбойник, Черномор, Яга Ягишна* и др.), текстов русской литературы (*Плюшкин, унтер Пришибеев, дядя Степа, Хлестаков* и др.), из сферы общественно-культурной жизни (*Суворов, Сусанин, Пат и Паташонок, Челюскин* и др.). В народной памяти эти и другие имена сохранили разную культурную информацию, отразившуюся в смысловой структуре УС полностью или фрагментарно.

В сравнении *сильный как Илья Муромец* лаконично, но точно зафиксирован образ могучего русского богатыря; сравнение *свистеть как Соловей-разбойник* рождает ассоциации с угрожающим или с оглушительно громким свистом. УС *кос как Соловей-разбойник* актуализирует неожиданный смысл – ‘о косоглазом человеке’ (Соловей-разбойник глядел одним глазом на Киев, а другим – на Чернигов). *Ходить как Ваня-дурак* – ‘о глуповатом, вызывающем презрение человеке’, или ‘о пьяном и потерявшем способность трезво рассуждать человеке’, или ‘о плохо, бедно

и грязно одетом человеке'. Данное сравнение имеет негативную коннотацию. УС как **Бова вырос** (красивый) также является фольклорным, описывает красивого, ладного и молодцеватого человека. Здесь Бова – королевич или Бова-царевич, персонаж русских сказок, отличающийся красотой и благородством.

В содержании УС *обходителен как Чичиков, предприимчив как Чичиков* выразительно прочитываются гоголевские образы лицемерного, но расчетливого человека. Негативно окрашенным является выражение *скупой как Плюшкин* (книж. неодобр.) 'о чрезмерно скупом человеке, чаще мужчине'. Оба образа-эталона взяты из известной поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души».

УС *заработать как Заблоцкий на мыле* является шутливым и ироническим, а соответственно, имеет негативную оценку. Заблоцкий – герой белорусской литературы, который прогорел на своем бизнесе (продаже мыла), да еще и в убытке остался. Данная фразеологическая единица характеризует абсолютно ничего не зарабатывающего человека.

Истоки некоторых эталонов УС находим в диалектной речи. Социально значимая информация закрепились за именами *Маланья, Акулина, Матрена: расположиться как Маланья с ящиком* (неуместно, мешая другим); *нарядиться словно Маланья на Юрья, нарядиться как Акулина* (аляповато, с претензией на моду); *ходить как Акулина, ходить как Мотря* (о неряшливой женщине). Эти имена, традиционно использовавшиеся в среде простонародья, обрели негативные смысловые приращения.

Таким образом, личная номинация, занимающая позицию эталона, выполняет отсылочную функцию к лицам, нашедшим отражение в текстах культуры, и благодаря этому служит формированию не только образного содержания сравнения, но и целого спектра прагматических смыслов, включающих экспрессивную, эмоциональную, оценочную и стилистическую составляющие.

Список использованной литературы

1. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.
2. Нахимова, Е. А. Критерии прецедентности имени собственного [Электронный ресурс] / Е. А. Нахимова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-pretседentnosti-imeni-sobstvennogo>. – Дата доступа: 03.07.2023.
3. Паремии как хранители культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.ru/19_271160_paremii-kak-hraniteli-kulturi.html. – Дата доступа: 03.07.2023.

[К содержанию](#)

П. Ю. ЗИНОВЕНКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

**ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ
РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ КАНАЛАХ
ИНТЕРНЕТ-МЕССЕНДЖЕРОВ**

Актуальность темы статьи определяется большой распространенностью выражения речевой агрессии в интернет-коммуникации. Отсутствие цензуры и непосредственного контакта между коммуникантами на дискуссионных площадках обуславливает раскрепощенность речевого поведения пользователей сети Интернет, что приводит к реализации инвективного дискурса. Инвектива как особая форма проявления агрессии определяется как «сознательное оскорбление, выраженное различными вербальными и невербальными средствами, нарушающее ценностные представления другого человека и мотивированное желанием говорящего оскорбить или унижить собеседника» [4, с. 144].

Речевая агрессия в строгом смысле представлена несколькими группами явлений: так называемые «лексы агрессии» (В. И. Жельвис, Д. В. Жмуров); инвективная лексика (В. Ю. Апресян, А. П. Костяев и др.), а также «локально-профессиональный жаргон» интернет-пользователей, включающий «эрративы» (Г. Ч. Гусейнов) и «людемы» (М. С. Рыжков). В данной статье мы остановимся на рассмотрении такого языкового явления, как «людемы» – специальные игровые приемы и единицы языковой игры, основанные на лингвокреативном потенциале языковой личности [8].

В современной лингвистике каждый человек рассматривается исследователями как языковая личность, которая характеризуется через порождаемые ею тексты [5, с. 27]. Одним из важнейших свойств языковой личности является способность к лингвокреативной деятельности. Это понятие Ю. Н. Караулов определяет как творческий процесс, позволяющий языковой личности находить индивидуальный способ изложения мыслей, создавать в рамках языка нечто новое и уникальное [5, с. 27]. Чаще всего лингвокреативность, проявление которой обусловлено поставленными коммуникативными целями, выражена в форме языковой игры. Согласно Н. Б. Кудрявцевой, языковая игра представляет собой особую форму лингвокреативной деятельности, основывающуюся на осознанных нарушениях языковых норм, с установкой на комический эффект [6, с. 336].

В виртуальной среде агрессия наиболее частотна для жанра комментария, особенность которого – наличие стимула, оформленного

как вербально (комментарии коммуникантов), так и невербально (например, визуализация – картинка, аудиовизуализация – видеоролик и др.). Так, материалом для исследования лингвокреативных приемов вербальной агрессии пользователей сети Интернет послужили русскоязычные тексты, размещенные в каналах интернет-мессенджеров.

По жанру интернет-комментарий (сетевой комментарий) представляет собой короткое сообщение, входящее в общественную (групповую) коммуникацию и выражающее мнение об исходном сетевом материале (первичном, опорном тексте). В структурно-семантическом отношении сетевые комментарии характеризуются небольшим объемом и формальной завершенностью. Однако в семантическом отношении целесообразно рассматривать комментарии в совокупности с исходным текстом, образующим с ними единое коммуникативное, структурно-семантическое пространство: в рамках одного дискурсивного поля исходный текст задает смысловое направление и представляет информацию о предмете речи, а сообщения пользователей-комментаторов, как правило, выражают их отношение к информации, имеющейся в исходном тексте [9].

В ходе анализа русскоязычных текстов, размещенных в каналах интернет-мессенджеров, установлено, что комментаторы часто используют следующие игровые приемы и единицы языковой игры, выступающие в качестве вербального средства агрессии:

– обновление фразеологизма – прием, состоящий в изменении структуры и (или) семантики фразеологизмов с целью усиления выразительности (эмоционального воздействия), а также привнесения грубой, вульгарной экспрессивной окраски [10]: «*Морда ботинка просит!*» (от *морда кирпича просит*), «*жбан пустой*» (от *голова пустая*), «*Мозг не просматривается даже лупой*» (от *быть без мозгов, отсутствуют мозги*), «*Одна извилина и эта кривая!!!*» (от *одна извилина*);

– языковая игра с антропонимами на основе использования адресантом ассоциативного сближения фамилий с помощью звуко-буквенной или слоговой замены, в результате чего образуется обидное прозвище, созвучное со словом, вызывающим у читателя отрицательные ассоциации [7]: «*Уродич*» (от фамилии *Уроднич*).

Лингвокреативность пользователей интернет-мессенджеров, выраженная в форме языковой игры, также нашла отражение в использовании рифмованных высказываний, отличающихся игрой на созвучии и звуковыми повторами. В этом случае речевая агрессия выражена с помощью рифмовки с дисфемизированными и табуированными компонентами высказывания.

Проанализировав материалы русскоязычных комментариев, размещенных в каналах интернет-мессенджеров, мы обнаружили следующие

приемы языковой игры, используемые для реализации речевой агрессии на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях, усиливающие унизительный эффект: обновление фразеологизма, языковая игра с антропонимами на основе ассоциативного сближения фамилии со словом, вызывающим у читателя отрицательные ассоциации, на основе омонимии, а также рифмовки. В основе перечисленных лингвокреативных приемов лежит не ироническое и сатирическое отношение к предмету речи, а злобное и издевательское высмеивание.

Список использованной литературы

1. Апресян, В. Ю. Имплицитная агрессия в языке [Электронный ресурс] / В. Ю. Апресян // Международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям : сб. ст. – Режим доступа: [http:// www.dialog-21.ru/Archive/2003/Apresian.html](http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Apresian.html). – Дата доступа: 31.01.2022.
2. Гусейнов, Г. Ч. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей [Электронный ресурс] / В. Ю. Гусейнов. – Режим доступа: <http://www.magazines.euss.ru/nlo/2000/43/main8/html>. – Дата доступа: 31.01.2022.
3. Жельвис, В. И. Инвективная агрессия в ряду эмотивных средств / В. И. Жельвис // Социальная психоллингвистика : хрестоматия. – М. : Лабиринт, 2007. – С. 278–322.
4. Золотаренко, Т. А. Уровни инвективной сущности / Т. А. Золотаренко // Вестн. Волгогр. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2013. – № 1 (17). – С. 142–145.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов ; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
6. Кудрявцева, Н. Б. Дискурсивные функции языковой игры (на материале французской грамматики) / Н. Б. Кудрявцева // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Гуманитар. науки. – 2015. – № 6 (717). – С. 335–348.
7. Плотникова, А. М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики : монография / А. М. Плотникова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург ; М. : ТХТ, 2018. – 197 с.
8. Стексова, Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности / Т. И. Стексова // Полит. лингвистика. – 2013. – № 3 (45). – С. 77–81.
9. Щипицина, Л. Ю. Жанровый статус сетевого комментария / Л. Ю. Щипицина // Вестн. Башкир. ун-та. – 2015. – Т. 20. – С. 528–532.
10. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. – 3-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2011. – 480 с.

[К содержанию](#)

И. А. ЗОЛОТАРЕВА

Славянск-на-Кубани, КГУ, филиал в г. Славянске-на-Кубани
 Научный руководитель – М. Ю. Беляева, д-р филол. наук, профессор

АНТРОПОНИМЫ В ТЕКСТЕ «MOTHER GOOSE RHYMES»: СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ

Антропонимы классического сборника «Mother Goose Rhymes», впервые изданного в 1877 г. (оригинальное название – «Mother Goose's Nursery Rhymes. A Collection of Alphabets, Rhymes, Tales, and Jingles»), ярко отражают национальную культуру и менталитет британцев [5]. Ономастические именованья в сборнике рассматриваются нами в аспекте их структуры и функций. В ходе исследования нами был проанализирован 91 антропоним.

В ономастиконе любой нации подчеркивается социальная роль носителя имени. Различие социального статуса находит отражение в общепринятых национально ориентированных ономастических формулах. Формула именованья в русском языке (личное имя + отчество/патроним + фамилия) отличается от формулы английского языка с ее вторым (средним) именем и отсутствием отчества [1]: first name / personal name + middle name / second name + surname / family name: *John Ronald Tolkien, Isabella Elizabeth Swan*.

В любом социуме высшую ступень в социальной иерархии занимают правители. Они могут быть представлены различными титулами (король, вождь, князь). Например, в Англии правящий класс традиционно связан с королевским статусом. Это объясняет тот факт, что большинство найденных в тексте антропонимов мужского рода содержат в себе апеллятивные идентификаторы *King / Queen: The King Canute, Queen Anne*.

С социальной функцией правителей связаны такие термины, как «тронное имя» и «династическое имя» – официальное именование монарха, имя, которое стремилась закрепить за собой та или иная династия, повторяя это традиционное имя для правящих монархов; к нему добавлялся номерной определитель [3, с. 76–77, 69–70]. В сборнике номерные определители практически не используются. Правители нередко наделяются прозвищами, которые носят возвеличивающий или, напротив, уничижительный характер: *Alfred the Great, William the Conqueror – William the Bastard*.

Для представителей низшего и среднего сословий используются одно- и многокомпонентные формулы именованья. К первым относятся состоящие исключительно из имени (first name) в его официальном варианте или диминутива: *Jack, Jenny, Molly, Richard*. От мужских личных

имен образовано 14 диминутивов: *Freddie, Tommy*; соответственно, от женских – 9: *Jenny, Betsy* и проч.

Многокомпонентная формула включает как минимум два компонента:

– имя + фамилия: *John Cook, John Gilpin, Peter White; Mary Gray, Jenny Owlet, Polly Flinders*;

– имя + прозвище: *Jack Sprat, John Boldero, Old Dame Trot*.

– имя + прозвище // должность, статус: *Georgie Porgie, Master Teddy; Greedy Nan*.

Классификация прозвищ обусловлена экстралингвистикой:

а) человек физический: по внешнему виду (*Little Blue Betty, Little Boy Blue*), возрасту (*Old mother Widdle Waddle*), цвету (*Little Blue Betty, Little Boy Blue, Dapple-grey*);

б) человек психический: по особенностям характера (*Simple Simon, Greedy Nan*);

в) человек социальный: *Doctor Foster, Doctor Faustus, Master Teddy, Mr. Isbister; Miss Muffett*.

Сдвиги в историческом сознании носителей языка вносят коррективы в шкалу престижности того или иного социального статуса, что заметно на примере формул и функций именования правителей Англии/Великобритании в тексте.

В тематической группе монархов указаны лица реально существовавшие, мифические личности, а также те, которые обладают властью, но королями не являются.

В число реальных исторических прототипов входят следующие: *The King Canute* (Канут Великий – король Англии, Дании и Норвегии (1016–1035 гг.)); *John Lackland* (Джон (Иоан) Безземельный – английский король (1199–1216 гг.)); *King William* может относиться к любому из четырех правителей Англии [5, с. 139]. Среди монархов других государств и эпох назван *King Xerxes*, правивший Персией. Из королей упоминаются королева Великобритании Анна Стюарт (*Queen Anne*), Елизавета I (*Queen Bess*).

К королям причислены личности, лишь условно соответствующие этому титулу, например *King Arthur*. «Королевский» статус Артура, возглавлявшего на рубеже V–VI вв. борьбу бриттов с англосаксами и другими внешними врагами, подвергается сомнению. Реально существовавшего военачальника Артура именовали «ужасным» за приемы ведения войны: в валлийских источниках встречается фраза: «Там, где прошел походом Артур, семь лет не росли ни травы, ни цветы» [4, с. 138]. Тем не менее за Артуром закрепилось прозвище Good: его «ужасные» действия на театре войны расценены как необходимые для сохранения полувекового мира в Британии. Действительно существовавшим

правителям противопоставлены вымышленные, существующие только в народном сознании: *The King of Hearts* и *The Queen of Hearts* (персонажи сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес», королевы из колоды карт).

Имена королей и королев используются в считалках, мнемонических стишках по истории страны: *William the Conqueror, ten sixty-six, Played on the Saxons oft-cruel tricks*. С одной стороны, короли справедливы и щедры: *The King Henry was a worthy King*, с другой – подвержены грехам простых смертных даже в больших масштабах: *Good King Arthur... stole three pecks of barley-meal*. Королевы в представлении детей величественны (*Serve Queen Bess, our noble Queen!*) и сказочно прекрасны. Функции правителей обусловлены жанровой природой английского детского фольклора с его стремлением к изображению перевернутого мира взрослых.

Таким образом, модели антропонимов, входящих в сборник «Mother Goose Rhymes», разнообразны по количеству компонентов, включают преимущественно антропонимы особ мужского пола. Многие именованья королей и королев в тексте «Mother Goose Rhymes» отражают историческую действительность, но формы упрощены, носят неофициальный характер, вплоть до фамильярных, соответствующих жанровой природе потешек, считалок, загадок.

Список использованной литературы

1. Катермина, В. В. Антропонимика: теория и практика (на материале русского и английского языков) : учеб. пособие / В. В. Катермина, Л. И. Сидорова. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2008. – 120 с.
2. Масленникова, Е. М. Поликодовость как принцип построения текстового мира / Е. М. Масленникова // Языковое бытие человека и этноса : сб. ст. по материалам XIII Междунар. Берез. чтений, Москва, 15 мая 2017 г. – М. : ИНИОН РАН, 2017. – С. 136–145.
3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Электронный ресурс] / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Суперанская. – 2-е изд. – М. : Наука, 1988. – 194 с. – Режим доступа: <https://djvu.online/file/KElpsLt8CxUXt>. – Дата доступа: 20.03.2023.
4. Эрлихман, В. В. Король Артур. Главная тайна Британии / В. В. Эрлихман. – М. : Вече, 2014. – 256 с.
5. Walter, C. Mother Goose's Nursery Rhymes. A Collection of Alphabets, Rhymes, Tales, and Jingles [Electronic resource] / C. Walter. – London : George Routledge and Sons, 1877. – 321 p. – Mode of access: https://www.gutenberg.org/files/39784/39784-h/39784-h.htm#Page_210. – Date of access: 13.03.2023.

[К содержанию](#)

Д. М. ЙУЛДАШЕВА

Ташкент, ТГТУ

Научный руководитель – М. Х. Бабаходжаева, канд. пед. наук, доцент

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Природа – удивительный источник вдохновения. Природу славяне наделили живой душой. Древнего человека наполняла уверенность в себе за счет близости с флорой и фауной. С зарождения человечества растения кормят, оберегают и лечат людей. Именно поэтому с растительным миром связано множество примет, поверий и заговоров. Человечество наделило растения магическими свойствами, с помощью которых люди борются со злыми духами, применяя их ветки, плоды для магических ритуалов и заговоров, именно поэтому они и носят символические значения в культуре и языке [10]. Языковое и культурное явление, связанное с адаптацией христианства, в этнической традиции русского народа называется православие. Именно народная лексика изучает растения как пласт культуры. У многих народов мира существуют предания, в которых говорится, что растения – это семена жизни, а также растение считалось двойником человека. Христианская лексика носит антропоцентрический характер, так как направлена на осмысление человеком духовных ценностей, себя внутри них и выработку отношения к миру природы [2].

Важную роль в создании языковой картины мира играют лексемы с предметно-вещественным значением. К ним относятся и наименования растительного мира, т. е. наименования деревьев, цветов, трав, овощных, ягодных культур. Анализ состава фитонимов в разных языках говорит о разнообразии и особенностях природных артефактов. Фитонимическая лексика занимает значительное место в литературном языке. Т. Р. Писарская и Н. Е. Якименко, ссылаясь на Л. Ф. Пуцилеву [6], определяют фитонимы как лексемы, обозначающие в прямом значении наименования всех объектов, принадлежащих к растительному миру, наименований как самих растений, так и их частей [5, с. 366]. Подробнее значение фитонимов было исследовано в диссертационных работах Ю. А. Дьяченко [1, с. 18] и Н. И. Коноваловой [3, с. 67].

Названия растений хранят в себе духовный мир людей. Рассматривая период от фольклорных текстов до современной литературы, можно предположить, что фитонимы упоминаются абсолютно в каждом произведении. Они рассматриваются как внутренние формы коннотации в аспекте изучения русского языка как иностранного [9, с. 377]. Названия

цветов в русской литературе встречаются у И. Северянина, А. Ахматовой, Н. Гумилева, А. Фета – это те авторы, тексты которых уже были проанализированы. Так, Е. Ю. Фатюшина [8, с. 421] отмечает, что дико-растущие цветы упоминаются поэтами чаще, чем садовые: «колокольчики, ромашки, одуванчики, незабудки (И. Северянин), ландыши (А. Фет)». Е. Н. Матвеева в своей статье «Реализация предметных и эстетических значений в функционально-семантическом поле флористики в поэзии Игоря Северянина» [4, с. 26] говорит о том, что в поэзии Северянина растение является текстовым знаком, который включает денотативные, традиционно-поэтические и индивидуально-авторские значения и взаимодействует с другими компонентами. Наиболее важными цветами для творчества И. Северянина являются сирень (89 употреблений), роза (58) и лилия (37). Среди деревьев Северянин отдает предпочтение сосне (40), березе (25) и липе (22). При анализе поля «трава» Е. Н. Матвеева говорит о том, что употребление данной группы в целом гораздо меньше, чем деревьев и цветов, что означает меньшую эстетическую значимость для поэта. Наиболее частотны среди трав камыш (9) и тростник (8).

Особые авторские смыслы Е. Н. Матвеева находит в употреблении таких цветов, как лилии и фиалки. В творчестве И. Северянина оба цветка символизируют мечту, а также присутствует значение роскоши и изысканности (фиалковый ликер, в лилии журчащее искристо). Е. Н. Матвеева также выделяет общие парадигмы: человеческий облик (*часто вы мне грезилась фиалкой – этим нежным, ласковым цветком; эта тихая женщина – как грустная белая лилия*); части тела (*ее очей фиалковая глубь; лилиевое тело*); музыка (*лилий ароматный звон; фиалки ли цветут? Поколебался стих ли музыкальный...*). Поэзия И. Северянина очень яркая, цветная. Фитонимы в его текстах не обязательно цветы-растения в прямом значении, это нечто прекрасное и духовное. Например, цветы в лирике А. Ахматовой выражают намерения и чувства. Многообразие флоры и фауны, характерное для образного ряда стихотворений Н. Гумилева, является доказательством «чудес и тайн земли», указанием на красоту и необычность тварного мира [7, с. 127].

Как говорится в статье Кхонг Тху Хиена «Названия растений в русской литературе», фитонимы в художественной литературе функционируют как сравнения, метафоры, символы. Поэты экспериментируют с разнообразными моделями переноса наименований и способами выражения сравнительных отношений. Изучение тематических групп фитонимов в русской литературе – это еще один аспект исследования языка художественной литературы [9, с. 380].

Фитонимы могут употребляться в художественном тексте для выражения авторских представлений о мире. Существуют классификации фитонимов на различных основаниях. Но анализ существующих классификаций позволяет сделать вывод о том, что они не противоречат друг другу. Как правило, анализ фитонимической лексики в художественном тексте проходит либо с позиций компонентного анализа, либо с позиций мотивационного анализа. Фитонимы являются одним из объектов в картине мира.

Список использованной литературы

1. Дьяченко, Ю. А. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е. И. Носова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. А. Дьяченко ; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2010. – 18 с.
2. Колосова, В. Б. «Чужие» растения в русских говорах / В. Б. Колосова // Рус. речь. – 2010. – № 2. – С. 94–97.
3. Коновалова, Н. И. Лечебные заговоры как суггестивный текст / Н. И. Коновалова // Изв. рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2004. – Т. 4, № 7. – С. 67–75.
4. Матвеева, Е. Н. Реализация предметных и эстетических значений в функционально-семантическом поле флористики в поэзии Игоря Северянина / Е. Н. Матвеева // Вестн. Вят. гос. ун-та. – 2008. – Т. 2, № 4. – С. 26–31.
5. Писарская, Т. Р. Паремии с компонентом-фитонимом как объект лингвокультурологического описания / Т. Р. Писарская, Н. Е. Якименко // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков : сб. науч. ст. XXVII Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 июня 2017 г. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. экон. ун-та, 2017. – С. 88–92.
6. Пуцилева, Л. Ф. Типология культурно детерминированных коннотаций русских фитонимов / Л. Ф. Пуцилева // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2008. – № 76-1. – С. 284–288.
7. Соколова, Д. Поэтическая фауна Н. С. Гумилева / Д. Соколова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2006. – № 1. – С. 129–137.
8. Фатюшина, Е. Ю. Национальные особенности употребления фитонимов в художественном тексте / Е. Ю. Фатюшина // Вестн. ТГУ. Сер.: Гуманитар. науки. – 2013. – № 4. – С. 421–426.
9. Хиен Кхонг Тху. Названия растений в русской литературе / Кхонг Тху Хиен // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – 2016. – Т. 4. – С. 377–380.
10. Часовникова, А. В. Христианские образы растительного мира в народной культуре: Петров крест. Адамова голова. Святая верба / А. В. Часовникова ; Гос. ин-т искусствознания. – М. : Индрик, 2003. – 246 с.

[К содержанию](#)

В. М. КАЗЛОВІЧ

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – Л. І. Яўдошына, канд. філал. навук, дацэнт

**ІНДЫВІДУАЛЬНА-АЎТАРСКІЯ ЭПІТЭТЫ Ё ПАЭЗІІ
ЯЎГЕНІІ ЯНІШЧЫЦ**

Пад эпітэтам звычайна разумеюць «вобразнае азначэнне, якое характарызуе прадмет, чалавека, жыццёвую з’яву, вылучае і дае мастацкае акрэсленне істотнай рысы ці прыметы якога-небудзь прадмета, з’явы, ацэньвае гэты прадмет ці з’яву, выклікае пэўныя эмацыянальныя адносіны да іх» [1, с. 3]. Эпітэты адыгрываюць важную ролю ў мастацкіх кантэкстах, бо з’яўляюцца важным элементам стварэння вобразнасці. Асабліва пры гэтым вылучаюцца індывідуальна-аўтарскія эпітэты, якія адметна, незвычайна малююць вобразы і разам з тым індывідуалізуюць стыль пісьменніка, перадаюць асаблівасці яго светабачання. Н. В. Гаўрош адзначала наступнае: «Індывідуальна-аўтарскія (аказіянальныя) эпітэты вызначаюцца арыгінальнасцю, самабытнасцю аўтарскага ўжывання. Умовай узнікнення індывідуальна-аўтарскіх эпітэтаў служыць незвычайнасць, нестандартнасць спалучэння слоў, якая адлюстроўвае своеасаблівасць аўтарскіх асацыяцый, непаўторнасць бачання свету мастаком слова» [1, с. 10].

Разгледзім выкарыстанне такіх эпітэтаў на прыкладзе лірычных твораў Я. Янішчыц. У паэтычным радку Я. Янішчыц індывідуальна-аўтарскія эпітэты часта дапамагаюць ствараць медытатывную паэзію. Дзякуючы ім паэтка адлюстроўвае свой філасофскі роздум над праблемамі жыцця і смерці, часу і прасторы, імгнення і вечнасці. Напрыклад, у вершы «Каліна зімы» лірычная гераіня асэнсоўвае ўзаемазалежнасць любові і болю, шчасця і адчаю, радасці і журбы, святла і цемры. І перадаецца ўсё гэта ў творы ў тым ліку і праз выразныя аказіянальныя эпітэты:

*Полымем зыркiм душу апалiла.
Полымем белым ўзняло з небыцця.
...Ой жа зімой закінае калiна,
Гронка яе – як надзея жыцця.
Позняя ягадка позняй спакусы.
Вэлюм маёвы растаў па вясне.
Запунсавела-прыпыхлыя вусны
Свецяцца **цiха-шчаслiва** праз снег.
Выберу сёння якую вандроўку,
Каб **неўталоннай** душы дагадзiць?*

*Светла аклікну каліну-сяброўку –
 Сумам маім на мяне паглядзіць.
 Беланушыстыя ўскінуты бровы.
 Час замірання. І час адкрыцця.
 Доля мая – нібы гронка любові
 Б'ецца над сцішанай голькай жыцця [2].*

У гэтым вершы паэтка выкарыстала адразу некалькі адметных і трапных індывідуальна-аўтарскіх эпітэтаў: *запунсавела-прыпухлыя вусны свецяцца ціха-шчасліва, нейталонная душа, светла аклікну, каліна-сяброўка, беланушыстыя бровы, сцішаная голька жыцця*. Яны выразна адлюстроўваюць мастацкі стыль Яўгеніі Янішчыц і дапамагаюць перадаць меладычнасць і лірычны настрой верша. Эпітэты *ціха-шчасліва, сцішаная* ствараюць гукавы план верша, перадаюць тую цішыню, якую назірае вакол сябе лірычная гераіня. Яе ўнутраныя перажыванні чытач адчувае праз выкарыстанне эпітэта *нейталонная душа*. І гэтыя перажыванні лірычная гераіня давярае каліне, якую надзяляе чалавечымі рысамі, што адлюстравана ў эпітэтах *каліна-сяброўка, запунсавела-прыпухлыя вусны, беланушыстыя бровы*. Вобраз каліны невыпадковы: дрэва асацыюецца ў Яўгеніі Янішчыц з прагай да жыцця, а снег сімвалізуе жыццёвыя перашкоды.

Часта паэтка ўжывае індывідуальна-аўтарскія эпітэты ў сваіх вершах пры стварэнні вобраза чалавека, як, напрыклад, у наступных радках: *Арліны храм. / Узмежак беразовы. / І твар сялянкі жытна-верасны. / Усё ў адным злілося перазове – / Нашэсце грому, ласкі і вясны!* [3, с. 21]. Аказіянальны эпітэт *жытна-верасны* тут дапамагае стварыць вобраз руплівай сялянкі і расказаць пра яе нялёгкую працу, ад якой твар жанчыны загарэў, стаў падобны да колеру жыта. Гэты эпітэт падкрэслівае таксама моцную сувязь вясковага чалавека з зямлёй, прыродай.

Дзякуючы індывідуальна-аўтарскім эпітэтам Яўгенія Янішчыц стварае таксама запамінальныя малюнкi самой прыроды і прыродных з'яў, напрыклад: *Калінавы, шыпынны / Мой край ад зор азяблы* [2]; *Ой, пры каліне чырванашкокай / Ды пры даліне зялёнай – сяло. / Знаю, ні ў якой старонцы далёкай: / Тут мне якраз нарадзіцца было!* [3, с. 22]. Эпітэты *калінавы, шыпынны, азяблы* перадаюць зрокавую і псіхалагічную вобразнасць у вершаваным радку, а індывідуальна-аўтарскі эпітэт *чырванашкокая* створаны на аснове асацыяцыі: дрэва каліна з чырвонымі ягадамі параўноўваецца паэткай з чалавекам, які можа расчырванецца ад пачуццяў. Такія эпітэты адлюстроўваюць своеасаблівы мастацкі погляд Яўгеніі Янішчыц на прыроду і свет. Яшчэ адзін прыклад сустракаем у вершы «Зялёныя ігольчатыя сосны»: *Зялёныя ігольчатыя сосны. /*

Наплыў *неўтаймавальніцы-вясны*. / Ды вырастаюць крохкімі на вёснах / I – не на летах! – бледныя сыны [3, с. 22]. Для таго каб апісаць перыяд абуджэння прыроды, Яўгенія Янішчыц выкарыстоўвае індывідуальна-аўтарскі эпітэт *неўтаймавальніца*, гаворачы пра *вясну*, і тым самым падкрэслівае стыхійнасць працэсаў, якія адбываюцца з наступленнем гэтай пары года. У апошняй страфе гэтага верша таксама выкарыстоўваецца адметны індывідуальна-аўтарскі эпітэт: *Мне сто разоў бяссільнай быць і дужай, / Збіваць агонь у вогненнай крыві...* [3, с. 22]. Вобраз *вогненнай крыві* характарызуе саму паэтку, яе жывую, актыўную, цікаўную натуру.

Адметна выкарыстоўвае паэтка аказіянальныя эпітэты пры апісанні абстрактных паняццяў і душэўнага стану чалавека: *Век сталёвы, век трывожна-кволы, / Ды як прошлай радасці званец – / На гарышчы зазвіняць шумёлы / I вуздэчка заіржэ з сянец* [2]. Выкарыстанне эпітэтаў *сталёвы, трывожна-кволы* ўдала характарызуе сучасны для паэткі свет з яго тэхнічным прагрэсам і разам з тым з нейкай адчужанасцю, насцярожанасцю людзей, іх няўпэўненасцю ў заўтрашнім дні. Паэтка адчувае драматызм такога жыцця і супастаўляе яго з мінулым вясковым жыццём, калі было больш шчырасці і даверу паміж людзьмі.

«Для вобразнай характарыстыкі пісьменнік часам сам стварае новыя словы, якія слоўнікамі не фіксуюцца. Гэта так званыя аўтарскія неалагізмы. Яны адзінкавыя і нярэдка сапраўдныя мастацкія находкі» [1, с. 12]. У Яўгеніі Янішчыц сустракаем наступныя эпітэты-неалагізмы: *звыш-траскучы студзеньскі мароз, звышнепрыкаяная змора*. Яны служаць для перадачы найвышэйшай ступені праяўлення якасці, узмацняюць мастацкае ўздзеянне тэксту на чытача.

Можна адзначыць, што эпітэты ў паэзіі Яўгеніі Янішчыц яскравыя і вобразныя і нясуць у сабе найперш інфармацыю пра светаўспрыманне паэткі, яе вобразнае мысленне. Яўгенія Янішчыц часта ўжывае індывідуальна-аўтарскія эпітэты як сродак перадачы лірызму, а таксама для характарыстыкі вобразаў чалавека і прыроды, раскрыцця псіхалогіі і ўнутранага свету сваіх персанажаў, іх паводзін.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Гаўрош, Н. В. Слоўнік эпітэтаў беларускай мовы / Н. В. Гаўрош. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 603 с.
2. Янішчыц, Я. Каліна зімы [Электронны рэсурс] : вершы / Я. Янішчыц. – Рэжым доступу: <https://goo.su/akE0V3>. – Дата доступу: 20.02.2023.
3. Янішчыц, Я. Збор твораў : у 4 т. / Я. Янішчыц. – Мінск : Беларус. навука, 2016–2019. – Т. 2 : Творы, жыццяпіс, каментарыі. – 2017. – 600 с.

[К содержанию](#)

М. А. КАНДЫБО

Могилев, МГУ имени А. А. Кулешова

Научный руководитель – Н. А. Михальчук, канд. филол. наук, доцент

**НЕПРЯМАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК СПОСОБ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ**

Одним из самых актуальных направлений на современном этапе развития языкознания является подробная разработка проблемы человеческого фактора в речевой деятельности. Интерес лингвистов к данному аспекту обусловлен признанием ключевой роли человека в порождении и использовании речи как средства обмена информации и способа воздействия на собеседников. Следовательно, на первый план выдвигается языковая личность.

Определение языковой личности было представлено в работах В. Гумбольдта, К. Фосслера, М. М. Бахтина, Г. Штейнталя, В. Вундта, А. Потебни, А. Шахматова. Одним из первых в лингвистическом аспекте разработал это понятие Г. И. Богин. Он определил «языковую личность» как личность речевую – человека как носителя языка, взятого со стороны его способности к речевой деятельности, т. е. комплекса психофизиологических свойств индивида, позволяющего ему производить и воспринимать речевые произведения [1, с. 86].

Ю. Г. Момотова представила психологическую структуру языковой личности как взаимосвязанную совокупность двух компонентов, состоящих из нескольких подструктурных элементов:

1. **Вербальная креативность** (интеллектуальные, эмоциональные, речевые, мотивационные характеристики личности).

2. **Коммуникативная компетентность** (свойства и способности, определяющие сформированность межличностного опыта, обученность взаимодействию с окружающими, представленные в нескольких компонентах: когнитивном, мотивационном, эмоциональном и речевом)» [2, с. 47].

В данной статье ставится задача рассмотреть коммуникативную компетентность языковой личности в речевом компоненте, описывающем сам процесс речевой реализации коммуникативного замысла.

Процесс речевой реализации может быть представлен в двух видах коммуникаций – прямой и косвенной (непрямой). Прежде чем обратиться к сущности непрямой коммуникации, следует определить понятия «коммуникация» и «прямая коммуникация». В «Большом энциклопедическом словаре» коммуникация представлена как «передача сообщения, сознательное, построенное, адресное и целесообразное влияние на взгляды и ценности собеседника, построенное преимущественно на рациональной

основе» [4]. Таким образом, коммуникация как процесс отличается от общения тем, что предполагает не только обмен информацией между участниками, но и включает интерактивную сторону взаимодействия: влияние собеседников друг на друга.

Под прямой коммуникацией понимают «коммуникацию, в процессе которой адресант непосредственно передает информацию адресату, контролируя адекватность ее восприятия» [4]. Другими словами, прямая коммуникация передает содержание выражения через грамматические формы, слова в общепринятом значении. К примеру, прямое высказывание в обиходной сфере:

Ситуация: муж и жена по четвергам ходят в театр.

Жена (в среду): *Мы пойдем завтра в театр?*

Муж: ***Нет, завтра я работаю допоздна.***

В данном эпизоде коммуникатив «нет» определяет прямой речевой акт, выраженный отказом с мотивировкой, смягчающей категоричность.

Непрямую коммуникацию В. В. Дементьев определяет как «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [4]. Часто адресат интуитивно распознает интенциональную направленность адресанта, «считывая» ее, и адекватно реагирует на речевую действительность. Приведем пример:

– *Будешь мороженое?*

– ***У меня болит горло.***

В этом случае представлен не прямой речевой акт с интенцией отказа, выраженный мотивировкой, объясняющей причину нежелания принимать предложение адресанта.

Цели использования не прямой коммуникации различны. Чаще всего такое употребление связано с проявлением повышенной вежливости в речевых ситуациях, которые направлены на смягчение воздействия неблагоприятного речевого акта. С точки зрения использования косвенных речевых средств исследователи выделяют **три типа языковых личностей**:

1. ***Инвективная личность*** характеризуется осознанным оскорблением, выраженным различными вербальными и невербальными средствами, которые могут нарушать ценностные представления другого человека. Такой личности несвойственна не прямая коммуникация. Это объясняется тем, что ею движет повышенная экспрессивность и неспособность контролировать поток мыслей.

2. ***Куртуазная личность*** обладает высокой семиотичностью речевого поведения, вызванного тяготением говорящего к этикетным формам социального взаимодействия.

3. **Рационально-эвристическая личность** базируется на рассудительности, здравомыслии. Этот тип разрядки тяготеет к смеху как аффективной реакции. Негативные эмоции в этом случае выражаются косвенным, непрямым образом [3, с. 89].

Признаком, дифференцирующим языковую личность по способности к коммуникации, выступает характер ее речевого поведения. Языковая стратегия выбирается бессознательно. Непрямая коммуникация характерна для рационально-эвристической и куртуазной моделей речевого поведения. Выбор той или иной стратегии зависит от индивидуальных психологических и психофизиологических характеристик личности. Приведем пример не прямой коммуникации при использовании куртуазной стратегии поведения:

– *Вы признаете, что этим командам никак заявляться нельзя?*

– ***Вы не могли бы не торопить меня с ответом? Я не хочу лукавить.***

Использование этикетных формул часто относится к не прямой коммуникации, что вызвано нежеланием огорчить собеседника («Если тебе не трудно...», «Будь добр», «Вы не могли бы...»).

Рационально-эвристическая стратегия используется зачастую в обиходной речи при обычной межличностной коммуникации. Такая тактика представляет собой использование косвенных речевых актов:

– *Мне Георгий Иванович рассказывал, как Терехова получила эту роль.*

– *Ну расскажите! Все свои!*

– ***Здрате, приехали!***

Таким образом, не прямая коммуникация может выражаться с помощью стратегий речевого поведения, характерных для разных типов языковой личности. Для определения модели речевого поведения необходимо учитывать следующие факторы: общая речевая культура, экспрессивность общения, эмоциональное состояние, частота использования прямых и косвенных речевых актов. Представители элитарных групп отдают предпочтение не прямой коммуникации, что связано с высокой культурой общения таких форм речевого поведения.

Список использованных источников

1. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов / Г. И. Богин. – Калинин : Живем, 1986. – 354 с.

2. Момотова, Ю. Г. Понятие и структура языковой и вторичной языковой личности / Ю. Г. Момотова // Вопр. языкознания. – 2011. – Т. 3. – С. 156.

3. Седов, К. Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) / К. Ф. Седов // Вопр. стилистики. Яз. и человек. – 1996. – № 26. – С. 164.

4. ФИНАМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finam.ru/dictionary/wordf025a1>. – Дата доступа: 24.04.2023.

[К содержанию](#)

Т. М. КАТОВІЧ

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – Т. А. Кісель, канд. філал. навук, дацэнт

**ЛЕКСЕМА ШЫПШЫНА Ў КАНТЭКСЦЕ ПАЭЗІІ
ЯЎГЕНІІ ЯНІШЧЫЦ**

Уключэнне разнастайных вобразаў раслін у паэзіі з’яўляецца універсальным спосабам перадачы іх лепшых якасцей (прыгажосці, моцы і інш.) і сродакам стварэння яркіх сімвалаў пры дапамозе суаднясення раслін з людзьмі, іх думкамі і ўчынкамі. Традыцыі замацоўваць за раслінамі найбольш значныя іх характарыстыкі і на іх аснове ствараць трапныя мастацкія вобразы ідуць з фальклорных твораў. У аснове паэзіі беларускай паэтэсы Я. Янішчыц найперш ляжаць народныя прынцыпы жыцця і адносін да прыроды. Арыгінальныя вобразы шчымлівай бярозкі, палын-цішыні, журботных сясцёр-вярбін, калянай каліны, пышняй вішні, дубоў-вартаўнікоў, калінавага і шыпшыннага краю, створаныя паэткай, уражваюць і заварожваюць. Менавіта праз іх тонка і дакладна перадаецца настрой лірычнай гераніі, яе мары, перажыванні, захапленні і расчараванні.

Адным з арыгінальных вобразаў-сімвалаў, які выкарыстоўвае ў сваіх творах Я. Янішчыц, з’яўляецца шыпшына, ці дзікая ружа.

Шыпшына (дзікая ружа) – кустовая расліна з буйнымі простымі (немахровымі) ярка-чырвонымі кветкамі і са сцяблом, пакрытым калючкамі. У беларускім фальклоры яна «сімвалізавала маладосць і каханне. У Лады, багіні кахання ўсходніх славян, было два сыны: Лель (Амур) і Палель (Гіміней) – бог шлюбу. У паданнях Палель прыходзіў на вяселле ў залачным адзенні, яго галаву заўсёды ўпрыгожваў вянок з шыпшыны. Іншы раз шыпшына сімвалізавала боль, пакуты, варожасць» [1].

Для Я. Янішчыц – гэта кветка, якая таксама выклікае супрацьлеглыя пачуцці, бо яна адначасова можа вабіць сваёй прыгажосцю і палохаць сваёй калючасцю, жорсткасцю і варожасцю:

Пазначаны светлай журынкай рабін

І жарам шыпшыны акопнай

Мой голас жаночы. І пол мой слабы.

Дакладней, – мой голас з натоўпу...

«Пазначаны светлай журынкай рабін...» [2, с. 146];

Нібы прадаўшы жыта, спяць сваты,

А на вусах – на зманліваму слоўцу.

Мы пройдзем праз драпежныя пасты

Шыпшыніку і хітрага ядлоўцу.

«Такой прысні, як яблыневы сад...» [2, с. 193];

*Сукенку лёгкую трапеча
Вятрэц, наіўны і сляпы.
Яшчэ для горкае сустрэчы
Ў шыпынне выраслі шыпы!*

«Дзевятнаццаць» [3, с. 41].

У наступных радках шыпына выступае сімвалам роднай старонкі, палескага краю, якую паэтка з задавальненнем хацела б пабачыць, як роднага чалавека, добрага сваяка:

*Сустракаемся так рэдка.
Нават святы
Убаку ад нас жывуць, як хутаркі.
Прывязі – прашу –
Шыпыны мне і мяты.
«Сустракаемся так рэдка» [3, с. 52];*

*Я у птушак надвор'я пытала.
Вёў шыпыннік са мною хаўрус.
З трох крыніц я вады паспытала –
Наталіла адна Беларусь.
«Бласлаўляю адчай і трывогу...» [3, с. 142].*

Жыццё Я. Янішчыц не было лёгкім і бясхмарным. Таму паэтка час ад часу параўноўвае сябе з шыпынай – прыгожай, але калючай, ад таго і адзінокай:

*Спыню свой крок адчайны і таропкі,
Убачу ў непрытульнай цемнаце:
На дне пасляваеннага акупа
Шыпына адзінокая цвіце.
«Спыню свой крок адчайны і таропкі...» [3, с. 34];*

*Адцвітае бэз. І вяне мята.
Мілы, гэта скруха вінавата
У святых бярозак на віду.
Пах сунічны. І зязюлі слёзка.
Куст **шыпыны** мне сягоння цёзка.
Брат – халодны месяц у палях.
«Згадка знаёмага рытму» [3, с. 180].*

Сваё жыццё паэтка параўноўвае з дзікай шыпшынай: актыўнае, яркае, але жорсткае і складанае, поўнае «шыпоў». Аднак нягледзячы на «шыпы», гэта ўсё ж прыгожая і лагодная кветка, што вабіць сваімі чырвонымі кветкамі. Так і жыццё Я. Янішчыц:

*Жыццё маё, як дзікая шыпшына,
Хоць колецца, а ўсё-такі – цвіце.*

«Спыню свой крок адчайны і таропкі...» [3, с. 34].

Такім чынам, для паэткі шыпшына – сімвал прыгажосці і болю, радасці і расчаравання. На прыкладзе праналізаваных твораў мы бачым, што бяспэчнай прыкметай паэтычнага слова Яўгеніі Янішчыц з’яўляецца здольнасць перадаваць думку праз арыгінальныя народныя вобразы-сімвалы, уменне скарыстоўваць традыцыйныя фальклорныя вобразы і надаваць ім новы сэнс. Усё гэта прымушае перачытваць радкі Я. Янішчыц яшчэ не адзін раз.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Катовіч, А. Шыпшына [Электронны рэсурс] / А. Катовіч, Я. Крук // Звязда. – 2015. – 7 жн. – Рэжым доступу: <https://zviazda.by/be/news/20150807/1438897036-shypshyna>. – Дата доступу: 04.04.2023.
2. Янішчыц, Я. Каліна зімы / Я. Янішчыц. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 206 с.
3. Янішчыц, Я. Пачынаецца ўсё з любві... : вершы, паэмы / Я. Янішчыц. – Мінск : Маст. літ., 2008. – 339 с.

[К содержанию](#)

А. А. КОРМИЛАЕВА

Ярославль, ЯГПУ имени К. Д. Ушинского

Научный руководитель – Р. В. Разумов, канд. филол. наук, доцент

ЗАКОНОМЕРНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТОПОНИМОВ В РАССКАЗАХ И. А. БУНИНА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «МУЗА», «ГАЛЯ ГАНСКАЯ», «АЛУПКА», «СТЕПА», «ПЫЛЬ»)

Литературная ономастика как самостоятельная научная дисциплина начала формироваться в 1950–1960-е гг. Т. А. Ерохина в одной из своих работ подчеркивала: «Только в контексте собственное имя актуализирует свои поэтические возможности и семантическую наполненность» [2, с. 120]. Так, топонимы, антропонимы, осознанно включенные в текст, выполняют важную символическую функцию, необходимую для понимания авторского замысла. Наименования городов, улиц, храмов могут

отражать историческую правду определенной эпохи, культурную жизнь общества, «духовный багаж» персонажей, их мировоззрение.

В данной статье мы рассмотрим функции некоторых топонимов в рассказах И. А. Бунина. Актуальность исследования обусловлена возможностью нового прочтения классической прозы, углублением идей, тем, образов на основе интерпретации функций таких лексических единиц, как имена собственные.

Первая особенность включения топонимов в текст произведений И. А. Бунина заключается в способности этого вида имен собственных переходить в разряд поэтонимов и вызывать у читателя определенные ассоциации. В эту группу мы относим следующие наименования: *Пречистенский бульвар* (из рассказа «Муза»), *Преображенская улица и усадьба в Отраде* (из рассказа «Галя Ганская»), *Чухлома* и *Мерзляковский переулок* (из рассказа «Алупка»). Нами отмечено, что приставка со значением ‘очень/пере’ является важным информативным элементом, который задает возможность восприятия данных топонимов как символов духовного возрождения уставших душ главных героев от скуки и пошлости светского общества. Персонажи обретают надежду на светлое будущее после встречи с прекрасными незнакомками. Не случайно рядом с топонимами *Пречистенский бульвар*, *Преображенская улица*, *усадьба в Отраде* находятся эпитеты с положительным коннотативным элементом: «*чудесный апрельский день*», «*молодая, сильная*», «*трогательная радость*». Имплицитные основания такой оценки связаны с семами ‘чистый’, ‘преобразить’, ‘радость’. Так, И. А. Бунин подчеркивает с помощью топонимов приоритет духовного над земным для своих героев. На лексико-семантическом уровне имена собственные *Мерзляковский переулок*, *Северная гостиница* помогают читателю представить атмосферу города и ассоциируются с лексемами *мерзнуть*, *мерзость*, *север* (‘холод’). Например, в рассказе «Алупка» главная героиня упрекает мужа в неискренности, лицемерии, отсутствии внимания по отношению к ней. Она отстаивает свое право на свободу: «*Ты, за все пять лет нашего милого супружества, которое все величают “идеальным” <...> И вот-вот опять Мерзляковский переулок, и опять ты будешь месяца два рассказывать всем знакомым, как “чудно” отдохнули “мы” летом! Довольно!*» [1, с. 322]. Главная героиня испытывает отвращение к господствующим в светском обществе условностям. Ей неприятно осознавать, что в отношениях с мужем царит равнодушие, отсутствие душевной теплоты. На фоно-семантическом уровне оним *Чухлома* ассоциируется с запущенностью, глушью, умственной неполноценностью. Алексей Николаевич из рассказа «Алупка» представляется нам равнодушным человеком, который не в состоянии понять душевные переживания собственной жены. Ему

легче упрекнуть возлюбленную в глупости («*Что ты, из Чухломы что ли?*» [1, с. 322]), нежели выяснить причины ее капризов. Подытоживая все вышесказанное, мы отмечаем, что топонимы в рассказах И. А. Бунина являются средством создания психологизма.

Второй особенностью включения географических объектов в текст произведений является наличие топонимов с лексическим значением цвета, которые при этом имеют социальную и историческую обусловленность. Так, в рассказе «*Степа*» И. А. Бунин дает специфическое название тульской усадьбе – *Чернь*. Этот топоним оказывается органически включенным в текст и отражает проблематику произведения. Его символическое значение становится понятным только при рассмотрении поступка главного героя по отношению к наивной девушке через призму морально-нравственных категорий: «*Перед вечером, по дороге в Чернь, молодого купца Красильщикова захватил ливень с грозой*» <...> *Она лежала на нарах, вся сжавшись, уткнув голову в грудь, горячо наплакавшись от ужаса*», <...> *он лежал, глядя в темноту, и самодовольно усмехался*» [1, с. 19, 22]. Для нас приведенный топоним ассоциируется с черным цветом, который, в свою очередь, символически отображает темные помыслы персонажа, его пошлость, чувство вседозволенности. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой указано следующее значение слова *чернь*: «В дворянском обществе, в высокопарно презрительной речи: люди, принадлежащие к непривилегированным классам, а также люди, далекие от духовной жизни, высоких идеалов» [3, с. 832]. И. А. Бунин не случайно в начале рассказа отмечает самодовольство главного героя: «*...любил чувствовать себя помещиком-купцом, вышедшим из мужиков, пил лафит и курил из золотого портсигара...*» [1, с. 19]. Так, мы приходим к мысли, что топоним в рассказе «*Степа*» выполняет не только символическую функцию на уровне ассоциаций с темным цветом, но и достоверно отображает реалии исторической эпохи первой половины XX в., в которой господствует социальное неравенство, пренебрежение людей имеющих власть по отношению к бедным слоям населения. Топоним *Чернь* также является средством характеристики героя: молодой купец Красильщиков – безнравственный, самовлюбленный человек, для которого не существует понятий честь, мораль, совесть.

В рассказе «*Пыль*» нами отмечен случай различного произношения героем названия одной и той же улицы: «*Хрущову хотелось побывать на окраинах, на Пушкиарской улице...*» / «*Жил Хрущов на Пушкиарной улице среди чужой, грязной семьи...*» [1, с. 218–219]. Нам представляется, что разное произношение улиц, возможно, употребление официального и неофициального названия является проявлением сниженно-бытовой и стилистической функций. Обиходно-разговорные варианты топонимов

являются способом речевой характеристики главного героя как человека, бегло вспоминаящего о своей юности. Обратимся к этимологии апеллятива 'пушкари', от которого образован топоним *Пушкарская/Пушкарная*. Пушкари – это служилые люди, ремесленники, для которых служба была наследственной. Суффикс *-ск-* в русском языке обозначает принадлежность объекта кому-либо. Именно поэтому улица в рассказе И. А. Бунина называется *Пушкарская*, т. е. она принадлежит пушкарям. Главный же герой произведения – состоятельный барчук, который намеренно отдаляется от другого сословия, горделиво подчеркивая свой статус (равно как и в рассказе «Степа»).

Итак, можно сделать вывод о том, что в топонимическом словнике рассказов И. А. Бунина количественно преобладают астионимы, годонимы, урбанонимы. Данный вид имен собственных тесно связан с апеллятивами, имеет социальную и историческую обусловленность. Топонимы выполняют не только реально-географическую роль, но и символическую, стилистическую функцию.

Список использованной литературы

1. Бунин, И. А. Темные аллеи : рассказы / И. А. Бунин. – М. : АСТ, 2021. – 352 с.
2. Ерохина, Т. А. Поэтоним и контекст (на материале творчества М. А. Волошина) / Т. А. Ерохина // Учен. зап. Крм. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Филол. науки. – 2019. – Т. 5, № 2. – С. 111–123.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Азъ, 1994. – 907 с.

[К содержанию](#)

А. А. КРУЧИНИНА

Ярославль, ЯГПУ имени К. Д. Ушинского

Научный руководитель – Р. В. Разумов, канд. филол. наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИБЛИОНИМОВ И ПОЭТОНИМОВ В НЕОФИЦИАЛЬНОМ ОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Произведения литературы являются одним из постоянных источников имен собственных для официальных и неофициальных наименований внутригородских объектов, при этом они различаются дополнительными коннотациями: «Под влиянием различных экстралингвальных и собственно языковых факторов онимы приобретают добавочные значения (созначения), или референтные коннотации, имеющие смысловой ассоциативно-образный и эмоционально-оценочный компоненты. Референтные коннотации

“накапливаются” в онимах благодаря более или менее регулярной востребованности в разных речевых ситуациях какой-то части их энциклопедической информации о денотатах и благодаря их многократному выражению в разных видах речи. Таким образом, возникло значительное количество семантически обогащенных СИ в основе их созначений лежат фрагменты связанной с ними энциклопедической информации» [1, с. 55].

В рамках данной статьи мы рассмотрим функционирование коннотонимов литературного дискурса в неофициальном ономастиконе русских городов. В работе мы используем термин *коннотативный микроурбаноним*, под которым понимается «неофициальное название внутригородского объекта, возникшее в результате вторичной номинации, в котором его денотативное значение сосуществует с общеязыковыми или индивидуальными коннотациями» [2, с. 63].

При неофициальном нейминге часто учитываются лишь внешние и пространственные качества объекта. Например, числительное в составе исходного библионима позволяет использовать данный оним при номинации трех рядом стоящих объектов, т. е. здесь используется лишь формальная связь с объектом. Нами найдены следующие примеры подобных названий: *Три сестры* (Екатеринбург) – это три рядом расположенных общежития, *Три сестры* (Самара) – три пивных киоска, *Три сестры* (Санкт-Петербург) – три здания и три магазина, *Три поросенка* (Йошкар-Ола, Санкт-Петербург, Ярославль) – три здания. Еще одним примером установления формальных ассоциативных связей исходного библионима и городского объекта может служить коннотоним *Красная шапочка* (Рыбинск, три здания, построенные на проспекте Ленина), в этом случае мотивом переноса онима послужил красный цвет крыш здания. Аналогичные примеры встречаются и в других городах нашей страны (Псков и др.).

Часто коннотонимы, восходящие к библионимам и поэтонимам, иронически переосмысливают исходное имя. Например, подобную картину мы наблюдаем в неофициальных городских хоронимах (имена какого-либо пространства или района): *Малая земля* (Нижний Новгород, мотив номинации объясняется удаленностью района от центра города), *Поле чудес* (Самара, футбольное поле). Схожее явление прослеживается в группе неофициальных названий памятников и монументов. Так, памятник «Седому Уралу» в Екатеринбурге носит название *Гендальф* по причине отдаленного внешнего сходства с персонажем фильма «Властелин колец», поставленного по произведению Дж. Р. Р. Толкиена. Памятник Борцам за установление Советской власти в Самаре «Красное знамя» прозвали *Змею Горынычем* (три головы, выступающие из каменной глыбы, напоминают персонажа сказки). Памятник Ю. А. Гагарину в Москве

называют *Железным дровосеком*, так как он весь состоит из металла. Памятник М. А. Шолохову в Москве называют *памятником деду Мазаю*, так как головы коней напоминают зайцев. Памятник И. В. Курчатову в Москве именуют *Головой профессора Доэля*, поскольку он имеет схожую с героем фильма внешность и больше апеллирует к фильму. Скульптуру «Молодым революционеркам текстильного края» в Иваново из-за пышной прически назвали *Медузой Горгоной*, а монумент Славы в Самаре, где представлена фигура с крыльями над головой, – *Паниковский с гусем*. Памятник З. Церетели «В ознаменование 300-летия российского флота» (Москва), посвященный Петру I, получил неофициальное название *Гулливвер* за свои непривычные гигантские размеры. Скульптуры «Марина» (Череповец, 1976) и «Вера, Надежда, Любовь» (Екатеринбург, 2011) в народе стали называть *Ассоль*. Девушка скульптора А. В. Щепелкина является частью композиции фонтана, изображается с корабликом в руках, рядом с памятником раньше находился магазин «*Алые паруса*». «Прощающаяся славянка» (Ханты-Мансийск, 2005) в неофициальном ономастиконе получила название *Ассоль Корабельная* (девушка находится в речном порту, в руках она держит платок, встречая и провожая судна).

Ироническую окраску имеет и использование в неофициальной номинации коннотонима *Дворянское гнездо*. Как правило, он используется для обозначения зданий, расположенных в районах элитной застройки (Москва, Дубна, Екатеринбург, Петрозаводск, Санкт-Петербург). Иногда данным коннотонимом иронически обозначаются районы, застроенные деревянными домами и бараками (Екатеринбург).

Таким образом, бытовое переосмысление библионимов и поэтонимов в рамках повседневности порождает иронический подтекст, который возникает в коллективном сознании людей и образует тесную связь с исходным текстом. Представленные в нашем исследовании материалы позволяют говорить об активном использовании как отечественных, так и зарубежных библионимов и поэтонимов при вторичной номинации. Они активно пополняют состав русских коннотонимов, поэтому их дальнейшее изучение позволит расширить наши представления о данном явлении. Без знания культурного контекста сложно интерпретировать городские наименования с коннотативными значениями, при этом они значительно упрощают коммуникацию. Значительная часть коннотативных микроурбанонимов возникают в результате трансонимизации и образованы посредством метафорического переноса значений.

Список использованной литературы

1. Отин, Е. С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е. С. Отин // *Вопр. языкознания*. – 2003. – № 2. – С. 55–72.

2. Разумов, Р. В. Особенности представления коннотативных микроурбанонимов в словарях жаргона и неофициальных названий / Р. В. Разумов // Живое слово : фольклор.-диалектол. альм. – Волгоград : Перемена, 2017. – Вып. 5. – С. 63–66.

3. Разумов, Р. В. Прецедентные онимы в неофициальном городском ономастиконе / Р. В. Разумов // Яросл. пед. вестн. – 2011. – № 4. – С. 169–172.

4. Никитина, Т. Г. Толковый словарь молодежного сленга: слова, непонятные взрослым / Т. Г. Никитина. – М. : Астрель, 2003. – 736 с.

[К содержанию](#)

А. П. КУДЛАЧ

Минск, БГУ

Научный руководитель – В. Ф. Толстоухова, канд. пед. наук, доцент

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ «КОРОНЕОЛОГИЗМОВ»

Постоянно происходящие социальные изменения в жизни общества, развитие и расширение научных знаний, создание современных технологий вызывают появление новых предметов, реалий, событий. Они в свою очередь требуют номинации, что приводит к необходимости создания новых слов или, по-другому, неологизмов, большинство из которых образуются посредством различных способов словообразования. Слово в языке считается неологизмом до тех пор, пока оно воспринимается людьми, использующими его, как новое [1].

Факт появления неологизмов анонсируют многие онлайн-словари. Пройдя по ссылке https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/wordlist/new_words Oxford learners' dictionary можно ознакомиться со списком новых слов, добавленных в словарь за период с декабря 2015 г. по март 2023. Одно из них: *digital detox* – a period of time when a person does not use digital devices such as smartphones or computers, especially in order to reduce stress and relax. *e. g. I sometimes want to take a break from my phone and go on a complete digital detox* [3].

Ежедневное появление новых слов можно отследить по ссылке Cambridge dictionary <https://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms/>. Например, 24 апреля 2023 г. там анонсированы следующие неологизмы: *virovore* – an organism that eats viruses, *Novid* – someone who has never had the Covid-19 virus, *superdodger* – someone who is resistant to a particular virus [2].

Пандемия COVID-19 вызвала огромный всплеск лингвистического творчества, направленного на создание большого количества новых слов, описывающих различные аспекты жизни социума, осложненной появившимся вирусом. «Коронеологизмы» можно считать одним из самых

оригинальных типов неологизмов. Многие из этих новых слов и сочетаний были созданы журналистами или пользователями социальных сетей. Эти лексические образования звучат свежо и остроумно, а их основная функция – привлечение внимания читателя или слушателя к возникшей глобальной проблеме.

Нас заинтересовали «коронеологизмы» и для словообразовательного анализа было отобрано 43 лексические единицы, зафиксированные блогом кэмбриджского словаря за период с 1 января 2019 г. по 28 февраля 2022 г.

В ходе словообразовательного анализа было установлено, что чаще всего «коронеологизмы» представляли собой составные группы и были образованы путем добавления уточняющих определений по моделям N + N, N + N + N, ADJ + N, PREP + N, N + PREP + N. Например:

N + N: *vaccine stamp, vaccine hunter, vaccine nationalism, vaccine envy, air curtain, corona corridor, corona moaner, air bridge, air curtain, lockdown foot, bounceback wardrobe, space marshal, immunity debt, Covid toe, boomer remover, security theater, telecommuter core, clandestine barbers;*

N + N + N: *home separation anxiety, headline stress disorder;*

ADJ + N: *social recession, social bubble, social distancing, double bubble, long covid;*

PREP + N, N + PREP + N: *above-the-mask, shelter-in-place.*

Наблюдались также аффиксальные способы образования «коронеологизмов». Этот процесс словообразования включает в себя добавление определенных морфем к существующим корням, в результате которого образуются новые производные слова: *coronial, quaranteen, anti-masker, scariant, hangover, supercold*. В слове *masklessness* происходит двойная аффиксация, т. е. к основе *mask* добавляется суффикс *-less*, а затем присоединятся еще один суффикс *-ness*.

«Коронеологизмы» *rona om coronavirus* и *pandy om pandemic* представляют собой процесс словообразования, который известен как усечение, в результате которого слово сокращается до одной из его частей. В зависимости от того, какая часть слова отсекается, различают: аферезис – это начальное усечение слова; синкопу, которая представляет собой усечение середины слова; апокопу – это конечное усечение; смешанный тип, при котором одновременно опускается начало и конец производящего слова. В нашем примере *rona om coronavirus* относится к последнему типу, а *pandy om pandemic* к апокопе с добавлением суффикс *-y*.

Многие «коронеологизмы» появились посредством блендинга, т. е. слияния двух или более усеченных основ или слов, а также слияния полного слова или основы с усеченным словом. Проиллюстрируем это на следующих примерах: *covexit (covid + exit), lockstalgia (lockdown + nostalgia), panpanic (pandemic + panic), covidivorce (covid + divorce),*

twindemic (*twin* + *pandemic*), *maskne* (*mask* + *akne*), *coronasomnia* (*corona* + *insomnia*).

Среди «коронеологизмов» встречаются аббревиатуры, чаще всего инициальные, например: *BCV* (before Corona virus), *PUI* (Person Under Investigation), *WFH* (Working From Home), *PUM* (Person Under Monitoring) и *PPE* (Personal Protection Equipment). Среди аббревиатур есть акронимы, произносимые как слово, например: *COVID-19* (Coronavirus Disease 2019), *ARDS* (Acute Respiratory Distress Syndrome) и *WHO* (World Health Organization), есть и другой вариант – *V-Day* (Vaccination Day).

Такие неологизмы, как *coronagrass*, *corona-shaming*, *quarantime*, *coronaphobia*, *coronawashing*, *coronababies*, *coronacoma* образованы словосложением.

Следует отметить, что для создания исследуемых новых лексических единиц, отражающих процесс пандемии *COVID-19*, использовались и смешанные виды словообразования. Например, на основе объединения словосложения и аффиксации возникли такие «коронеологизмы», как *lockdowners*, *circuit-breakers*.

Интересны сочетания блендинг + аффиксация (*covidpreneurs*, *quaranteams*, *quaranqueens*, *quarantrolls*, *coronials*) и усечение + словосложение (*coronalit*, *corona-fi*, *generation*) *C*, *ronadobbing*).

Таким образом, «коронеологизмы», отразившие весь процесс прохождения пандемии, а именно: начало, пребывание в ней, выход, а также состояние людей, их чувства, отношения к возникшим обязательствам образованы самыми разными способами, среди которых наиболее распространенными являются сочетание слов по определенным моделям и блендинг.

Список использованной литературы

1. Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина. – М. : Высш. шк., 1989. – 126 с.
2. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/ru>. – Date of access: 12.05.2023.
3. Oxford Learner Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/definition/english>. – Date of access: 12.05.2023.

[К содержанию](#)

А. С. КУЗІЧ

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – А. С. Кавалюк, канд. філал. навук, дацэнт

**ПАЭТЫКА ЛІРЫЧНАГА ДЭТЭКТЫВА А. ЛОЙКІ
«КЕЛЬТЫ НЕ ПАМІРАЮЦЬ...»**

У 2001 г. з-пад пяра А. Лойкі ўбачыў свет арыгінальны твор «Кельты не паміраюць...». Письменнік прысвяціў яго светлай памяці паэта, празаіка, літаратуразнаўцы, даследчыка Рыгора Семашкевіча. А. Лойка не толькі стаў для гэтага чалавека выкладчыкам на родным філалагічным факультэце БДУ, але і даў крылы маладому аўтару, прыняўшы яго ў літаратурнае аб'яднанне «Узлёт», якое ўзначальваў доўгія гады.

Свой твор «Кельты не паміраюць...» аўтар адносіць да жанру лірычнага дэтэктыва. Аднак у адным з нумароў часопіса «Маладосць» твор прэзентуецца як «амаль дэтэктыўная паэма-аповесць». У кнізе ж успамінаў «Уладзімір Караткевіч, або Паэма Гарсія Лойкі» (2008) письменнік называе свой твор пра кельтаў аповесцю. Такая няўстойлівасць у жанравым вызначэнні яшчэ раз падкрэслівае рамантычнасць натуре письменніка, які не абмяжоўваў свае творы пэўнымі жанравымі рамкамі.

Увагу чытачоў прыцягвае загадкавая назва дэтэктыва. Адразу паўстае пытанне, хто такія кельты. У «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» знаходзім наступнае тлумачэнне: ‘плямёны індаеўрапейскай моўнай групы (сям’і), якія ў I тысячагоддзі да н. э. насялялі тэрыторыю Заходняй Еўропы’ [2, с. 289]. Звяртаючыся да асэнсавання традыцый і жыцця старажытных плямёнаў, А. Лойка імкнецца вырашыць актуальныя пытанні: хто мы, беларусы, і дзе нашы гістарычныя карані. Для гэтага письменнік стварае займальную і інтрыгуючую гісторыю, якая адбылася з галоўным героем Міраславам Струменічам у адным з педагагічных інстытутаў. Пасля навуковай канферэнцыі, падчас якой малады выкладчык распавёў пра плямёны кельтаў, ён атрымаў загадкавую запіску ад нейкай Вікторыі Кельт. Пачаліся доўгія пошукі ўладальніцы гэтай незвычайнай запіскі. Апісваючы іх, аўтар паказаў асаблівую ўніверсітэцкую атмасферу, якая была яму вельмі блізкай і знаёмай. Як аказалася, нікай Вікторыі Кельт не існуе, а запіску і далейшыя лісты Струменіч атрымаў ад маладога аспіранта Даўгалевіча, які, паслухаўшы яго прамову пра кельтаў, вырашыў такім чынам пажартаваць. Дапамагала хлопцу ў гэтай справе яго каханая Вікторыя Замара, якая старанна, з «левым накланом», пісала пад дыктоўку лісты Струменічу. Аднак звычайны жарт ператварыўся для Міраслава ў складаны шлях, у якім ён, сам пра тое не здагадваючыся, не проста шукаў загадкавую дзяўчыну, а адкрываў і мяняў многае ў сваім светапоглядзе.

У адным з лістоў Вікторыя называе Струменіча кельтам, з чым ён не пагаджаецца. Аднак дзяўчына прыводзіць шмат аргументаў, якія пацвярджаюць, што Міраслаў, як і ўсе беларусы, з’яўляецца нашчадкам кельтаў: *«А преклонение кельтов перед предками, их культ могилы, культ погребальных урн – дольменов с выдолбленными в них нишами для пепла сожженных тел родичей и соседей – разве это не предыстория наших дедов, ставшая в поэме Адама Мицкевича “дзядами”?»* [1, с. 31]. Цікавыя факты, укладзеныя ў вусны загадкавай гераіні, падкрэсліваюць дасведчанасць і глыбокія веды А. Лойкі па гісторыі і культуры Беларусі.

У творы вызначальнай з’яўляецца праблема стану нацыянальнай мовы і літаратуры, іх гістарычнага мінулага, перспектывы на будучае. Лёс беларускага народа, яго мовы і культуры аўтар асэнсоўвае, супастаўляючы з гістарычным лёсам згубленага ў стагоддзях племені кельтаў. Гэтымі пытаннямі і займаецца Струменіч. Ён згадвае словы пра беларускую мову Яна Чачота, які сцвярджаў, што *«сомневаться надлежит, чтобы кривичский диалект стал письменным и развивался как самостоятельный язык»* [1, с. 16]. Струменіч не згаджаецца з выказваннем знакамітага паэта і фалькларыста. Ён не памятае, каб хтосьці нават з мовазнаўцаў-шавіністаў, сучаснікаў Купалы, прарочыў бы толькі музейную, акадэмічную цікавасць да беларускай мовы. У той жа час Міраслаў добра разумее, што яго акружаюць людзі, якія сумняваюцца ў перспектывнасці беларускай мовы, таму і не пішуць на ёй, лічаць беларускасць толькі *«выдумкой Купалы и Колоса, сепаратистов, врагов “единой и неделимой”»* [1, с. 17].

У адным з дзённікавых запісаў Струменіч згадвае значныя дасягненні беларускіх пісьменнікаў: *«А что, разве не правда, разве Адам Мицкевич не кельт, не друид, не импровизатор, если за десять месяцев десять тысяч строк “Пана Тадеуша” выдал. А что, Янка Купала – разве не друид, если признавался Эпимаху-Шипилло, что по триста строк в день сочинял и ничего не правил?!»* [1, с. 42]. Пералічваючы адкрыцці беларускіх аўтараў, герой увесь час параўноўвае іх з кельтамі, як бы забываючы, што яны беларусы. Міраслаў настолькі захапіўся пошукамі незвычайнай Вікторыі Кельт, што ўвесь час гаварыў і думаў пра старажытныя плямёны, даследаваў іх гісторыю і культуру. А калі ўбачыў перад сабой сапраўдную аўтарку лістоў, быў здзіўлены і разгублены, што перад ім не рамантычная прыгажуня са слаўнага кельцкага племені, а звычайная студэнтка-беларуска.

А. Лойка ў сваім эсе «Уладзімір Караткевіч, або Паэма Гарсія Лойкі» расказвае аб прататыпах герояў яго дэтэктыва: «Прататыпам Струменіча быў Рыгор Семашкевіч, Даўгалевіча – Караткевіч, ягонай аспіранткі – Вольга Іпатава. Каму ведаць кельтаў больш, як не аўтарам гістарычнай прозы Уладзіміру Караткевічу і Вользе Іпатавай? Хто большыя чыніў

розыгрышы, хто быў адным з найбольшых іх выдумшчыкаў? Караткевіч! Словам, для мяне Уладзімір Караткевіч быў не толькі прататыпам, але і яго вялікасцю кельтам» [3, с. 122].

Галоўны герой Міраслаў Струменіч паўстае перад чытачамі як разумны, дасведчаны малады выкладчык на філалагічным факультэце. Ён не жанаты, а таму запіску ад незвычайнай Вікторыі Кельт атрымлівае радасна і з захапленнем. У пошуках дзяўчыны па ўсіх факультэтах Струменіч прывіў ўменне паводзіць сябе з жанчынамі, падзяліўся спосабамі атрымання інфармацыі ад кожнай з іх. А. Лойка ў чарговы раз апрадэманстраваў веданне жаночай псіхалогіі.

Струменіч на працягу ўсяго твора шмат разважае на самыя розныя тэмы. Унутраныя дыялогі героя аўтар выносіць пад асобнымі загаловамі. А. Лойка падкрэслівае талент Міраслава Струменіча як паэта, яго ўменне складаць вершы і падбіраць рыфмы да пачутых слоў. Герой упэўнена ідзе да сваёй мэты, робіць усё, каб адшукаць загадкавую Вікторыю Кельт. Нягледзячы на тое што становіцца ахвярай Даўгалевіча-выдумшчыка, пачынае па-сапраўднаму ўсведамляць сябе беларусам, а не кельтам.

Такім чынам, А. Лойка стварыў займальны і арыгінальны дэтэктыў, у якім закрануў шырокае кола праблем, актуальных для кожнага беларуса. Ён дае магчымасць кожнаму паразважаць на гэтую тэму. Ліставанне Струменіча з Вікторыяй Кельт, прыватныя запіскі галоўнага героя, яго ўнутраныя дыялогі і маналогі – усё гэта стварае пэўную інтрыгу і цікавасць для чытачоў. Адметна і тое, што назва горада, у якім адбываюцца падзеі, мае скарочаную назву С., што з'яўляецца адметнай рысай жанру дэтэктыва. Цікавыя матэрыялы з гісторыі беларускай мовы і літаратуры, запісы таленавітага дзеяча культуры Яна Чачота, звесткі з друідскага гараскопу падае А. Лойка ў сваім лірычным дэтэктыве і тым самым выяўляе свае глыбокія веды як гісторыка і аналітыка, дэманструе ўменне стварыць шматпланавы і арыгінальны твор.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лойко, О. Кельты не умирают... : лирический детектив / О. Лойко ; пер. с бел. В. Тараса. – Минск : Маст. літ., 2001. – 78 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 3-е выд. – Мінск : БелЭн, 2002. – 784 с.
3. Уладзімір Караткевіч: вядомы і невядомы : зб. эсэ, вершаў, прысвячэнняў / уклад.: А. Верабей, М. Мінзер, С. Панізнік. – Мінск : Літ. і мастацтва, 2010. – 368 с.

[К содержанию](#)

К. І. КУЛАЖЭНКА

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – Л. І. Яўдошына, канд. філал. навук, дацэнт

ЭПІТЭТЫ Ў ПРОЗЕ М. КУПРЭЕВА

Сярод лексічных вобразных сродкаў у мастацкай літаратуры значнае месца належыць эпітэтам. Найбольшай распаўсюджанасцю вызначаюцца агульнамоўныя эпітэты, характэрная прымета якіх – адносна ўстойлівая сувязь з паяснёным словам, узнаўляльнасць, дастаткова высокая частата ўжывання. Агульнамоўныя эпітэты – гэта словы з прамым і пераносным значэннем, стылістычна афарбаваныя і нейтральныя [1, с. 10]. Выражаюцца яны пераважна якаснымі прыметнікамі і дапамагаюць аўтару стварыць малюнкi наваколля, партрэты герояў, перадаць унутраны свет чалавека. Пацвярджэнне выказанай думкі знаходзім у творах розных аўтараў, у тым ліку ў аповесцях Міколы Купрэева: *А куры разбегліся далёка ад нашай калоды, а жоўта-чырвоны, як вогненны, певень Пецька пагнаў маладзенькую курачку за вугал хлява, а сабака, рыжы Дзік, ірваўся з ланцуга і брахаў пра нас усяму мястэчку, а за гародамі і бульбяным полем, ля рэчкі, я і гэта бачыў, стаялі, навастрыўшы вушы на Сцяпанаў падворак, белы казёл і чорная каза* («Рэчкаю плывём, плывём» [2, с. 263]); *Па дарожцы ідзе ў вялізнай заечай шапцы тоўсценькі, нізенькі мужычок – хворы Лушчык, з другога паверха* («Дзіцячыя гульні пасля вайны» [2, с. 110]); *Мне стала смешна, але засмяяцца, нават усміхнуцца я не паспеў: вужака крутнула галоўкай і знікла ў цёмнай дзірцы пад нём* («Дзіцячыя гульні пасля вайны» [2, с. 88]).

М. Купрэў ужывае ў сваіх аповесцях вялікую колькасць агульнамоўных эпітэтаў. У сваёй большасці гэта якасныя і адносныя прыметнікі (*лёгкая, грозная аблокi; тонкія дрэўцы; срэбраны маладзік; шэрыя дні; шэры пыл; срэбны туман*), зрэдку сустракаюцца дзеепрыметнікі (*дрыжачы пыл*). Сінтаксічная функцыя гэтых эпітэтаў у асноўным азначальная, напрыклад: *Заду за імі, як за табуном палавецкіх кабыліц, падымаецца і навалі апускаецца шэры пыл* («Імгненне светлае» [2, с. 122]); *Па абодвух кутах брамы высяцца зубчатая вежа, на іх улетку растуць палын і маленькія, тонкія дрэўцы, і цэлы дзень на іх крычаць вароны* («Дзіцячыя гульні пасля вайны» [2, с. 63]). Трэба адзначыць, што пісьменнік вельмі трапна выкарыстоўвае такія эпітэты ў сваёй прозе, звычайна актуалізуючы пры дапамозе іх мастацкія дэталі, элементы зрокавай, гукавой і іншай вобразнасці.

Агульнамоўныя эпітэты, выяўленыя ў праявітых творах М. Купрэева, можна размеркаваць па наступных групам: люксонімы,

каларонімы, эмацыянальныя, або псіхалагічныя, эпітэты, ацэначна-характарыстычныя эпітэты.

Люксонімы звычайна ўжываюцца ў творах пісьменніка са значэннем павышанай інтэнсіўнасці святла і часта маюць станоўчую канатацыю. Усяго вылучана каля 60 люксонімаў у творах М. Купрэева. Індывідуальна-аўтарскую інтэрпрэтацыю мае эпітэт **цёмны** (абазначае адсутнасць святла), які ужываецца як з адмоўным, так і са станоўчым значэннем: **цёмны гушчар**, у **цёмным нутры**, **цёмныя вочы**, у **цёмным лесе**, у **цёмным кутку**. Названы эпітэт мае наступную семантыку: 1) ‘пазбаўлены святла, асвятлення’: *І ўжо стала так ціха вакол мяне ля плота, так ціха, як некалі ў цёмным лесе за вікоўскім кладаўем...* («Дзіцячыя гульні пасля вайны» [2, с. 84]); 2) ‘невясёлы, змрочны, пануры’: *Ад дрэў, ад палаткі, ад міліцыянера, мяне і жураўля ляглі і доўжыліся цені, раствараючыся ў цёмным мроіве* («Палеская элегія» [2, с. 242]); *Бег і так б’ў падэшвамі па зямлі, каб парушыць гэтую цёмную цішыню, каб хоць нешта грукацела пада мной у гэтым вечары* («Дзіцячыя гульні пасля вайны» [2, с. 78]); 3) ‘які па колеры блізкі да чорнага; процілеглае – светлы’: *Лэся апусціла вялікія, бліскучыя, цёмныя вочы на кнігу* («Імгненне светлае» [2, с. 123]).

Дастаткова частотным выступае таксама люксонім **бліскучы**, які выяўляе ў кантэкстах твораў М. Купрэева наступныя значэнні: 1) ‘які бліскае, ззяе, вылучае святло’: **бліскучыя боты**; **бліскучыя абгорткі**; 2) ‘які свеціцца, блішчыць, выяўляючы ўнутраны стан чалавека’: **бліскучыя вочы**.

Каларонімы служаць сродкам перадачы станоўчага эмацыянальнага тону дзякуючы колеравай гармоніі. Колеравыя эпітэты Мікола Купрэеў выкарыстоўвае вельмі часта: у кнізе «Палеская элегія» намі вылучана каля 150 прыкладаў, напрыклад: *Я пляваў на кончык хімічнага карандаша і пісаў на пажоўклай, у чорных кропках ад мух шпалеры* («Дзіцячыя гульні пасля вайны» [2, с. 65]); *Я ўсё яшчэ бачыў белую, тоненькую, голую да локця руку, калі яна тузала фіранку, а фіранка была зачэпілася на нітцы і трапятала, нібы крыло нейкай белай птушкі* («Дзіцячыя гульні пасля вайны» [2, с. 67]). Найбольш ужывальным колеракодам у аповесцях М. Купрэева з’яўляецца **белы** (каля 25 колераўжыванняў). Гэтым колерам пісьменнік малюе птушку (**белая птушка**); дрэвы (*над белымі ялінамі*); прадметы і рэчы (**белыя кашулі**, у **белай тэнісцы**, у **белых плаўках**, у **белых тапках**, з **белымі сценкамі**, з **белым ручніком**); прыродныя з’явы (**белы пясок**, **белыя аблогі**, **шматкі беллага туману**); часткі цела чалавека (**белыя бровы**, **белая рука**, **белы шрам**, **свае белыя коскі**). Акрамя яго, у творах М. Купрэева выкарыстоўваюцца наступныя каларонімы: **чорны** (19 прыкладаў), **чырвоны** (15), **аранжавы** (15), **жоўты** (12), **зялёны** (12), **сіні** (10), **шэры** (8).

Эмацыянальныя, або псіхалагічныя, эпітэты ўжываюцца для характарыстыкі знешняга праяўлення псіхічных станаў чалавека ў знешнім

выглядзе, позірку, маўленні, а таксама адлюстроўваюць стан душы (самоту, трывожнасць), напрыклад: *жахлівы твар, сумныя вочы, самотныя вочы*. Такія эпітэты таксама могуць абазначаць псіхалагічнае ўспрыманне навакольных з’яў, прадметаў, людзей, напрыклад: *горкая часіна, брыдкія словы*.

Ацэначна-характарыстычныя эпітэты – гэта эпітэты, якія выражаюць ацэнку прадмета або з’явы. У аповесцях вылучаецца каля 50 ацэначных эпітэтаў, напрыклад: *Я абуўся ў мокрыя, раскіслыя «капэзаўскія» чаравікі* («Дзіцячыя гульні пасля вайны» [2, с. 18]); *Мы паслухаліся Валодзю, бо ўсё на нашай Юрздыцы наважаюць яго бацьку, вельмі спакойнага, добрага і дужага чалавека* («Дзіцячыя гульні пасля вайны» [2, с. 74]).

Каларонімы, люксонімы, эмацыянальныя і ацэначныя эпітэты пісьменнік ужывае ва ўсіх аповесцях, але найбольш часта ў аповесці «Дзіцячыя гульні пасля вайны» пры апісанні жыцця пры савецкай уладзе і жыцця сялян, калі да іх прыйшлі немцы, а таксама стану вёсак пасля Вялікай Айчыннай вайны, напрыклад: *...На канаве ў цёмнай каморцы, ля шыйтка, што ў мяне пад падушкай, я жорстка, сурова ўзнаўляў для сябе словы галашэння цёткі Мані* («Дзіцячыя гульні пасля вайны» [2, с. 30]); *Ён роўны са мной, у яго рабы твар і сумныя вочы* («Дзіцячыя гульні пасля вайны» [2, с. 47]).

Часам эмацыянальныя і колеравыя эпітэты ў аповесцях М. Купрэева перадаюць адносіны аўтара да паказанага, выражаюць аўтарскую ацэнку ці аўтарскае ўспрыманне з’явы: *Позірк Вялікага князя йшоў крыху спадылба, позірк каменны, цвёрды* («Імгненне светлае» [2, с. 113]); *...Калі хлопцы збіраюцца ў калідоры ці на вуліцы, ці ў туалете, ці кураць і гавораць брыдкімі словамі, а я ненавіджу брыдкія словы* («Рэчкаю пływём, пływём» [2, с. 279]); *На пні мне стала мулка, і я споўз з яго, прыхінуўся спінай да кары, сядзеў на мяккай, цёплай зямлі між вузламі кораня* («Рэчкаю пływём, пływём» [2, с. 226]).

Эпітэты ў мастацкім радку М. Купрэева звычайна ўзмацняюць, падкрэсліваюць якія-небудзь характэрныя або ўдакладняюць адметныя прыкметы прадметаў (форму, колер, велічыню, якасць) і праз гэта становяцца сродкам стварэння пэўнага вобраза, перадачы пэўнага настрою ці ўражання.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Гаўрош, Н. В. Слоўнік эпітэтаў беларускай мовы / Н. В. Гаўрош. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 603 с.
2. Купрэў, М. Палеская элегія : аповесці / М. Купрэў ; уклад. Л. М. Галубовіч. – Мінск : Літ. і мастацтва, 2007. – 312 с.

[К содержанию](#)

К. А. КУЛАКОЎСКАЯ

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – А. С. Кавалюк, канд. філал. навук, дацэнт

**ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКАЯ РЭЧАІСНАСЦЬ
У РАМАНЕ УЛАДЗІМІРА ГНІЛАМЁДАВА «ВЯРТАННЕ»**

Раман «Вяртанне» У. Гніламёдава – трэці твор з раманнага цыклу нашага земляка з Камянеччыны, выпускніка нашага філфака, вядомага літаратуразнаўцы і крытыка. Праз лёс сваіх блізкіх і землякоў пісьменнік паказаў драматычнае ХХ ст., даў аўтарскую ацэнку гістарычным падзеям. Героям раманага цыклу давалося зведаць далёкую Амерыку, горкі шлях бежанцаў з заходніх рэгіёнаў у далёкую Самарскую губерню, дарогі Першай сусветнай вайны, пакутлівае вяртанне да парога бацькоўскай хаты, іншыя гістарычныя падзеі.

Раман «Вяртанне» расказвае пра зварот на радзіму ў 1922 г. бежанцаў з Заходняй Беларусі, якія апынуліся ў Расіі ў час Першай сусветнай вайны. Па вяртанні ў родныя мясціны Лявона Кужаля і яго аднавяскоўцаў чакалі не толькі беднасць і нястача, але і іншая дзяржава – адноўленая Польшча. Незадаволеныя існуючым рэжымам уздымалі вызваленчую барацьбу. Аўтар дакладна перадаў каларыт заходнебеларускай рэчаіснасці 1920-х гг., стварыў запамінальныя вобразы і характары.

Падзеі ў рамане «Вяртанне» разгортваюцца ў в. Пруска і ў суседніх паселішчах Трасцяніца, Свяшчова, Бучамле і інш. на Камянеччыне. Пісьменнік апісаў вяртанне прускаўцаў да родных гнёздаў у абязлюднены край: *«Стаяў ужо май, калі яны праехалі Маларыту. Ніякага генерала Балаховіча тут не было, і яны без затрымкі рушылі далей. Калёсы грузлі ўпяску. Падганяў усё той жа спрадвечны інстынкт вяртання. Як у птушак: на поўнач, у роднае гняздо. Гуз жвава цягнуў фурманку. Лявон ішоў побач з возам, у адной руцэ трымаючы лейцы, другую – хворую – паклаўшы на люшню. Ззаду дыбала прывязаная за рогі да воза Ланька. З хвойніку час ад часу вынырвалі бярозавыя пералескі, у якіх было шмат маладога, бледна-зялёнага асініку. Міналі вёскі. Бязлюдна. На платах сохлі, перавернутыя дагары дном, збанкі. Хто іх навесіў і калі – невядома. Некаторыя хаты стаялі з забітымі дошкамі вокнамі. Дзе гаспадары? У бежанстве? Намокла ў крыві, напакутавалася Беларусь. Праехалі колькі ўжо, а чалавека не сустрэлі»* [1, с. 2].

Аўтар перадае зразумелае хваляванне людзей: з далёкага падарожжа дамоў заўсёды вяртаешся з адчуваннем вялікай радасці, але і нейкай трывогі, якая міжволі ўзнікае ў сэрцы і ў душы: *«З Брэста ехалі праз*

Цюхінічы, Вульку, Астрамечаву, Рудавец. Лявон не прыспешваў стомленага каня, ехалі павольным крокам, хаця не цярпелася, хацелася як мага хутчэй трапіць дадому. Ён глянуў на сястру: Варка, хоць і была стомленая дарогай, неяк ажывілася і нават павесялела, у чорных вачанях загарэліся іскрынкі нецярплінасці. Яго сэрца таксама поўнілася радасцю і адначасна нейкай смутнай трывогай. Ён міжволі ўспомніў, як некалі вяртаўся сюды з Амерыкі. Тады, здаецца, не хваляваўся так, як цяпер. З набліжэннем Прускі сэрца білася гучней. Востра адчуў подых ветру, які, здавалася, не толькі абвяваў цела, але пранікаў унутр, лагодзіў душу. Сціпляя з выгляду, як бы недарослыя, прыдарожныя вербы і хмызнякі запахлі чымсьці мілым і бліжнім дыхнуў – на ўсе лёгкія» [1, с. 3].

Родная вёска сустракае выгнанцаў польскамоўнай шыльдай і поўным запусценнем: *«Тут нашых падарожнікаў сустрэў надпіс на слупе з шыльдай – “Pruska”. Некалі тут, перад самай вёскай, стаяў крыж. Цяпер яго не было. Струхлеў, напэўна, і наваліўся. Яго як бы замяніў гэты слупок з шыльдай. Прускі не пазнаць – хаты нізенькія, да вокан зараслі лебядою, падзічэла ўсё. Лапухі, крапіва, палын. Саламяныя дахі на некаторых хатах абдзёрты, віднеюцца голая латы» [1, с. 3].*

У міжваенны перыяд панская Польшча не прызнавала беларускі народ, не згаджалася з тым, што яе ўсходнія землі па праву належаць беларусам. Палякі лічылі Беларусь сваёй тэрыторыяй, «крэсамі ўсходнімі», польскай калоніяй. Ствараючы стэрэатыпны партрэт тагачаснага паляка, У. Гніламедаў па-свойму выяўляе тыя праблемы, якія хвалявалі жыхароў Заходняй Беларусі. Ён паказаў, што прадстаўнікі польскага народа лічылі беларусаў людзьмі другога гатунку. Для іх Беларусь уяўлялася забытым краем, жыхары якога паспелі за працяглы час «зрушчыцца». Пані Хэлена прамаўляе: *«Варта памятаць таксама, што з “крэсаў” паходзіць сам Маршал, начальнік нашай дзяржавы, якога газеты называюць не інакш як “таямнічым ліцвінам”... “Маё шчырае жаданне – усімі сіламі сеяць прагрэс у гэтым забытым краі, сярод тутэйшага людства, якое паспела за працяглы час зрушчыцца”» [1, с. 330].*

Дакладна выяўляецца сацыяльна-палітычная сітуацыя бяспраўя беларускай нацыі ў часы буржуазнай Польшчы праз адносіны да мовы: *«– А што яно будзе рабіць – дзіця тваё – з беларускай мовай? Куды яно паткнецца, хто яго зразумее? А з польскай выб’ецца ў людзі! – даводзіў Антон» [1, с. 163].* Пісьменнік сведчыў, што нават атрымаўшы польскую адукацыю, беларусы не маглі разлічваць на прыстойную працу, бо ўлады з недаверам ставіліся да мясцовай інтэлігенцыі.

Прадстаўнікі польскага народа для ідэнтыфікацыі нацыянальнай прыналежнасці мясцовых людзей актыўна выкарыстоўвалі лексему *тутэйшыя*:

«Дайшла чутка, што палякі захапілі Мінск і нават далей пайшлі, на ўсход. ...Пра мясцовых людзей казалі “тутэйшыя”» [1, с. 11]. Пані Хэлена выказвае жаданне «сеяць прагрэс <...> тутэйшага людства» [1, с. 330].

Не існавала для палякаў і беларускай мовы, а беларусы, як яны лічылі, размаўлялі па-тутэйшаму: «Пан пшадоўнік не вытрымаў, ускіпеў: – ... Чаму ты з прадстаўніком улады размаўляеш па-тутэйшаму? Што – не ўмееш па-польску? – Не ўмею, – развёў рукамі Лявон» [1, с. 46].

Створаны У. Гніламёдавым стэрэатыпны партрэт палякаў гістарычна заканамерны, бо жыццёвыя стасункі двух народаў, беларускага і польскага, у міжваенны перыяд былі далёка не сяброўскія.

Творча ўваскрашаючы гісторыю жыцця землякоў, пісьменнік умела выкарыстоўвае нацыянальна-культурную інфармацыю, вобразна-выяўленчыя сродкі. Адным з найбольш актыўных з іх Т. Дыдышка лічыць антрапонімы, максімальна набліжаныя да рэчаіснасці пры мастацкім узнаўленні аўтарам рэальнага свету. На думку даследчыцы, «сродкам адлюстравання гістарычнага каларыту ў рамане У. Гніламёдава з’яўляюцца імёны палітыкаў (Тэльмана, Брандлера, Пілсудскага, Леніна, Луначарскага, Маркса, Тарашкевіча, Варашылава, Ластоўскага, Дзяржынскага, Рака-Міхайлоўскага), ваеначальнікаў (Фрунзэ, Махно, Тухачэўскага, Блюхера, Сікорскага, Урангеля, Калчака, Балаховіча), рэлігійных дзеячаў (Іаана Кранштадскага). Рэальныя постаці мінуўшчыны – гэта гістарычны “кантэкст” мастацкага палатна, жывое асяроддзе, найбольш выразны і праўдзівы фон дзеяння» [3].

У рамане У. Гніламёдава «Вяртанне», як і ў папярэдніх яго творах, якія ўтвараюць своеасаблівую гістарычную хроніку, узнаўляюцца рэальныя падзеі 1920-х гг. на тэрыторыі Заходняй Беларусі, перадаецца рэгіянальная самабытнасць малой радзімы пісьменніка і выяўляецца аўтарская пазіцыя ў адносінах да іх.

Спіс выкарытанай літаратуры

1. Гніламёдаў, У. Вяртанне [Электронны рэсурс] / У. Гніламёдаў. – Рэжым доступу: <https://kamunikat.org/?pubid=18735>. – Дата доступу: 10.05.2023.

2. Гніламёдаў, У. Расія / У. Гніламёдаў. – Мінск : Харвест, 2007. – 672 с.

3. Дыдышка, Т. П. Антрапонімы ў рамане Уладзіміра Гніламёдава «Вяртанне» [Электронны рэсурс] / Т. П. Дыдышка. – Рэжым доступу: <https://medialex.brsu.by/ML-2017/DydyhkoTP.pdf>. – Дата доступу: 10.05.2023.

[К содержанию](#)

К. С. КУЛИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

КОЛЛОКАЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В центре лингвистических исследований всегда остается слово. Давно известно, что слово – это не ярлык, привязанный к конкретному денотату, слово имеет определенную семантическую структуру, причем не застывшую, а постоянно изменяющуюся.

Термин *полисемия* появился еще в античности в работах Аристотеля и Демокрита, однако нельзя считать, что проблема многозначности исследована исчерпывающе.

Особый интерес полисемия представляет для лексикографов: при составлении словарей необходимо разграничить полисемию и омонимию, найти все лексико-семантические варианты каждого слова, определить порядок расположения значений в словарной статье. Вместе с тем перечень значений в словарной статье – это еще не семантическая структура слова. Более того, как считает Анна А. Зализняк, «любое сколь угодно совершенное толкование дает менее ясное представление о значении слова, чем ряд хорошо подобранных примеров употребления данного слова в искомом значении» [1, с. 44].

Таким образом, поскольку значения многозначного слова выявляются в контексте, для изучения семантической структуры можно использовать коллокации. Хотя термин был введен У. Фаулером в 1857 г., он стал широко использоваться в 30–50-е гг. XX в. основателем Лондонской школы структурной лингвистики Д. Фертом. В центре внимания представителей этой школы было изучение значения, причем значение, по их мнению, может быть вскрыто лишь на основе анализа употребления языковой единицы, определяется через ее контекст (контекстуализацию). Контекстуализация на лексическом уровне – это типичное лексическое окружение (коллокация). Среди исследователей русского языка термин *коллокация* стал популярным относительно недавно, поскольку оказался востребованным в корпусной лингвистике.

Существует несколько разных подходов к определению *коллокации*: в теоретической грамматике так называют словосочетание, состоящее из двух или более слов, в котором выбор одного из компонентов осуществляется по смыслу, а выбор второго зависит от выбора первого [4, с. 120–132]. Однако при таком подходе термин *коллокация* оказывается избыточным, дублируя термин *фразеологическое сочетание*. Поэтому, как это принято

в компьютерной лингвистике, мы будем понимать под коллокациями любые устойчивые сочетания слов, т. е. биграммы, входящие в первую сотню частотного списка.

Объектом данного исследования являются коллокации с качественными прилагательными из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [3], предмет исследования – значения качественных прилагательных, проявляющиеся в коллокациях.

Из 15 прилагательных, коллокации с которыми мы анализировали, только для семи самые частотные биграммы соответствуют первому (основному) значению, указанному в «Большом толковом словаре» А. С. Кузнецова [2] и других лексикографических источниках: *смелый, добрый, мудрый, громкий, молодой, длинный, холодный*.

Для лексем *прозрачный, полезный, высокий, горький, глубокий, кислый, красивый* в коллокациях чаще проявляется второе значение. Отчасти это связано с наличием частотных устойчивых сочетаний (*полезные ископаемые, высокий уровень, кислое молоко*), отчасти с тем, что первое и второе значения в словарях дифференцированы неоправданно. Так, для прилагательного *красивый* значения ‘приятный на вид’ и ‘имеющий такие черты лица, фигуру’ противопоставлены лишь тем, что для первого приводятся примеры с неодушевленными существительными, а для второго – с наименованиями людей. Аналогичным образом для прилагательного *прозрачный* первое словарное значение – ‘свободно пропускающий свет, просвечивающий насквозь’ – иллюстрируется сочетаниями с существительными типа *стекло*, а второе – ‘очень чистый, дающий возможность видеть далеко и четко’ – с существительными *воздух, вода*, хотя чистое *стекло* дает возможность видеть далеко и четко, а воздух и вода называются прозрачными, если свободно пропускают свет.

Вероятно, частота лексико-семантических вариантов слов *горький, кислый* зависит от формы речи (устная или письменная) и стиля. Возможно, в разговорной речи они чаще употребляются в прямом значении, а в НКРЯ содержится материал других стилей.

Для слова *глубокий* самыми частыми оказались коллокации, демонстрирующие шестое значение (‘очень сильный, достигший значительной степени или предела’), на третьем месте по частоте – биграммы с пятым значением (‘затрагивающий сущность, существо’). Третье и четвертое значения (‘очень давний’ и ‘тщательно скрываемый’) вообще не представлены в частотных биграммах, поэтому возникают сомнения в целесообразности именно такого порядка перечисления значений в словаре. Еще более очевидно несоответствие между частотностью лексико-семантических вариантов и иерархией значений в словарной статье для прилагательного *тяжелый*. Словосочетаний с прямым значением немного, самыми частотными оказались варианты с восьмым, шестым и двенадцатым значениями.

Кажется нерациональным размещение на втором месте в словарной статье значения ‘беременная’ (разг.-сниж.), а на третьем – ‘большой и грузный’ (о человеке, животном; о теле, его частях), поскольку соответствующие лексико-семантические варианты устарели или малоупотребительны.

Выходит из употребления лексико-семантический вариант прилагательного *добрый* ‘связанный с кем-либо взаимным расположением, симпатией, дружбой’ (*добрый сосед*), таких коллокаций не встретилось, хотя лексикографы называют соответствующее значение вторым. Вторые значения слов *прозрачный* (‘легко воспринимаемый, простой, ясный’) и *длинный* (только кратко ‘большой по длине, чем нужно’) также не обнаружены в частотных биграмах. Для слова *молодой* есть частотные коллокации лишь с первым, вторым и седьмым значениями, тогда как третье (‘бодрый, живой, жизнерадостный’) и четвертое (‘относящийся к следующему поколению’ – при фамилии детей для отличия от родителей) не представлены.

Для прилагательного *высокий* в частотных коллокациях обнаружено значение, отсутствующее в толковых словарях, – ‘научеёмкий’ (*высокие технологии*).

Прилагательные *прозрачный, добрый, длинный* и *молодой* часто оказываются рядом с другими качественными прилагательными: *чистый прозрачный, ясное прозрачное* и др. (170 вхождений); *милый добрый, доброго старого* (320 вхождений); *молодой красивый* (545 вхождений); *длинные тонкие, длинный узкий* и др. (587 вхождений). Такие сочетания указывают на тесную связь понятий красоты и молодости, чистоты и прозрачности, привлекательность доброты как человеческого качества, корреляцию между длиной и шириной.

Полученные нами результаты не только отражают некоторые семантические изменения качественных прилагательных, но и позволяют усовершенствовать лексикографические источники.

Список использованной литературы

1. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М. : Яз. славян. культур, 2006. – 672 с.
2. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>. – Дата доступа: 25.09.2022.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 11.09.2022.
4. Некрасова, О. А. Лингвистические коллокации английского языка и факторы, влияющие на процесс их образования / О. А. Некрасова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. – 2017. – № 5. – С. 120–132.

[К содержанию](#)

Д. А. КУРАТНИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. А. Ворон, канд. филол. наук, доцент

РОЛЬ СИНЕСТЕЗИЙНЫХ ОБРАЗОВ ПРИ ИЗОБРАЖЕНИИ ПРИРОДЫ В РАССКАЗАХ В. НАБОКОВА

Одним из важнейших содержательных элементов художественного текста является пейзаж, который может выполнять различные функции: психологическую, эстетическую, изобразительную, создание эмоционального фона происходящих событий или национального колорита. Это зависит от литературного направления, метода писателя, а также от жанра и рода произведения. Так, в рассказе «Музыка» пейзаж подчеркивает определенное душевное состояние главного героя – Виктора Ивановича. В. Набоков прибегает к ольфакторно-зрительной синестезии с ее психологической функцией при описании возникающей любви между двумя персонажами: «*Он влюбился в нее без памяти в душный обморочный вечер на веранде теннисного клуба*» [4, с. 537]. Влюбиться без памяти – значит забыть обо всем на свете и думать только о том, в кого влюблен. И в данном случае обморочный вечер передает не просто высокую температуру и нехватку воздуха, а жаркое томление от созерцания прекрасной женщины. У Виктора Ивановича буквально перехватило дыхание при виде своей будущей жены. Таким образом, душевное состояние героя созвучно состоянию природы.

Подобные чувства обнаруживаются и у главного героя – Симпсона – в рассказе «Венецианка». Он безответно влюблен в женщину по имени Морийн, и в один из вечеров он оказался рядом с ней. Симпсон испытывал сильное эмоциональное волнение. Ему казалось, что этот мир существует только для них двоих. Трепет в душе персонажа помогает передать природа, когда «*душно веял синий воздух ночи*» [48, с. 241]. Как мы выяснили, синий цвет в творчестве В. Набокова имеет традиционную символично-колористическую интерпретацию, связан с возвышенным, небесным и недоступным. Симпсону словно не хватает дыхания, ведь он не раз думает то о теплоте щек Морийн, то о ее нежных губах. Так, обнаруживается сходный мотив с рассказом «Музыка», когда от чувств не достает воздуха, т. е. любовь в понимании писателя будто лишает дыхания. Ольфакторно-цветовая синестезия в этом случае выполняет, скорее, психологическую функцию.

Ощущение духоты встречается и в рассказе «Гроза» (1924). Однако здесь не затрагивается любовная линия, поскольку в основе сюжета лежит история о встрече главного героя с пророком Ильей. В рассказе описывается состояние природы перед грозой. Так, сначала «*...набухала*

душная мгла...» [3, с. 417], затем в темно-лиловом небе была слышна «*глухая груда*» [3, с. 417]. Автор использует синестезийные образы, чтобы погрузить читателя в атмосферу предчувствия надвигающегося стихийного хаоса. Но так как произведение входит в сборник рассказов «Возвращение Чорба», то стоит обратить внимание на символику синего и фиолетового цвета. Они встречаются довольно часто и связаны с таинственностью, которая постепенно исчезает после грозы «...в *синеватом, сонном воздухе...*» [3, с. 417].

Таким образом, в рассказах «Музыка» и «Венецианка» синестезийные образы с эпитетом «душный» выполняют психологическую и изобразительную функции, в то время как в рассказе «Гроза» – эстетическую.

Проявляется эстетическая функция синестезии в литературе следующим образом:

- создает словесно-образную картину;
- помогает понять смысл произведения;
- делает текст образным, выразительным;
- является источником дополнительных семантических эффектов в тексте и средством создания сложных совместных образов.

При этом необходимо отметить, что образ-символ воды является связующим звеном между потусторонним и реальным миром в поэтике В. Набокова. Например, в рассказе «Лик» (1938) мотив воды проходит через все его пространство. Автор упоминает Малую Лету, обслуживающую театр, «*речка... не столь безнадежная, как главная, с менее крепким раствором забвения...*» [4, с. 589]. Здесь встречается аллюзия на мифологическую реку забвения Лету, которая протекает в царстве мертвых и вызывает ассоциативную связь воды с потусторонним миром.

В произведениях В. Набокова дождь играет важную роль как символический элемент, который отражает эмоциональные состояния героев. Ярким примером является рассказ «Пасхальный дождь» (1924), действия которого начинаются с празднования православной Страстной субботы. Главная героиня – Жозефина Львовна – старая швейцарка, которая работала гувернанткой в русской семье и теперь очень тоскует по России. Жозефина хочет отпраздновать православную Пасху в соответствии с русской традицией, но праздник не состоялся. Дома героине становится совсем плохо: она начинает бредить, и утром врач находит у нее воспаление легких. Пять дней она находится при смерти, но на шестой день неожиданно приходит в себя. Жозефина возвращается из бреда в этот мир в каком-то совершенно новом, возрожденном состоянии.

Одной из ярких черт В. Набокова является прием аллюзии. Писатель обращается к Ветхому Завету в финале рассказа. Символом возрождения главной героини становится дождь, напоминающий сюжет про Ноя,

в котором голубь, вернувшийся в ковчег со свежим масленичным листом, прекращает ливень. Жозефина Львовна замечает, как на мокрой ветке с листка «...*скатывался влажный луч, свисала длинная, светлая серьга, падала...*» [2, с. 191]. Перед нами возникает синестезийный образ росы, отражающий в себе солнце, что указывает на конец ненастья. Затем героиня чувствует, что «*дождевая прохлада течет по ее жилам*» [2, с. 191] и «*захотелось ей смеяться*» [2, с. 191]. Дождь становится символом выздоровлением для Жозефины.

Автор применяет прием аллитерации при описании летнего дождя в рассказе «Музыка»: «...*шел сильный дождь, заглушавший шум моря...*» [4, с. 537]. Так, автор использует щелевые согласные, которые помогают передать образ водной стихии.

В основе рассказа «Возвращение Чорба» (1925) лежит трагичная история любви. Главный герой – Чорб – не может забыть свою умершую жену. Однажды, спускаясь по лестнице, он почувствовал головокружение от «*мутной синевы майской ночи*» [4, с. 384]. Вероятно, герой боится оставаться наедине в ночное время, поскольку его постоянно преследует образ супруги и совместные счастливые воспоминания. Так, он припоминает время после свадьбы, когда «*хорош был земляной, влажный, слегка фиалковый запах вялых листьев*» [4, с. 384], уже напоминающих запах счастья. С помощью тактильно-ольфакторного образа автор подчеркивает трепетное отношение Чорба к своей жене, выражая это через описание природы, которая изображается в нежных образах, например: «*по черной коре шла бархатистая прозелень*» [4, с. 385], т. е. приятная к прикосновению.

Таким образом можно сделать вывод о том, что В. Набоков придает особое значение дождю, синестезийные образы которого в рассказе «Пасхальный дождь» выполняет символистическую функцию, в «Возвращении Чорба» – психологическую, а в «Музыке» – изобразительную.

В. Набоков нередко обращается к теме Родины. Действие рассказа «Слово» (1923) происходит в необычайной горной стране, в которую попадает главный герой при погружении в сон. В нем он видит живописную природу, где живут невиданные животные и ангелы. Герой обращается к одному из них, чтобы рассказать о своей тоске к Родине. В ответ он слышит прекрасное слово, которое окрыляет героя, но в финале рассказа он его забывает.

Автор использует синестезийные образы, чтобы изобразить этот сказочный мир, именуемый Раем. Так, перед нами возникает звуковой образ ветра, который «*хрустальным гулом наполнял ущелья*» [2, с. 72], изображаются цветы, проливающие «*на лету свой влажный блеск*» [2, с. 73].

В эпизоде, когда главный герой говорит о том, что «*захвати... в горсть хоть один дрожащий отблеск*» [2, с. 74] на Родину, то он принес бы настоящую радость людским душам, которые «*мгновенно озарились бы... под золотой гром проснувшихся храмов*» [2, с. 74]. В. Набоков использует акустико-цветовую синестезию, чтобы показать силу этого дрожащего отблеска, который, подобно грому, озарит всю страну. В. Набоков понимает под ним безусловную любовь к Родине.

Стоит обратить внимание на то, как видит свою Родину главный герой. Обращаясь к ангелу, он хочет сказать, «*как прекрасна моя страна и как страшен ее **черный обморок***» [2, с. 75]. В. Набоков персонифицирует с помощью цвето-эмоционального эпитета родной край героя, который нужно беречь, чтобы он не исчез навсегда. Таким образом, мы видим печальное положение всего народа, если ему не помочь. В ответ ангел произносит прекрасное слово, звучащее как «*райский сияющий звук*» [2, с. 77], которым наполнился персонаж. И звучание этого райского слова, произнесенного ангелом, становится для героя спасением от страха потерять Родину.

В рассказе «Терра Инкогнита» (1931) персонажи занимаются исследованием неизвестной страны. Их целью является достижение холмов Гурано. В. Набоков искусно описывает местность, упоминая про «*томную жару, бархатную жару*» [1, с. 434]. Тактильно-термальная синестезия выполняет изобразительную функцию, помогая представить тропический климат.

Таким образом, установлено, что синестезийные образы в изображении природы в основном выполняют психологическую функцию («Музыка», «Бахман», «Пасхальный дождь», «Возвращение Чорба», «Совершенство», «Лик»). Вместе с тем замечены изобразительная и символистическая функции («Терра Инкогнита», «Гроза»). Однако стоит выделить эстетическую функцию в рассказе «Гроза».

Список использованной литературы

1. Набоков, В. В. Защита Лужина : романы, рассказы / В. В. Набоков ; коммент. О. Дарка. – М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2004. – 541 с.
2. Набоков, В. В. Полное собрание рассказов / В. В. Набоков. – М. : Азбука-классика, 2020. – 863 с.
3. Набоков, В. В. Романы. Рассказы / В. В. Набоков. – М. : Дрофа, 2003. – 480 с.
4. Набоков, В. В. Истребление тиранов : избр. проза / В. В. Набоков ; сост. Б. И. Саченко. – Минск : Маст. літ., 1989. – 640 с.

[К содержанию](#)

Д. А. КУРАТНИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. А. Ворон, канд. филол. наук, доцент

СИНЕСТЕЗИЙНАЯ МЕТАФОРА В РАССКАЗАХ

В. НАБОКОВА

Явление синестезии было известно людям еще с древних времен. Например, наши предки, исполняя ритуальные танцы, не могли объяснить разделение между звуком и цветом, так как они сливались воедино. Но первые упоминания о данном феномене мы обнаруживаем в философии Востока и Древней Греции. К изучению явления синестезии достаточно глубоко подходили Аристотель, Дж. Локк, Э. Кондильяк, Д. Дидро, И. Гердер и многие другие мыслители. Например, греческий философ Аристотель анализировал наслаивание чувственных восприятий друг на друга и пришел к выводу о физиологическом синкретизме чувственных впечатлений. Он считал, что ощущение может принимать формы чувственно воспринимаемых предметов без их материи.

В 1812 г. немецкий врач Георг Тобиас Людвиг Сакс дал первое медицинское описание «цветного слуха» в своей докторской диссертации, в которой он сообщает о своих цветных гласных. При этом необходимо подчеркнуть, что на ранних этапах изучения феномена перед исследователями стояла непростая задача найти ему объяснение и дать название. Об этом пишет в 1876 г. русский психолог и педагог П. Соколов в статье «Факты и теории “цветного слуха”»: «Одни приписывают им (людям с синестезией) физиологическое происхождение, другие – психологическое... Одни считают их патологическими явлениями, другие – нормальными, хотя и своеобразными» [5]. Для определения синестезии использовали такие термины, как *ложные вторичные ощущения*, *синестезия*, *псевдофотестезия*, *фонопсия*, *цветной слух*, *фотизмы*, *фонизмы*, *ольфактизмы*, *густизмы* и т. д.

На рубеже XIX–XX вв. данное «отклонение» становится популярным среди деятелей искусства и начинает привлекать внимание ученых из разных областей науки: философии, психологии, нейрофизиологии, лингвистики, литературоведения и др. Американский ученый Ш. Дэй утверждает: «Термин “синестезия” (англ. *synesthesia*) произошел от греч. *syn* ‘объединение’ и *aisthesis* ‘ощущение’, что дословно можно перевести как ‘союз, объединение чувств’» [2]. Он также вводит понятие «врожденная синестезия», под которым подразумевается «явление, имеющее в своей основе одновременно как генетические и нейрофизиологические, так и социальные, межличностные и в целом сущностно культурно

обусловленные детерминанты» [2]. Так, Ш. Дэй рассматривает синестезию с точки зрения нейрофизиологических и генетических особенностей человека.

Б. Галеев в статье «Проблема синестезии в эстетике» пишет: «Синестезией называют прежде всего межчувственные связи в психике, а также результаты их проявлений в конкретных областях – поэтические тропы межчувственного содержания; цветовые и пространственные образы, вызываемые музыкой; и даже взаимодействия между искусствами (зрительными и слуховыми)» [1, с. 5]. Так, Б. Галеев подчеркивает, что синестезия зачастую ложится в основу поэтических тропов, тем самым выполняя эстетическую функцию.

При этом необходимо подчеркнуть, что со стороны лингвистического и литературоведческого аспекта синестезия проявляется в контексте метафор – вида тропа, подразумевающего скрытое образное сравнение, уподобление одного предмета, явления другому, а также вообще образное сравнение в разных видах искусств. Российские филологи М. Симоненко и Ю. Ткаченко в статье «Функциональная значимость метафоры в художественном тексте» [4] выделяют следующие функции метафор: эстетическую, познавательную, оценочную, психологическую, информативную, образную и символистскую.

Однако на сегодняшний день в учебных пособиях и словарях не зафиксирован такой вид метафоры, как синестезийная (синестетическая). Синестезийная метафора – это интермодальное явление, представляющее собой выражение, фиксирующее межчувственные соответствия, в которых наблюдается взаимодействие различных ощущений: зрительных, слуховых, осязательных, обонятельных и т. д. Синестетическая метафора представляет собой сочетание двух и более слов, причем одно из них имеет семантику чувственного восприятия и соединяется с необычным для себя словом, которое также имеет семантику чувственного восприятия.

Российский исследователь Т. Никитина в своей статье «Синестезия как художественный прием в произведениях И. А. Бунина» [3] выделяет в его творчестве такие функции синестетической метафоры, как изобразительная, характерологическая, психологическая, оценочная и создание эффекта неожиданности и непривычности. Автор приходит к выводу, что у И. Бунина наиболее ярко выражена осязательная синестезия, которая при взаимодействии с запахом, вкусом и зрением помогает почувствовать невидимое и неслышимое, что является особенностью бунинского мировосприятия.

Синестезийные метафоры В. Набокова опираются на различные межсенсорные ощущения, образуя стереоскопические, оригинальные образы. Наиболее частотными в рассказах писателя являются метафоры,

построенные на тактильных ощущениях автора в сочетании с иными чувственными импульсами (42 % от всех выявленных):

- 1) тактильно-термальная – *бархатная жара* («Terra Incognita»);
- 2) тактильно-ольфакторная – *влажный запах* («Возвращение Чорба»);
- 3) тактильно-цветовая – *бархатистая прозелень* («Возвращение Чорба»), *вялый, матовый цвет* («Совершенство»);
- 4) визуально-тактильная – *липко-блестящее море* («Лик»);
- 5) тактильно-персональная – *тонкая, бархатистая женщина* («Музыка»), *толпа гладких, матовых людей* («Облако, озеро, башня»);
- 6) тактильно-акустическая – *холодные звуковые своды* («Музыка»); *тонкий голос* («Бахман»), *мягкий голос* («Музыка»), *хрустальный гул* («Слово»), *выпуклые удары* («Удар крыла»);
- 7) тактильно-эмоциональная – *бархатно-гнусное в облике и манерах* («Облако, озеро, башня»), *острый жар рыданий* («Совершенство»), *свинцовая усталость* («Удар крыла»);
- 8) тактильно-визуальная – *влажный блеск* («Слово»), *влажный луч* («Пасхальный дождь»).

Очевидно, что среди тактильных сочетаний в рассказах В. Набокова чаще используются тактильно-акустические метафоры, среди которых выделяются так называемые неявные синестезийные образы (тонкий и мягкий голос), утратившие связь с окказиональным признаком синестезии в результате широкого употребления, и явные окказиональные образы (выпуклые удары).

Частотной выступает также музыкальная, акустическая синестезия:

- 1) эмоционально-акустическая – *грубая музыка* («Бахман»), *бурные аккорды* («Музыка»);
- 2) акустико-цветовая – *серебряный грохот* («Бритва»), *золотая нота* («Музыка»), *золотой голос, голос сочно-зеленый, зазвенел яркий голос* («Нежить»), *золотой гром* («Слово»);
- 3) визуально-акустическая – *глухая груда* («Гроза»), *райский сияющий звук* («Слово»), *глухо взглянул, густо говорил, вид оглушительный* («Удар крыла»);
- 4) акустико-тактильная – *тяжкие, многопалые звуки* («Музыка»), *хрустальный гул* («Слово»), *густой перелив гитарных струн, выпуклые удары* («Удар крыла»);
- 5) кинестетико-акустическая – *голос звенел и шелестел* («Нежить»), *глуховатый гул* («Удар крыла»);
- 6) акустико-термальная – *душистый холод волос* («Удар крыла»).

Так как метафора является тропом, то в художественных текстах она выполняет две основные функции – изобразительную и характерологическую. Тем не менее синестетические метафоры прежде всего реализуются

в психологической функции. С помощью межчувственной метафоризации В. Набоков тонко и нетривиально передает внутренний мир своих персонажей, изображает их эмоции и состояния.

Таким образом, под синестетической метафорой понимается интер-модальное явление, которое представляет собой выражение, фиксирующее межчувственные соответствия, которые в контексте художественного произведения выполняют изобразительную, характерологическую, психологическую, оценочную и функцию создания эффекта неожиданности и непривычности.

Список использованной литературы

1. Галеев, Б. М. Проблема синестезии в эстетике / Б. М. Галеев // Современный Лаокоон: эстетические проблемы синестезии. – М. : МГУ, 1992. – С. 5–9.
2. Дэй, Ш. Э. О синестезии [Электронный ресурс] / Ш. Э. Дэй. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/synaesthesia2021/contents/synaesthesia2021_about_synesthesia.pdf. – Дата доступа: 04.10.2022.
3. Никитина, Т. Э. Синестезия как художественный прием И. А. Бунина [Электронный ресурс] / Т. Э. Никитина. – Режим доступа: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/273/400>. – Дата доступа: 10.05.2023.
4. Симоненко, М. А. Функциональная значимость метафоры в художественном тексте [Электронный ресурс] / М. А. Симоненко, Ю. Ткаченко. – Режим доступа: https://www.rusnauka.com/11_NPE_2012/Philologia/6_108347.doc.htm. – Дата доступа: 17.05.2023.
5. Соколов, П. П. Факты и теории «цветного слуха» [Электронный ресурс] / П. П. Соколов. – Режим доступа: https://runivers.ru/upload/iblock/075/Voprosy_filosofii_i_psixologii. Kniga_37_s1897huruba462sy.pdf. – Дата доступа: 22.05.2023.

[К содержанию](#)

М. Г. ЛАБАЙ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. Н. Ковальчук, канд. филол. наук, доцент

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ С. ЕСЕНИНА НА РАНнюю ЛИРИКУ П. ГЛЕБКИ

Творческая деятельность С. Есенина оказала значимое влияние на многих белорусских поэтов, в частности на участников литературного объединения «Маладняк», многие из которых, подобно С. Есенину, были выходцами из крестьянской среды.

В 1925 г. одним из участников группы стал начинающий поэт П. Глебка, впервые дебютировавший в печати в этом же году. Но в составе объединения поэт пробыл недолго. К 1925 г. большинство участников «Маладняка» оформились как выдающиеся поэты, имеющие свой стиль

и взгляды, из-за чего в группе начались разногласия. К 1926 г. П. Глебка совместно с К. Черным, А. Бабареко, Д. Бядулей, В. Дубовкой, К. Крапивой, М. Лужаниным, Я. Пущей и с другими поэтами вышел из состава «Маладняка», создав новое объединение «Узвышша».

Начав самостоятельный путь, поэты изменили подход к творчеству, осознав, что лишь опыт предшественников может обогатить литературу и помочь создать по-настоящему глубокие произведения.

Изучая лирику П. Глебки, мы обнаружили тексты-подражания. Особенно ярко они выявлены в поэзии 1920–1930-х гг. Ранний П. Глебка заимствует есенинские образы и мотивы, но уже в начале 1930-х, с началом антиесенинской пропаганды, меняет свой стиль, подражая В. Маяковскому, даже классическая форма стихотворения сменяется т. н. «лесенкой».

Остановимся на ранней лирике П. Глебки, в частности на текстах-подражаниях С. Есенину, в которых отразились есенинские образы и мотивы. Стихи этого периода условно можно разделить на несколько тематических групп:

1. Стихи о природе (17 единиц).
2. Стихи о любви (7 единиц).
3. Стихи о деревне (4 единицы).

Объектом нашего исследования стали стихи о деревне, поскольку именно эта группа наиболее точно демонстрирует общие черты поэзии русского и белорусского авторов. Наиболее показательным примером заимствования есенинской образности является «Ліст у вёску», написанный П. Глебкой в 1927 г. Наследование есенинских традиций в первую очередь связано с выбором самой формы письма, часто встречающейся в лирике С. Есенина (тексты с заглавием «Письмо к сестре», «Письмо деду», «Письмо матери», «Письмо от матери», «Письмо женщине»).

Создавая «Ліст у вёску», П. Глебка опирается сразу на несколько есенинских текстов – «Письмо матери», «Письмо от матери» и «Письмо деду». От есенинского «Письма от матери» текст белорусского автора заимствует структуру. Оба стихотворения состоят из трех частей, первая из которых представляет собой размышления поэта, подготовку к основной части: *«Глухая ноч. На небе гаснуць зоры. / А я не супакою ўсё душу: / На вокнах ноч намалявала ўзоры, / І я па іх у вёску ліст пішу»* [1, с. 48]; *«Чего же мне / Еще теперь придумать, / О чем теперь / Еще мне написать?»* [2, с. 252]. В основной части оба поэта делятся своими размышлениями о деревне и городе, обращаются к родным. В своем письме П. Глебка, в отличие от С. Есенина, не выбирает конкретного адресата, а пишет сразу всей семье, но подробнее, как и С. Есенин, обращается к деду и матери. В заключительной части лирические герои обоих стихотворений погружены в грусть, поскольку размышляют о том, что не оправдали

надежды родных: «Успыхнула і дагарэла свечка. / Закончан ліст, і я ізноў адзін. / На вежы дзесь адрывіста і рэдка / Гадзіннік выбівае пяць гадзін» [1, с. 48]; «Я комкаю письмо, / Я погружаюсь в жуть. / Ужель нет выхода / В моем пути заветном? / Но все, что думаю, / Я после расскажу. / Я расскажу / В письме ответном...» [2, с. 252].

В первой строфе П. Глебка обращается к родным, узнавая про то, как они переживают зиму. При этом поэт, описывая погоду, использует часто употребляемый есенинский образ клена: «Дзень добры, любыя мае, дзень добры! Ну, як у вас зіма, як маразы? / У нас ад снегу клёны стан свой горбязь / І ў гурбах патанаюць палазы» [1, с. 48]. С обращения и описания зимы начинается есенинское «Письмо деду»: «Голубчик! Дедушка! / Я вновь к тебе пишу... / У вас под окнами / Теперь метели свищут, / И в дымовой трубе / Протяжный вой и шум...» [2, с. 258].

Обращаясь к деду, лирический герой С. Есенина подчеркивает, что воспитание и образование не позволяют деду понять технический процесс. Поэт убеждает его в пользе паровоза, рассказывает, что в будущем жизнь станет проще: «Наивность милая / Нетронутой души! <...> Доверься ты / Стальной кобыле. / Ах, что за лошадь, / Что за лошадь паровоз! / Ее, наверное, / В Германии купили» [2, с. 258]. О техническом прогрессе родным пытается рассказать и лирический герой П. Глебки: «І ўсё ж, далёкія і дарагія, / Я шлю лясам аснежаным паклон. / І ў вас настануць хутка дні другія – / Электрыка засвеціць над акном» [1, с. 48].

Далее лирический герой П. Глебки повествует о своем уходе из деревни, он вспоминает слова родных: «І нават родныя не раз казалі: / – Дарэмна, сынку, кідаеш саху. / І маці з гора горкімі слязамі / Расіла сцезжкі ў полі і ў садку» [1, с. 48]. О том, что сын переехал в город и бросил земледелие, сожалеет и мать лирического героя С. Есенина: «Мне страх не нравится, / Что ты поэт, / Что ты сдружился / С славой плохую. / Гораздо лучше б / С малых лет / Ходил ты в поле за сохой» [2, с. 252].

Лирические герои русского и белорусского поэтов думают о своих матерях, которым кажется, что сыновья уже не вернуться, но те успокаивают матерей, утверждая, что вернуться весной: «Як зацвітуць сялянскія палоскі, / Прыеду я, прыеду зноў туды» [1, с. 48] // «Я вернусь, когда раскинет ветви / По-весеннему наш белый сад» [2, с. 252].

Обращаясь к матери, оба поэта говорят о молитве. Лирический герой С. Есенина просит мать не учить его молиться, поскольку не собирается возвращаться к прошлому: «И молиться не учи меня. Не надо! / К старому возврата больше нет. / Ты одна мне помощь и отрада, / Ты одна мне несказанный свет...» [2, с. 252]. У П. Глебки герой, обращаясь к матери, просит ее совсем перестать молиться. Он считает, что его поколение построит счастье на земле без помощи небес: «Ты не маліся толькі больш

на зоры / І не глядзі з надзеяй, маці, ўвысь: / Мы на зямных расквечаных прасторах / Збудуем наша шчасце для жывых» [1, с. 48].

Рассмотренные строки – это лишь несколько примеров творческого влияния поэзии С. Есенина на раннюю лирику П. Глебки, хотя подобных примеров гораздо больше. Стихотворения белорусского автора полны лирических образов и глубокой философской мысли, отсылающих к художественному миру поэзии С. Есенина. Однако важным остается и творческая самостоятельность белорусского поэта, который не стал эпигоном русского классика, а переосмыслил предложенное им мировидение, создав оригинальные произведения.

Список использованной литературы

1. Глебка, П. Збор твораў : у 4 т. / П. Глебка. – Мінск : Маст. літ., 1984. – Т. 1 : Вершы, балады і паэмы. – 319 с.
2. Есенин, С. А. Сочинения / С. А. Есенин ; сост., вступ. ст., коммент. А. Козловского. – М. : Худож. лит., 1988. – 703 с.

[К содержанию](#)

Я. С. ЛАДУТЬКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

ВНУТРИГОРОДСКОЕ НАЗВАНИЕ КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЗНАК (НА ПРИМЕРЕ УРБАНОНИМИИ КОБРИНА)

Возникая, имя собственное (далее – ИС) вбирает в себя культурный опыт, мировоззрение, образ материальной и духовной жизни своего народа. И вполне закономерно, что оним является **знаком** не только лингвистическим, но и **социальным**.

Объектом исследования стали более 870 названий пространства, сооружений, социальных институций Кобрин, которые отражают **языковую ситуацию** (далее – ЯИ) в данном городе, на Брестчине, в стране в целом.

I. Одним из важных компонентов ЯИ выступает **корреляция языков**.

Урбанонимы функционируют на двух государственных языках и по отношению к последним составляют следующие группы:

1) ИС (они формируют значительный пласт), которые образуют русско-белорусские (белорусско-русские) коррелятивные пары: рус. *жилой комплекс «Парк»* и бел. *жылы комплекс «Парк», парк ім. А. В. Суворова* и *парк імя А. В. Суворова*; *Дом торговли* и *Дом гандлю, Малый базар*

и Малы базар, остановка «Железнодорожный вокзал» и прыпынак «Чыгуначны вакзал», скульптура «Молодость» и скульптура «Маладосць», стадион «Юность» и стадыён «Юнацтва», Кобринский районный исполнительный комитет и Кобрынскі раённы выканаўчы камітэт, ОАО «Кобринагрошаи» и ААТ «Кобрынаграшаи», образцовая театральная студия «Ритм» и ўзорная тэатральная студыя «Рытм» и др.;

2) ИС, проприальные компоненты которых подаются одинаково в русской и белорусской графике: магазин «Алмаз» и магазін «Алмаз», салон красоты «Лора» и салон прыгажосці «Лора», парикмахерская «Шарм» и цырульня «Шарм», ресторан «Прага» и рэстаран «Прага» и др.;

3) ИС, которые незначительно отличаются графически, фонетически: площадь Свободы и плошча Свабоды, автовокзал «Кобрин» и аўтавакзал «Кобрын», магазин «Белита-Витэкс» и магазін «Беліта-Вітэкс», бар «Пирамида» и бар «Піраміда» и др.;

4) ИС, которые демонстрируют гибридность на одном из языков, обычно – русском (магазин «Верас», «Родны кут», «Світанак», аптека «Добрыя лекі», автомойка «Надзея», коллектив эстрадного пения «Праменьчык» и др.), реже – белорусском: кінатэатр «Радуга» и др.;

5) ИС, в которых проприальный компонент переводится с помощью транскрипции/транслитерации: улица Житняя (ср. с рус. ржаная), кафе «Кали ласка» (наряду с кафе «Калі ласка») и др.

II. Современная языковая ситуация осложняется процессами **глобализации, интернационализации**. ИС (в основном негосударственных торговых объектов, объектов общественного питания, частных предприятий, фирм и т. д.) демонстрируют разнообразие иноязычных средств. Среди них:

1) неосвоенные иноязычные лексемы, более крупные единицы: кофейня «Coffee time»; магазин «Jeans House», «GlaMurr»; автомойка и химчистка «GRASS»; ночной клуб «Malibu» и др. Подобные урбанонимы оформляются не только латиницей, но и кириллицей: мини-кафе «Пицца Италия», кафе «БЕНТО СУШИ», «Дискавери»; магазин одежды «БЭСТ»; парикмахерская «Мерси», «Инь Янь» и др.;

2) иноязычные элементы в качестве «строительного материала» для: а) новых названий, в т. ч. псевдоиноязычных: магазин «Mark Formelle» (в названии зашифровано словосочетание формула элегантности), магазин «Proflin» (полагаем, что это калькирование на английский язык композита профлиния), салон красоты «Lb Studio», магазин «Marko» (от начальных букв фамилии владельца кожевенно-обувного предприятия Н. В. Мартынова и компании его партнеров по бизнесу) и др.; б) гибридных номинаций, сочетающих элементы разных языковых систем: парикмахерская «Людмила

стайл», автосервис «РемФранц» (специализируется на ремонте автомобилей из Франции) и т. д.;

3) латиница для оформления слов исконных русских/белорусских или освоенных русским/белорусским языком: *магазин «Milavitsa»/«MilaVitsa»/«Милавица» (Милавицей древние славяне называли планету Венеру – символ любви, олицетворение женской красоты), кофейня «Paragraph», сеть магазинов «ATLANT» и др.*

III. Языковую ситуацию объективирует и разнообразие **форм существования русского/белорусского языка.**

1) Наибольшей активностью, что естественно, отличаются урбано-нимы, репрезентирующие литературную форму русского/ белорусского языка: *улица Школьная, переулок Радужный, Свято-Петропавловская церковь, остановка «Храм», магазин «Канцтовары», автошкола «Спринтер», учреждение «Кобринская городская ветеринарная станция», коммунальное унитарное предприятие «Кобрынкавадаканал», отдел ЗАГС Кобринского райисполкома, оздоровительный центр «Аквапарк г. Кобрин», кружок «Юные знатоки радиоэлектроники», хоккейная команда «Кобрин» и др.*

2) Нелитературные формы демонстрирует узкий круг ИС, в образовании которых участвуют внутренние заимствования: а) из диалекта белорусского языка: *народный ансамбль песни «Росніца» («Росніца», сапраўды, як тая трава, ад якой атрымаў сваю назву калектыў, – звонку непрыкметная, але такая карысная для чалавека, бо здольна вылечиць яго ад розных хвароб»); б) из социолекта (профессионального жаргона) русского языка: *кружок «Стендовик» (стендовик ‘рабочий на сборочном и испытательном стенде’; члены кружка создают модели различной техники).**

В номинации внутригородских объектов, создании ИС (их проприальных групп) разных разрядов востребованы языковые средства межстилевые и стилистически маркированные, принадлежащие к следующим стилям:

1) научному (его репрезентируют термины из точных и гуманитарных наук, компьютерных технологий, культуры; причем они (термины) могут переосмысляться, расширять свое значение): *магазин «Флора», магазин женской одежды «Дефиле», павильон «Оптика», гандлёвы цэнтр «Вектар», магазин «Оазис», компьютерный игровой клуб «НЕО» и др.;*

2) публицистическому: *памятник «Жертвам фашизма», супермаркет «БУМ», образовательный центр «Лидер» и др.;*

3) официально-деловому: *КУПП «Кобринская городская типография», ДУА «Кобрынская спецыяльная агульнаадукацыйная школа-інтэрнат», точка продажи прессы «Брестоблсоюзпечать» и др.;*

4) художественному: *магазин «Винарь» (устар. винарь ‘садовник, виноградарь’ в составе ИС, наверное, расширяет свое значение, сближаясь*

со словом *вино* и означает что-то вроде ‘тот, кто продает вино’), «Хлебосолье» (ср. с приветствием *хлеб да соль*), «Гермес» (отсылка к древнегреческой мифологии) и др.;

5) разговорному: *секонд-хенд* «Топ шмот», магазин «Птенчик» (специализация именуемого объекта – яйцо, мясо птицы), *баня-сауна* «На Калиновского» (неполные предложения характерны для неофициального указания на местоположение внутригородского объекта), *баня-сауна павильон* «Клевое место», магазин «Три копейки» (мотивирующими выступают разговорные фразеологизмы), *павильон* «От Михалыча», магазин *канцелярских товаров* «Канцелярыч» (оба урбанонима образованы от разговорной формы отчества/псевдоотчества), *кружок* «Чароўны пэндзлік», *ансамбль народной музыки и песни* «Весьялінка», *подготовительная студия* «Журавачкі» и др.

Таким образом, урбанонимикон г. Кобрина вполне наглядно иллюстрирует актуальное соотношение разных языковых стихий: использование государственных языков Республики Беларусь, стилей, форм существования каждого из них и обращение под влиянием глобализации, интернационализации к средствам других языковых систем.

Список использованной литературы

1. Бакун, А. І льецца песня [Электронный ресурс] / А. Бакун // Vkobrine.by : информ. портал Кобрин. района. – 07.10.2022. – Режим доступа: <https://www.vkobrine.by/?p=60849>. – Дата доступа: 03.09.2023.

[К содержанию](#)

Я. С. ЛАДУТЬКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

ОТРАЖЕНИЕ В НАЗВАНИЯХ ВНУТРИГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ УРБАНОНИМИИ КОБРИНА)

На функционирование языка в обществе заметное влияние оказывает стратификация языка, социальная структура, в которой отражаются сложившиеся представления об иерархиях социальных статусов, общественных ролях, властных и правовых полномочиях членов социума.

Объектом нашего исследования стали более 870 имен собственных (далее – ИС) пространства, сооружений, социальных институций Кобрина, которые отражают **языковую ситуацию** в данном городе, на Брестчине, в Беларуси в целом (см. выше нашу статью о преломлении

в урбанонимиконе языковой ситуации). Часть ИС внутригородских объектов вербализует гетерогенную информацию о жителях райцентра, о **неоднородности белорусского социума**. Остановимся на основных параметрах последнего.

1. Внутригородские названия указывают на этнический состав населения: а) на титульную нацию нашей страны: *ул. Белорусская, гостиница «Беларусь», магазин «БелДрев», магазин «Белорусские кухни», магазин одежды «Беларусочка»* и др.; б) на иные этнические группы: *Кобринский городской отдел общественного объединения «Союз поляков на Беларуси»* (ликвидирован 27.12.2022), *Еврейское кладбище* (заброшено) и др.; условно в данную группу включили и годоним *ул. Славянская*. Как видим, урбанонимы, мотивированные номинациями других этносов, немногочисленны, хотя национальная структура населения современного Кобрина отличается разнообразием.

2. В зафиксированных ИС находит отражение конфессиональный **состав** кобринчан, среди которых: а) православные (в кругу экклезионимов, эргонимов, других онимов доминируют ИС, связанные с ведущей религией в нашей стране; при этом урбанонимикон отражает и многоконфессиональность Кобрина, Беларуси): *Свято-Николаевская церковь, Свято-Георгиевская церковь, Спасский монастырь, Александро-Невский кафедральный собор, церковь в честь Рождества Христова* (решением Брестского облисполкома от 04.02.2005 официально названа храмом-памятников в честь 60-летия освобождения Беларуси), *Свято-Введенский храм* и др.; б) католики: *костел Успения Пресвятой Девы Марии* (католицизм нередко называют «религией Девы Марии», которая выступает образцом совершенной веры), *Памятник ксендзам* (неофициальное ИС; расположен на месте захоронения католических священнослужителей Яна Урбановича и Владислава Гробельного, расстрелянных фашистами вместе с группой евреев, которых они укрывали); в) представители других направлений христианства: *религиозное объединение «Баптистская церковь», религиозное объединение «Церковь Христиан Адвентистов Седьмого Дня»*; г) представители иных религий: *Кобринская синагога* (одна из самых больших в Беларуси. В Кобрине «проходила граница еврейской оседлости. Если взять население Кобрина 1941 г. – около 70 % евреи. Во время Великой Отечественной войны почти все евреи, к сожалению, были уничтожены фашистами. А синагога второй половины XIX в. осталась, сейчас она не действует, но интересует туристов как исторический памятник» [1]), *общественная организация «Иудейская религиозная община города Кобрина»* (создана в 2003 г.).

3. Урбанонимия Кобрина отсылает гендерный и (или) возрастной состав жителей, указывая: а) на целевую аудиторию – свою, именуемого

внутригородского объекта: филиал учреждения здравоохранения КЦРБ «Детская больница», ГСПУО «Кобринская детская деревня», государственное учреждение «Кобринский психоневрологический дом-интернат для престарелых и инвалидов», хобби-класс по эстрадной хореографии «Baby Dance», кружок «Маленький умелец» и др.; б) на объект посвящения (ИС меморативы): ул. Пионерская, пер. Молодежный, скульптура «Молодость» и др.

В социуме сложились определенные представления о поведении, привычках, предпочтениях мужчины и женщины, т. е. гендерные стереотипы. Женщину оценивают и по внутренним, личностным качествам (уравновешенность, утонченность, изысканность, шарм и т. д.), и по красоте; для мужчин, напротив, важна физическая сила, храбрость, отвага, при этом имеет значение и внешний вид: парикмахерская «Шарм», магазин одежды «Дамский каприз», магазин-мастерская «Кокетка+», магазин детской одежды «Mini-boss» (в ИС зафиксирована установка, что мужчина с детства должен стремиться к лидерству, успеху в выбранном деле), футбольный клуб «Атлант», фитнес-центр «Чемпион» и др.

4. Названия внутригородских объектов иллюстрируют разнообразие сфер деятельности, видов занятий, интересов, хобби жителей Кобрина: пер. Полиграфический, Путейский, Строительный; микрорайон «Военный городок» (неофициальное ИС); государственное учреждение образования «Кобринский государственный колледж сферы обслуживания»; магазин «Рыболов и охотник», «Фермер»; павильон «Огородник»; народный хор ветеранов войны и труда и др.

5. В урбанонимии, особенно в годонимах, агоронимах, монументонимах, эргонимах и других разрядах ИС, находят отражение изменения в государственном, политическом устройстве территории, на которой расположен г. Кобрин. Так, ул. Ленина (с 1939 г.) сначала называлась Черевачицкой (вела в сторону д. Черевачицы), после сооружения шоссе на Брест – Брестской; в 1921–1939 гг. – Легионов (в честь польских воинских формирований), Бронислава Перацкого (по имени польского министра внутренних дел, убитого в 1934 г.).

Заметную группу формируют ИС, отсылающие к советской эпохе – к фамилиям видных государственных деятелей, героев Октябрьской революции, гражданской и Великой Отечественной войны (усиление идеологической и политической функции отфамильных названий приходится на 1922–1930 гг. [2, с. 116]), к важным событиям, реалиям советской эпохи, к ее идеологемам: ул. Дзержинского, Фрунзе, Щорса, Заслонова, сквер имени В. П. Пуганова (1901–1941; советский военачальник, генерал-майор; похоронен в Кобрине), Октябрьская, Революционная, Пролетарский переулок, Мопровская (от МОПР ‘Международная организация

помощи рабочим’), *площадь Свободы* (стала так называться в 1939 г. в честь воссоединения Западной Белоруссии с БССР), *микрорайон «БАМ»* (неофициальное ИС), *остановка «Улица Свердлова»*, *Дом быта* и др.

В постсоветский период переосмысление национальной истории оказывает влияние и на урбанонимию: *Замковая площадь* (возникла в XVIII в. в районе снесенного из-за ветхости Нижнего замка; ИС возвращено в 2003 г.), *гаражный потребительский кооператив «Бона-моторс»*, *хоккейная команда «Бона»*, *народное любительское объединение «Галерея “Bona Sforza”»* (*Бона Сфорца д’Арагона* (1494–1557) – миланская принцесса, королева польская и великая княгиня литовская в 1518–1556 гг.; владела в т. ч. Кобринским княжеством; одна из самых неоднозначных фигур в истории нашей страны: красавица жена, хорошая мать, недобрая свекровь, мудрый государственный деятель, много сделавший для белорусской земли) и др.

Таким образом, урбанонимия объективирует стратификацию населения г. Кобрин, влияние на формирование его урбанонимного ландшафта исторических эпох, политических настроений общества, иных социальных факторов. Наше исследование еще раз подтверждает, что имя внутригородского объекта является социолингвистическим знаком, неотъемлемым результатом активного взаимодействия человека, языка, социума.

Список использованной литературы

1. Кобринская синагога [Электронный ресурс] // Туристический Кобрин : интернет-проект. – Режим доступа: <https://ikobrin.ru/kobtur-sinagoga.php>. – Дата доступа: 03.05.2023.
2. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. – Минск : Университетское, 1991. – 167 с.

[К содержанию](#)

И. Н. ЛЕВЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – С. С. Клундук, канд. филол. наук, доцент

КОМПОЗИЦИОННАЯ МОДЕЛЬ РЕПОРТАЖА В ТЕЛЕВИЗИОННЫХ СМИ

Ученые считают, что телевизионные репортажи состоят из таких структурных элементов, как stand-up, закадровый текст, синхрон. Однако анализ фактического материала – сюжетов канала «Буг-ТВ» – показал, что для репортажей городского телевидения Бреста характерны и другие элементы.

Так, в зафиксированных нами сюжетах отмечены:

- подводка (лид) – это главный факт, на котором строится сюжет, может быть обобщенным или детализированным;
- закадровый текст с продолжением рассказа корреспондента;
- синхрон (возможно несколько синхронов) – это видеоматериал, содержащий фрагменты интервью участников освещаемого события (действующего лица, эксперта, свидетеля, комментатора и т. д.);
- блицы – идущие подряд фрагменты прямой речи нескольких людей;
- итоговый закадровый текст, в котором заканчивается изложение основной информации;
- лайф – отрезок видео без текста корреспондента, который важно сохранить в первоначальном виде, чтобы передать атмосферу события, эмоции; помогает зрителям перенестись в гущу событий;
- stand-up – прием в телевизионном репортаже, при котором журналист находится в кадре и сообщает информацию по теме сюжета.

Необходимо отметить, что в репортажах не всегда используются блицы, лайф и stand-up. В качестве примера кратко проанализируем структуру репортажа *«Поликлиника № 5: диспансеризация в г. Бресте»* (08.02.2023). Сюжет начинается с подводки ведущего новостей. Далее следует закадровый текст. За ним представлен синхрон главного врача ГУЗ «Брестская городская поликлиника № 5» – Михаила Козинца, который рассказывает о том, что в поликлинике разработаны алгоритмы прохождения диспансеризации и что пациенты могут записаться на прием разными способами: в регистратуре, по телефону, через инфокиоск, QR-код или мобильное приложение. После синхрона используется закадровый текст. Дополняет слова корреспондента синхрон заведующего вторым терапевтическим отделением поликлиники № 5 Ирины Трухан. Следующий закадровый текст журналиста содержит информацию об анкете, в которой собраны вопросы, помогающие медработнику оперативно выявить факторы риска развития заболевания. Новый синхрон в виде комментария опять же Ирины Трухан продолжает и дополняет мысль журналиста. Данный синхрон тоже сменяется закадровым текстом, а сразу после него следует синхрон пациентки поликлиники № 5 Светланы. И в дополнение к нему – синхрон пациентки Регины. После этих комментариев включается журналистский закадровый текст. За ним снова представлен синхрон главного врача поликлиники М. Козинца, который поясняет, что на сегодняшний день учреждение не нуждается ни в каком медицинском оборудовании. Заканчивается репортаж закадровым текстом, где перечисляются фамилии автора репортажа, оператора и режиссера монтажа.

Таким образом, в рассмотренном репортаже, который длится примерно 6 минут, не применяются блицы, лайф и stand-up, однако нами зафиксировано 6 синхрон. Почти каждый раз синхроны сменяются закадровыми текстами журналиста.

Примером использования на телеканале «Буг-ТВ» репортерского приема и структурного элемента stand-up (репортерская стойка), когда журналист работает непосредственно в кадре, причем часто на месте освещаемого события, может служить десятиминутный тематический сюжет «Итоги работы ОАО «Берестейский пекарь» (21.01.2023). Stand-up – хороший способ разбавить репортаж, добавить в него жизни и момента «здесь и сейчас», т. е. создать «эффект присутствия».

Сюжет начинается с внушительной подводки, которая интригует с первых слов и вовлекает зрителя, чтобы тот продолжил смотреть материал, ведь самое интересное еще впереди. Репортаж продолжается закадровым текстом журналиста. Данный текст подкрепляется словами (синхрон) генерального директора ОАО «Берестейский пекарь» Олега Нестерука. Далее снова закадровый текст. После этого используется stand-up с журналистом – корреспондент в кадре, на заднем плане которого представлено место события – один из цехов предприятия. Данный элемент подчеркивает наглядность и правдивость репортажа, создает «эффект присутствия» зрителя на месте трансляции. Журналист в полной экипировке, одет по всем правилам, стоит возле тестомашины и рассказывает о том, как замешивают хлеб на предприятии. А после этого небольшого включения следует очередной закадровый текст. В дополнение слов журналиста включается синхрон мастера смены Жанны Кипень. Далее в закадровом тексте журналист рассказывает о коллективе предприятия, за ним предложен комментарий генерального директора «Берестейского пекаря» Олега Нестерука. После этого репрезентирован новый закадровый текст, усиливающий все вышесказанное. В подтверждение и дополнение снова использован комментарий Олега Нестерука, и затем транслируется итоговый закадровый текст журналиста. В подтверждение вышесказанного сразу после закадрового текста корреспондента даются блицы брестчан. Репортаж, как всегда, заканчивается перечислением фамилий автора сюжета, режиссера монтажа и оператора.

Таким образом, stand-up является «смысловым мостиком» для перехода от одного фрагмента к другому. Однако не во всех ситуациях он уместен и может даже отвлекать зрителя от основной идеи сюжета, поэтому такой прием не часто применяется в новостных репортажах городского телевидения «Буг-ТВ».

Примером использования лайфа в репортаже на брестском телеканале «Буг-ТВ» может послужить трехминутный сюжет «*Международный Кубок Содружества по зимнему плаванию*» (31.03.2023). Сюжет начинается с подводки, после вступления следует закадровый текст журналиста, далее – небольшой лайф, где показано, как именно закаленные люди преодолевают дистанцию в холодной воде, в кадре слышны крики поддержки, слова ведущего из громкоговорителя и шум воды. Благодаря лайфу зритель будто переносится на место события и у него есть возможность прочувствовать все детали момента. Далее включается закадровый голос журналиста. В подтверждение сказанного следует синхрон главного судьи соревнований Игоря Капотенко и сразу же синхрон начальника отдела физической культуры Министерства спорта и туризма Республики Беларусь Петра Ворона. Стоит отметить, что два синхрона подряд – тоже одна из особенностей телерепортажа. С помощью такого приема можно дополнять мысль одного из интервьюеров или плавно переходить от одной мысли к другой. Далее зрители слышат закадровый текст журналиста. После этого представлен синхрон спортсменки Российской Федерации и по совместительству участницы международного кубка содружества по зимнему плаванию Арины Головиной. После предыдущего синхрона идет синхрон серебряного призера Кубка мира по зимнему плаванию, члена клуба «Моржи столицы» Дмитрия Трусевича. После этих синхронов следует закадровый текст корреспондента. Итак, композиция данного репортажа включает четыре элемента, в том числе и лайф.

Необходимо отметить, что в рассмотренных сюжетах текстовая информация и видеоряд не противоречат друг другу, гармонично сочетаются и дают зрителю максимально полное и насыщенное представление о происходящем.

Таким образом, телевизионный репортаж имеет свою специфическую композицию, благодаря которой этот жанр журналистики становится популярным как среди корреспондентов, так и среди зрителей. Для репортажей городского телеканала «Буг-ТВ» характерно наличие подводки, закадрового текста с продолжением рассказа корреспондента, синхрона эксперта, свидетеля, комментатора и т. д., итогового закадрового текста. Могут также использоваться стендап, лайф и блиц.

[К содержанию](#)

А. С. ЛИНКЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

**ФУНКЦИИ АНТРОПОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л. УЛИЦКОЙ
«ЗЕЛЕНый ШАТЕР»)**

Имена собственные (далее – ИС) в литературном произведении отнюдь не случайны, они играют роль ориентиров во времени и пространстве; отражают художественный мир определенной социальной группы в определенную эпоху [7, с. 30]. Мы обратились к роману Л. Улицкой «Зеленый шатер», который называют «книгой о диссидентах». Но это скорее «художественное завещание»: писательница изучила документы за 1953–1996 гг., собрала свидетельства близких людей, творчески осмыслила личные воспоминания, свой жизненный опыт тех годов и воссоздала образ целой эпохи. Заметное место в «многочисленном» художественном тексте принадлежит именам собственным.

За **антропонимам** (около 350) стоят: а) реальные люди (политические, общественные, военные деятели, представители науки, культуры): «*К лету они стали встречаться в Аптекарском огороде, маленьком ботаническом саду, основанном еще Петром Первым*»; «*Это Сергей Трубецкой пишет после допроса*»; «*Если читать не можете, вы хоть корешки изучайте: Аристотель, Платон, Плутарх*»; «*...чистил кровь Пушкиным, Толстым, Герценом...*»; «*...и все говорили о Любимове, о Высоцком...*» и др.; б) вымышленные герои: «*На тех фотографиях впервые появились подруги Катя Зуева и Аня Филимонова, первые девочки, присоединившиеся к их мужскому до этого времени кружку*»; «*Но ведь есть и другие – Володя Буковский, и Таня Великанова есть, Андрей Дмитриевич есть. Валера, Андрей, Алик, Арина...*» и др.

В произведении представлены основные группы антропонимов (фамилии, имена, отчества, прозвища), которые выполняют ряд **функций**.

1. Номинативная функция. Давая конкретные, пусть даже самые распространенные, ИС персонажам, писатель неизбежно индивидуализирует их, а читатель закономерно идентифицирует художественный образ с тем или иным лицом [7, с. 272]: «*Ольга, вставай! Случилось несчастье!*»; «*Вам хорошо, Мария Моисеевна, вас, честную еврейку и разоблачать не надо...*»; «*...Лиза и Соня, из музыкальной школы...*»; «*Заезжий фестивальныи знакомец Пьер Занд, русский бельгиец, смутил... до глубины души своей осознанной ненавистью к революции*» и др.

2. Функция идентификации. Для антропонимов в художественном тексте определяющими служат слова (идентификаторы) справа или слева

от ИС, благодаря которым читатель открывает «мысленное досье» на персонажа [4, с. 16]: «*Доктор Дмитрий Степанович Дулин, когда было время задуматься о своей жизни, расценивал ее как удачную...*»; «*Мама Раиса Ильинична нежнейшим движением проталкивала редкий гребень...*»; «*...приходил Лизин отец, Алексей Васильевич, тоже хирург*» и др.

3. **Иллюзионирующая функция.** Наличие паспортного ИС (или выбранного из имен узуальных, отражающих гендерную, социальную и т. д. стратификацию национального имени; или созданного автором) поддерживает иллюзии реальности вымышленного мира [1, с. 130]: «*...секретарша Элеонора Викторовна... с богатыми неподвижными бровями и необъятной властью в пределах института, кивнула ему...*»; «*Эмиграция Эдвина Яковлевича Винберга закончилась*» и др.

4. **Оптативная функция.** Автор при выборе имени закладывает в него какое-либо качество персонажа: «*Первым принес учителю аккуратный листок с рифмованными строчками Миха Меламид*» (героя практически никто, кроме следователя, Михеем ‘кто подобен Богу, кто равен Богу’ [6] Матвеевичем не зовет). Миха – явный лидер; разносторонне одарен; наделен сверхчувствительностью, способностью любить ближнего. Крах учительства Михи в школе для глухонемых тоже из-за его детскости, неосторожности по отношению к дальним и ближним. Смысл, вкладываемый Л. Улицкой в понятие «детскость», отчасти совпадает с библейским: «Если не будете как дети, то не увидите во Царствие Небесное» (Матф. 19:15) [2].

5. **Характеризирующая функция.** Выполняя ее, антропоним прямо или косвенно характеризует своего обладателя: «*В шестом классе... пришел новый классный руководитель, Виктор Юльевич Шенгели, литератор. ...правый рукав... пиджака был подколот чуть пониже локтя... <...> Прозвище ему образовалось уже в первую неделю – Рука*» (имя и отчество (а оно явно отсылает к Юлию Цезарю) определяют героя как победителя; но жизнь его не проста: к 45 годам из кумира учеников превращается в старика, спившегося, брошенного женой, не дописавшего свою главную книгу о детстве, потерявшего любимую работу); «*Саня Стеклов последовал совету учителя с удовольствием*» (никто не называет героя полным именем Александр ‘защитник’, да и сам он «отрицает, а не защищает окружающий мир»: воспринимает мир как грязную камеру, грубо ограничивающую человека везде, «где есть только гармония музыки» [8, с. 93]; фамилия подчеркивает благородное происхождение Сани, его «чистую» жизнь: хорошая одежда, бутерброд в салфетке...) и др.

6. **Экспрессивная функция** присуща ИС, выражающим отношение автора, иных героев к персонажу: «*...сообщила Илье, что Полушка вышла замуж...*» (прозвище Полушка не только связано с фамилией Гали – Полухина, но и отсылает к апеллятиву полушка ‘мелкая монетка’,

характеризуя героиню как не примечательную ни внешне, ни духовно: «...была из бедной семьи, жила в полуподвале Олиного почтенного дома, собой была не особо хороша и училась еле-еле средне» и др. Весьма говорящая фамилия у мужа Гали – *Грызуна*, сотрудника отдела наружного наблюдения (диссидентствующие персонажи, да и сама писательница, весьма негативно относятся к подобного рода службе); антропоним не оформлен с помощью фамильных суффиксов, и поэтому энергичнее, непосредственнее проявляет свою внутреннюю форму [5, с. 78–82].

Л. Улицкая создает целую систему экспрессивных ИС, противопоставляя миру глубоких, сложных личностей миру примитивности, бездарности: «*На последней перемене главные враги рода человеческого, имена которых, Мурыгин и Мутюкин...*» (первая фамилия отсылает к отрицательно окрашенному *мурыжить*, вторая – к брани, *матюкам*) и др.

Экспрессивную функцию выполняют и ИС, не любимые героями произведения. Она проявляется через ассоциативную связь с определенными фоновыми знаниями читателя, на которые рассчитывает автор [3, с. 14]: «*Тамара не знала... кто такой “Самех”, который сдох. ...для конспирации Сталина и Ленина в их семье... называли по первой букве их партийных кличек... да и то на потаенном древнем языке – “самех” и “ламед”*».

Итак, антропонимы в романе «Зеленый шатер» полифункциональны. Их функции – и основные, и второстепенные – содействуют расшифровке скрытого смыслового пласта произведения, раскрытию его темы, идеи.

Список использованной литературы

1. Васильева, Н. В. Собственное имя в мире текста / Н. В. Васильева. – М. : Акад. гуманитар. исслед., 2005. – 223 с.
2. Глазкова, М. М. «Цитатность» как способ выражения авторской позиции в романе «Зеленый шатер» Л. Улицкой. Лейтмотив «имаго» [Электронный ресурс] / М. М. Глазкова, И. М. Попова // Концепт. – 2014. – № 13. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsitatnost-kak-sposob-vyrazheniya-avtorskoj-pozitsii-v-romane-zele-nyu-shater-l-ulitskoj-leytmotiv-imagov/viewer>. – Дата доступа: 04.05.2023.
3. Исаева, Е. Ф. Функции антропонимов в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. Ф. Исаева. – М., 2012. – 19 с.
4. Лебедева, Е. А. Ономастикон произведения Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец»: структурный, семантический и функциональный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Лебедева. – Ростов н/Д, 2006. – 23 с.
5. Михайлов, В. Н. Специфика собственных имен в художественном тексте / В. Н. Михайлов // Филол. науки. – 1987. – № 6. – С. 78–82.
6. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] // Academic.ru. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru>. – Дата доступа: 04.05.2023.
7. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
8. Хаванская, А. М. Особенности поэтики имени в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер» / А. М. Хаванская // Культур. жизнь Юга России. – 2013. – № 2 (49). – С. 91–92.

[К содержанию](#)

Е. В. МАКАРЕНКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. Н. Ковальчук, канд. филол. наук, доцент

**СПЕЦИФИКА РЕЧИ ГЕРОЕВ РОМАНА Д. ГЛУХОВСКОГО
«МЕТРО 2033»**

При создании художественного произведения автор особое внимание уделяет своему основному инструменту – слову. Слова призваны служить не только информационной, но также и эстетической функции, являясь средством воплощения авторского замысла. С помощью языка автор создает целостную картину происходящего, рисует образы и плетет нить повествования. Помимо жанровых характеристик, образной системы, композиционных особенностей, основных событий сюжета и пр., важным аспектом художественного произведения является речь главных героев, с помощью которой можно делать выводы о происхождении, характере, уровне образования, профессиональной и социальной принадлежности героя. Разумеется, иногда авторская задумка такова, что герой намеренно скрывает что-то о себе, в таком случае и речь его может видоизменяться, но случается, что и здесь некоторые детали становятся важными признаками того, что утаивается от других героев. Значение имеют не только сами слова, но и особенности речи героя (прерывистость, дикция и т. д.), иными словами, не только то, что говорит персонаж, но и то, как он это делает. Именно поэтому речь героев произведения представляет особый интерес для исследователей литературы.

В качестве материала для анализа речевой характеристики литературных персонажей был выбран роман Д. Глуховского «Метро 2033». Это произведение было названо «Лучшим дебютом» 2007 г. на европейском литературном конкурсе «Еврокон», а также легло в основу компьютерной игры «Metro 2033». Базу сюжетной линии романа составляют приключения главного героя, Артема, внутри так называемой «подземки». Герою предстоит пройти долгий путь, чтобы спасти жизни всех находящихся там людей от атаки таинственных мутантов. Персонажи, населяющие метро, – это люди, которым посчастливилось выжить после ядерной катастрофы, и их потомки. Выжившие формируют отдельные сообщества, налаживают производство продуктов питания и торговые связи. Автор ничего не говорит о развитии сферы образования и культуры, однако речь персонажей наталкивает нас на мысль, что уровень этот относительно невысок, речь всех людей построена нарочито просто, в ней часто встречаются сленг и слова-паразиты. Примеры довольно простых разговорно-сленговых слов находим в речи одного из второстепенных

персонажей Петра Андреича, с которым главный герой стоит в дозоре в начале книги и который выражается так: *«Может, нас сейчас здесь прихлопнут за милую душу, ножом по горлу, и станцию всю вырежут, вон как с Полежаевской вышло, а все потому, что ты вовремя не срезал гада...»*, *«Тут на Беговой поняли, что если уж сейчас ничего не сделать – скоро та же петрушка и у них начнется»*, *«Ну, Артем, давай-ка ты на боковую!»* [1, с. 1]. Артем, парень двадцати лет, предстает перед читателем впечатлительным молодым человеком, которого легко напугать страшными историями, это заметно и по авторской речи, и по речи персонажа: *«А с Беговой что стало? – не своим голосом спросил Артем»* [1, с. 2]. Герой по-юношески упрям, отстаивает свою позицию и легко распаляется: *«Ну должен же кто-то эту работу выполнять! Не было бы челноков – и куковали мы бы тут без боеприпасов, с берданками, шмаляли бы солью в черных, и чаек свой попивали бы, – не отступал Артем, несмотря на Андрееву попытку осадить его»* [1, с. 5]. Еще одним интересным персонажем является Хантер, которому отведена важная роль в сюжете. По его речи можно сделать вывод, что это человек серьезный, сдержанный, но не лишенный чувства юмора. Вводя речь Хантера, автор сам маркирует текст комментарием о его личности: *«О себе я потом. Ничего интересного. Вот у вас, я слышал, странные вещи творятся. Нежить какая-то лезет. С севера. Послушал сегодня баек, пока в дозоре стояли. Что это, Чингачгук? – в своей манере, короткими, словно рублеными фразами, спросил Хантер, почему-то называя Сухого индейским именем из детских книжек»* [1, с. 13]. Постмодернистская интертекстуальность проявляется не только в отсылках к другим литературным произведениям. Иногда персонажи вспоминают свою прошлую жизнь до апокалипсиса, в которой было телевидение и кино; старшее поколение жителей метро, воспитанное на фильмах, проводит параллели между ними и событиями их теперешней жизни: *«Вот в чем загвоздка. Тут все сложнее, чем тебе кажется. Намного сложнее. Это не просто зомби, мертвяки ходячие, из кино – ты ведь помнишь кино, Хантер, там все было просто – заряжаешь серебряными пулями рЭвольвЭр, – упирая на «Э», иронично продолжал он, – Бах-бах – и силы зла повержены...»* [1, с. 13].

Основную же часть романа составляет повествование автора об истории поселения людей в метро, этапах развития сообществ внутри этого замкнутого пространства, а также мистические истории, происходившие там. Дмитрий Глуховский, журналист по образованию, умело обращается со словом, что видно в романе по богатству лексики, сложности синтаксических конструкций и разнообразию используемых средств. Случается, что повествователь в тексте сам акцентирует внимание читателей на важности выбора правильных слов: *«Он обернулся, и женщина*

с искаженным от страха лицом, тянувшая его настойчиво за рукав, крикнула ему, пытаясь пересилить многоголосый хор отчаяния: – Себя не жалко! Пусть он – живет! Спаси его, солдат! Пожалей! // И тут он увидел, что тянет она ему в своей руке – детскую ручонку, маленькую пухлую ладонь, и схватил эту ладонь, не думая, что спасает чью-то жизнь, а потому, что назвали его солдатом, и попросили – пожалеть» [1, с. 3]. Помимо этого, Д. Глуховский использует яркую, выразительную лексику при создании мрачной, а порой и пугающей атмосферы метро, особенно это отмечается в мистических рассказах, которыми делятся друг с другом персонажи. Например, пересказывая эпизод о нашествии крыс, автор использует следующие фразы, создавая целые красочные отрывки: «Ревущее оранжевое пламя», «огромное царство», «лабиринты, лежавшие на невероятной глубине» [1, с. 3]. Встречаются и длинные осложненные предложения с придаточными частями, которые своим синтаксисом будто иллюстрируют запутанность подземных лабиринтов: «Этот туннель уходил в царство крыс, место, куда не решился бы ступить самый отчаянный авантюрист, и даже заблудившийся и не разбирающийся в подземных картах и дорогах скиталец, остановясь на его пороге, животным чутьем определил бы ту черную и жуткую опасность, которая исходила из него, и шарахнулся бы от зияющего провала входа, как от ворот зачумленного города» [1, с. 2]. Язык автора очень яркий и выразительный. Д. Глуховский создает реалистичные и вместе с тем фантастические картины происходящего, используя метафоры, сравнения, гиперболы и другие средства выразительности: «Миллионы сияющих огней, серебряные гвозди, вбитые в купол синего бархата...» и др. [1, с. 12].

В заключении стоит отметить, что Д. Глуховский написал роман «Метро 2033», старательно прописывая все сцены, создавая свой уникальный и атмосферный мир. Лексика автора богата стилистическими приемами, все они в совокупности погружают читателя в эту историю, увлекают его и постоянно удерживают его внимание. Благодаря этому роман читается легко, быстро и с удовольствием, однако заставляет задуматься и о проблемах нравственно-этического поля. Речь персонажей также прописана в соответствии с их социальным статусом и возрастом, она звучит не только органично, но и живо и интересно, благодаря чему читатель погружается в мир произведения более осязательно.

Список использованной литературы

1. Глуховский, Д. А. Метро 2033 / Д. А. Глуховский. – М. : АСТ, 2019. – 384 с.

[К содержанию](#)

А. М. МИХАЙЛИНА

Тула, ТГПУ имени Л. Н. Толстого

Научный руководитель – Т. А. Чихачёва, канд. филол. наук, доцент

ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Лексическая семантика покрывает все участки действительности. В нашем случае мы рассматриваем ее репрезентацию в отношении лексического значения слов, которые не зафиксированы в МАСе и получили распространение в определенной профессиональной сфере; обращаем внимание на единицы, формирующие языковую среду производственного предприятия. Лексика названного пространства используется социальной группой, обладает рядом особенностей.

Так, наиболее распространенными единицами в рассматриваемом пространстве являются номенклатурные. Они обладают высокой частотой словоупотребления, их использование обусловлено необходимостью наименования определенных продуктов, производство и обработка которых определяет общий вектор деятельности сотрудников (например, батон «Любимый», «Оригинальный», «Домашний»; хлеб «Подмосковный», «Карельский»).

Распространение профессионализмов в рассматриваемой среде не получило широкого распространения, однако некоторые лексемы с уникальным предметно-вещественным содержанием представляется возможным определить. Так, слово *вычерк* приобретает значение 'исключение определенной позиции из товарно-транспортной накладной в связи с определенными факторами, подразумевающее последующую ее обработку специалистом по документообороту' («Ты сегодня без вычерков?» или «Есть вычерки?»). МАС же фиксирует значения, предполагающие 'действия по зачеркиванию, исключению, изъятию чего-л. из написанного, напечатанного' [1, с. 291]. Оттенок основного значения по характеру не соотносится с контекстной реализацией слова в профессиональном пространстве.

Встречающаяся в речи водителей-экспедиторов, специалистов отдела продаж лексема «маршрутка» обладает следующим значением: 'логистический документ, фиксирующий количество точек для выгрузки'. В МАСе толкование слова с подобной оболочкой отсутствует.

Определяется активное включение в лексическое пространство профессиональной группы метафор. Перенос по сходству, будучи результатом «активной познавательной деятельности человека, так как он

заставляет подмечать сходства» [2, с. 53], обладает несистемным характером образования и затрагивает частные сферы производственной деятельности. Значительную часть лексикона сотрудников составляют глагольные метафоры: «**Батоны пошли**», «В первую очередь **гоним “Знатный”**» (допустимо наименование любого из видов х/б изделий), «**Заказ упал/поднялся**». Они отражают осмысленную коллективом необходимость иметь постоянную деятельную направленность, показывают, что профессиональная среда побуждает сотрудников отдавать предпочтение тем языковым единицам, которые по интенсивности значения наиболее полно соотносятся с производственными темпами.

Встречаются метафоры, отражающие непосредственное состояние продукции, образованные посредством переноса того признака, который наиболее полно определяет состояние объекта и при этом экономит языковые средства. Так, для упрощения взаимодействия распространено сравнение отсутствия упаковочной пленки с «голым» состоянием продукции. Семантическое основание переноса по сходству в данном случае ведет к образованию преимущественно абсолютивных метафор [2, с. 58] (Батоны **голые** привезли. Эта точка берет **голый** «Урожайный». Ты одел «Столичный»?). Изменение лексической семантики, распространение переноса по сходству, преимущественно по матрице, «сходство структуры действия» / «сходство функции» [2, с. 53] ведет как к образованию новых лексем, так и показывает особенности мировосприятия трудового коллектива.

Таким образом, лексические особенности организации языкового пространства трудового коллектива нашли выражение в активном формировании метафор, закреплении за существующими лексемами новых значений, что обусловлено полифункциональностью языка.

Список использованной литературы

1. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – Т. 1 : А – Й. – 696 с.
2. Токарев, Г. В. Лексикология русского языка в вузе и школе : учеб. пособие / Г. В. Токарев, И. Ю. Токарева. – Тула : С-Принт, 2016. – 150 с.

[К содержанию](#)

К. С. МІЗЕРЫЯ

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – А. С. Кавалюк, канд. філал. навук, дацэнт

**ВЫЯЎЛЕННЕ СЯБРОЎСКІХ АДНОСІНАЎ
У ВЕРШАХ П. БРОЎКІ, П. ПАНЧАНКІ, А. КУЛЯШОВА**

Сяброўства – гэта такія міжасабовыя адносіны, у якіх чалавек знаходзіцца часам нават даўжэй, чым у каханні. Рэдка каму ўдаецца кахаць аднаго чалавека ўсё жыццё, сяброўства ж можа звязваць людзей праз усё жыццё, таму цяжка пераацаніць яго ролю ў чалавечым жыцці. Сябар – гэта вельмі блізкі па духу чалавек, які заўсёды прыйдзе на дапамогу, знойдзе правільныя словы, падзеліць радасць і смутак. Шчырыя сяброўскія ўзаемаразуменне, падтрымка, узаемадапамога заўсёды былі вельмі важным для чалавека. Ёсць нават свята – Міжнародны дзень сяброў, якое адзначаецца 9 чэрвеня.

Пра значэнне сапраўднага сяброўства гаворыць П. Броўка ў вершы «Здаецца, што дзесьці ёсць камень». Паэт гаворыць пра тое, што блізкіх сяброў – шчырых, надзейных, верных не заменяць ні кіпарысы, ні горы, ні стэп. Для лірычнага героя сябры – неад’емная частка Радзімы, шчаслівых юнацкіх гадоў: *«хацелася б з імі сустрэцца, / Зноў зведаць прайодзены шлях»*, яго *«чалавечае сэрца / Смуткуе на добрых сябрах»* [2, с. 63]. Паэт канстатуе, што, на жаль, з часам дарогі нават самых сапраўдных сяброў разыходзяцца, з’яўляецца дакор: *«сябрам адсылаю / Дакор свой: – Забыліся вы!»* [2, с. 63]. Герой быццам бы хоча вярнуцца ў бесклапотнае юнацтва, у час, калі да сяброў заўсёды можна было звярнуцца за падтрымкай, за парадай, яны былі заўсёды побач. Ён заклікае зноў, як і ў ранейшыя часы, сабрацца, пагутарыць, адкрыць адно аднаму душу, распавесці ўсё, што за доўгі час адбылося з кожным з іх.

Лірычны герой верша П. Броўкі «Чаго не даклярую...» гатовы ўсё дзяліць з сябрам напалам, не кінуць яго ў бядзе, з’есці з ім пуд солі, *«на лязу прайсціся»*, але не гатовы падзяліцца каханнем да любай і не даруе здрады. У вершы «З нас кожны памыляцца можа...» [1] паэт закранае праблему «паказнога», штучнага сяброўства, калі здаваўся яму сябра *«прыгожым / І гэткім чыстым, як сляза»*, а на самой справе аказаўся *«увесь ён з бруды і кар’еры / За прыгажосцю паказной»*. Супярэчлівыя пачуцці спазнае лірычны герой: адчувае горыч расчаравання (*«на сэрцы горыч ды імжа»*), *«вельмі рады развітання»*, але носіць цяжар, ходзіць *«атручаны дазвання, / Бы нехта плюнуў у душу»*. З’едлівая іронія на няверных сяброў, якія *«пасобяць»* сысці, *«калі ўздымаешся на пік»*, гучыць у вершы «Ёсць шмат сабою закаханых...». Паэт падкрэслівае, што важна мець *«сяброў адданных»*.

У вершы «Да сяброў» П. Броўка піша пра інтэрнацыянальнае сяброўства. Яго сэрца гаворыць з сябрамі з Грузіі, Карпатаў, з Дунаю «*між Будаі і Пештам*», з Кіева, з Ялты і іншых куткоў свету.

Адным з галоўнейшых складнікаў шчасця лічыць сяброўства П. Панчанка. Ён удзячны сапраўдным сябрам, а інакшых і не жадае мець: «*Я дзякую сябрам за дружбу / (Інакшых не хачу сяброў), / Зямлі – за хлеб, лясы і ружы, / Сям’і – за чуласць і любоў*» [4, с. 96]. Паэт тым самым паказвае, што для яго сябры знаходзяцца фактычна на адным узроўні з сям’ёй і роднай зямлёй, а таму заслугоўваюць не меншай павагі і любові.

Закранаў праблему сяброўства ў сваёй творчасці і А. Куляшоў. Шырока яна прадстаўлена ў яго цыкле «Маналог», прысвечаным сябрам юнацтва Юлію Таўбіну і Змітраку Астапенку, з якімі паэт пазнаёміўся падчас вучобы ў Мсціслаўскім педагагічным тэхнікуме і знайшоў у іх асобах лепшых сяброў-аднадумцаў.

«Маналог» – гэта цыкл, які складаецца з 14 вершаў, звязаных паміж сабой агульнай тэмай, пафасам, выяўленасцю асобы лірычнага героя. Галоўнымі ў гэтых творах з’яўляюцца матывы памяці, вернасці сяброўству, ідэалам маладосці. Неадступнае пачуццё віны за смерць блізкіх сяброў (яны былі рэпрэсаваны ў 1930-я гг.), за ўласную творчую рэалізаванасць і за іх вымушанае бязмоўе прасочваецца ва ўсіх гэтых вершах. Форма маналога паказвае на спаўдальны характар гэтых вершаў, падкрэслівае драматызм сітуацыі: «*Адзіным дрэвам дружбы мы раслі. / З трох два сукі сякера смерці ссекла. / Не трапілі яны ні ў рай, ні ў пекла, / Працяг іх існавання – на зямлі*» [3, с. 134]. Паэт піша пра тых, каго ўжо няма сярод жывых; пра тых, пра каго засталася толькі памяць. Але гэтымі радкамі ён сцвярджае несумненна вядомую ўсім ісціну: людзі жывуць, пакуль іх памятаюць. Аркадзь Куляшоў нібы сапраўды адчувае іх дыханне побач, адчувае руку сябра, працягнутую на дапамогу; нібы чуе іх галасы: «*Асуджаныя лёсам на знішчэнне, / Яны не падуладны сілам зла: / Карэнні ў дрэва ёсць апроч ствала, / Апроч карэнняў прагных ёсць насенне*» [3, с. 134]. У вершы «Сябры мае... Пад пустак дыванамі...» выяўляецца нясцерпная журба паэта па страчаных маладых жыццях. Ён нават не ведае, дзе шукаць іх магілы, куды прыйсці, каб пакланіцца: «*Сябры мае! Пад пустак дыванамі / Ці не абрыдла безназоўнасць вам? / Дзе дзверы, што замкнуліся за вамі? / Як вас знайсці? Якіх пытацца брам?*» [3, с. 130]. Паэт гаворыць пра тое, што многія з яго сяброў пайшлі з жыцця, застаўшыся невядомымі: «*Маўчыць нябыт каменных пліт паважных, / Дзе з надпісаў дажджы змываюць пыл, / Там я блукаў, але імёнаў вашых / Не адшукаў на вокладках магіл*» [3, с. 130]. Нягледзячы ні на што, паэт абяцае захаваць памяць у сваім сэрцы, перадаць гэты бясконны скарб нашчадкам, у тым ліку і праз свае творы: «*Вяло нас музы строгай блаславенне / На шлях цяжкі, ды што казаць аб тым... /*

Я – ваша памяць, вы – маё сумленне, / Я – дрэўка, вы – трывалы сцяг на ім» [3, с. 130]. Да ўсведамлення свайго доўгу перад сябрамі – на ўсё жыццё захаваць памяць пра іх, захаваць іх вобразы ў сваіх творах, звяртацца да іх як да жывых – творца прыходзіць і ў вершы «Яны ў мае наведваліся сны»: «Як без мяне ім быць, а мне без іх? / Адна ў нас засталася на траіх / Мая дамоўка. / Не хачу, каб з ёю / Засыпалі халодную зямлёю / Жывую памяць аб сябрах маіх» [3, с. 135]. А. Куляшоў дае непарушную клятву сябрам захаваць светлую памяць пра іх у сваіх творах, пранесці праз усё жыццё іх такія блізкія сэрцу вобразы. Аўтар упэўнены, што кожны з іх будзе жыць, пакуль пра яго будуць памятаць: «Пакрыўджаную выракам суровым, / Яе не зацярушыць змок сляпы, / Пакуль над захаваннем палыновым / Да іх, жывых, з непахаваным словам / Звяртацца будзе мой радок скупы» [3, с. 135].

Такім чынам, сяброўства, якое чалавек праносіць у сваім сэрцы часам нават даўжэй за каханне, знайшло выяўленне ў творчасці беларускіх паэтаў, але, на жаль, не так шырока, як любоўная лірыка. Аўтары ўздываюць праблемы важнасці сяброўства ў жыцці чалавека, вернасці сяброўству праз гады, захавання памяці пра сяброў і інш. Ідэяй многіх вершаў з’яўляецца думка, што сяброўства трэба берагчы і не даваць яму згасаць.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Броўка, П. З нас кожны памыляцца можа... [Электронны рэсурс] / П. Броўка. – Рэжым доступу: <http://brouka.ru/metki/druzhba>. – Дата доступу: 17.05.2023.
2. Броўка, П. Крыніца з-пад Вушачы : вершы і паэмы / П. Броўка ; уклад. Р. І. Барадуліна. – Мінск : Маст. літ., 2003. – 366 с.
3. Куляшоў, А. Выбраныя творы / А. Куляшоў ; уклад. і прадм. В. Куляшовай. – Мінск : Маст. літ., 2009. – 206 с.
4. Панчанка, П. Жыццёвы зван : выбранае / П. Панчанка ; уклад. З. К. Панчанкі. – Мінск : Маст літ., 2002. – 335 с.

[К содержанию](#)

А. Э. МОИСЕЙЧИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ В ГЕОРТОНИМИИ БЕЛАРУСИ ПРИНЦИПА НОМИНАЦИИ ПО СВЯЗИ С ДЕЛОВЫМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ ЛЮДЕЙ

Праздник как феномен культуры возник очень давно, о чем свидетельствуют архаичные культурные памятники, этнографические материалы, связанные с исследованиями традиционных обществ,

их материальной и духовной жизни. Участники торжества могут вступать во взаимодействие с другими его участниками, и тем самым праздник способствует объединению людей в коллектив, а также установлению эмоциональных связей, креативного сотрудничества с иными коллективами [1, с. 47]. Праздник является важным фактором аккультурации, посредством которого человек осуществляет принятие норм и ценностей в определенной социокультурной среде [2, с. 150].

Феномен праздника становится объектом исследования ряда научных дисциплин, в частности лингвистики. Последняя обращается к именам собственным (далее – ИС) праздников – геортонимам [4, с. 48], к закодированной в них лингвистической и экстралингвистической информации.

Предметом нашего исследования стало номинативное своеобразие геортонимов; объектом – один малоисследованный сегмент современной геортонимии, а именно ИС массовых торжеств, участниками которых выступают студенты учреждений высшего образования Беларуси. Зафиксированные русскоязычные ИС (их 492) объективируют пять принципов номинации (далее – ПН) праздника (и, соответственно, образуют пять номинативных типов), которые выстраиваются в следующий рейтинг:

1) ПН по связи с человеком (249 ИС; 50,61 % от общего количества зафиксированных геортонимов): акция *«Вместе – мы сильны!»*, *«Подари тепло детям»*, *«Мы – граждане Беларуси»*, *«С праздником, Учитель!»*; концерт *«Любовь и жизнь женщины»*; спортивный праздник *«Я люблю футбол»*; конкурс *«Молодежный взгляд»*; литературный праздник *«Ай да Пушкин!»*; проект *«Волонтеры – лидеры активностей»* и др.;

2) ПН по связи с местом (112 ИС; 22,76 %): тематическая онлайн-встреча *«Гордость за Беларусь. Энергия для созидания, энергия для будущего»*; форум *«Студенческая научная зима в Бресте – 2022»*; акция *«Стань лучше – сделай город чище!»*; университетская суббота *«Архитектурное проектирование городского пространства»* и др.;

3) ПН по связи с абстрактным понятием (102 ИС; 20,73 %): акция *«Подари радость маме!»*, *«Сила добра»*; интеллектуально-спортивный турнир *«Беларусь: Единство. Независимость. Будущее»*; вечер *«Красота, благородство и честь»*; фестиваль *«Грани творчества»* и др.;

4) ПН по связи со временем (временным промежутком) (96 ИС; 19,51 %): встреча *«А у нас под Новый год...»*; конкурс *«Студенты. Безопасность. Будущее»*, *«Весна, здоровье, молодость»*; акция *«Летний патруль»*; спортивный праздник *«День здоровья»*; интеллектуальный турнир *«Университет: вчера, сегодня, завтра»* и др.;

5) по связи с деловым объединением людей: *интеллектуальная игра «ВГУ имени П. М. Машерова – 110 лет»*; *игра-квест «Мы – студенты БрГТУ!»* и др. О данном принципе – он в нашей выборке отличается непродуктивностью (35 ИС; 7,11 %) – и пойдет далее речь.

Указание на деловое объединение в геортониме реализуется через обращение к таким мотивирующим языковым единицам, как 1) эргонимы – ИС деловых объединений; 2) нарицательные существительные – наименования деловых объединений; 3) образованные от таких субстантивов прилагательные.

Отметим, что в составе геортонима вышеназванные номинативные единицы либо а) прямо обозначают государственное учреждение/организацию, его/ее подразделение: *акция «Мы любим ПГУ»*; *смотр-конкурс «Новые звезды факультета»* и др. В ИС *фотоконкурс «Один день в ВГМУ»* наблюдаем наложение значения, свойственного эргониму, на значение ойкодони́ма (граница между эргонимами и ойкодони́мами, т. е. ИС зданий, сооружений, в которых расположены деловые объединения людей, иногда весьма условна: «В урбанонимии индивидуализируются здания, расположенные в определенном месте города, а в эргонимии – род деятельности конкретного коллектива» [3, с. 12]); б) либо переносно, метонимически указывают на представителей делового объединения (нынешних/бывших преподавателей, студентов и др.): *проект «Память о героях будет жить всегда. БГАТУ ПОМНИТ»*; *спортивный праздник «Битва факультетов – 2020»* и др. – и образуют зону переходности между данным номинативным типом и двумя другими (ИС праздников по связи с человеком и ИС по связи с местом).

Наиболее обширный номинативный подтип формируют ИС торжеств, мотивированные эргонимами (26 ИС; 74,3 % от числа геортонимов в рассматриваемом номинативном типе). Эргоним в составе ИС праздника может называть: а) УВО, которое выступает в качестве организатора/соорганизатора праздника (25): *акция «Древо Жизни БГТУ»*; *выставка «Золотые имена БГМУ»*; *конкурс «Видеорадиус БНТУ–2021»*, *«Мисс ГГУ»*; *фестиваль «Студенческая весна ГГТУ»* и др. Для всех ИС мотивирующим выступает сокращенное (а не полное) название учреждения образования, что делает гемероним емким, демократичным; б) иное деловое объединение, что подчеркивает открытость УВО, студенчества, активное взаимодействие с иными творческими, спортивными и другими коллективами (1): *праздник «Новый год в Золотом кольце»* – торжество проходило в ГУ «Культурно-исторический комплекс “Золотое кольцо” г. Витебска “Двина”».

В качестве исходных для геортонимов выступают и нарицательные имена существительные (9 ИС; 25,7 %), которые обозначают: а) структурные подразделения УВО, в первую очередь – факультеты (5): концерт «Факультету 25!»; акция «Поступай на АТФ» (аббревиатура отсылает к автотракторному факультету); «Один день курсанта военно-технического факультета» и др.; б) общественные организации, объединения (их коллегиальные органы), действующие/действовавшие ранее в УВО (4): спартакиада «Профсоюз. Семья. Здоровье»; онлайн-челлендж «Профком студентов БГУ против табака»; вечер «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым!» (геортоним цитирует известную песню (автор музыки – А. Пахмутова, слов – Н. Добронравов) в исполнении И. Кобзона); акция «Профсоюзы – детям».

В нашей картотеке зафиксирован единичный пример геортонима, мотивированного отсубстантивным прилагательным: концерт «Комсомольский калейдоскоп» (перед ветеранами *комсомола* выступали молодежные коллективы и исполнители Дворца культуры, в т. ч. заслуженный любительский коллектив Республики Беларусь образцовый хореографический ансамбль «*Калейдоскоп*»).

Таким образом, при создании геортонимов исследованного номинативного типа в качестве мотивирующих востребованы эргонимы, нарицательные существительные – наименования деловых объединений, образованные от таких субстантивов прилагательные. Данные вербальные единицы актуализируют в ИС массового торжества его организаторов/соорганизаторов – учебное заведение, его структурные подразделения, общественные объединения, работающие в том числе на базе УВО, другие деловые объединения людей.

Список использованной литературы

1. Бурменская, Д. Б. К вопросу о роли праздника в жизни общества / Д. Б. Бурменская // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Обществ. и гуманитар. науки. – 2008. – № 61. – С. 43–48.
2. Вереитинова, Т. Ю. Праздник как феномен и концепт антропологии культуры / Т. Ю. Вереитинова // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – № 4. – С. 150–167.
3. Крюкова, И. В. Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие / И. В. Крюкова. – Волгоград : Перемена, 2003. – 100 с.
4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд. – М. : Наука, 1988. – 187 с.

[К содержанию](#)

А. Н. МОНЖАРО

Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины

Научный руководитель – О. Н. Чалова, канд. филол. наук, доцент

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Как известно, фразеологические единицы занимают особое место в словарном составе любого современного языка. Данный пласт лексики не только обогащает повседневную речь, но и отражает тенденции развития того или иного общества, сохраняя в себе его самобытность. Именно по этой причине специфика фразеологизмов остается предметом детального изучения на протяжении многих лет. Отследив их этимологические, семантические, лингвокультурные, а также структурные особенности, мы открываем с новой стороны менталитет, морально-этические нормы, стереотипы и убеждения народа страны изучаемого языка, что позволяет лучше понимать, как устроена его многовековая культура.

В контексте нашей работы будут рассмотрены структурные особенности 69 фразеологических единиц (24 русских и 55 английских соответственно). Для составления выборки были использованы следующие словари: Большой англо-русский фразеологический словарь А. В. Кунина [1], Фразеологический словарь русского литературного языка [3].

Необходимо отметить, что выбранные для сравнительного анализа языки принадлежат к двум разным типологическим группам: аналитической – английский язык и синтетической – русский. Аналитическая группа обладает фиксированным порядком слов и выражает грамматические значения преимущественно через синтаксис, в то время как синтетическая ограничивается пределами самого слова, образуя его словоформы. Следовательно, мы можем утверждать, что различия в структуре фразеологизмов двух представленных языков неизбежны.

В данной статье были выделены четыре группы фразеологических единиц: субстантивные, адъективные, глагольные и адвербиальные. По нашим наблюдениям, наиболее распространенной оказалась глагольная группа. Рассмотрим каждую из групп более детально.

В первую очередь речь пойдет о самой многочисленной группе – *глагольных фразеологизмах*. Всего было обнаружено 37 единиц в английском языке и 9 – в русском. Под глагольными фразеологическими единицами подразумеваются обороты, приравняемые к глаголам. Исходя из выборки, мы можем выделить три подгруппы внутри рассматриваемой группы, каждая из которых передает свое значения, а именно:

1. Действие. В данной подгруппе были выявлены следующие структурные модели: **V + Prep + N** (*to fly to the winds, to be lost in the clouds, to drop from the cloud, to rise with the sun, to bow before the storm, to get out of the rain*); **V + N + Prep** (*to catch wind of smth, to gain the wind of, to knock the wind out of smb, to put the wind up smb*); **V + (Neg/Pronoun) + N** (*to break the ice, to ride the storm, to cast a cloud, to cut no ice (V + Neg + N), to steal smb's thunder/to get smb cold (V + Pronoun + N)*).

2. Состояние. К этой категории мы относим: **V + Prep + N** (*to be in the wind, to be down in the wind, to hang in the wind, to be on a cloud, to be out in the cold*); **V + Pronoun + Prep + N** (*to whistle smb down in the wind, to leave smb out in the cold*).

3. Процесс. На эту подгруппу приходится самое меньшее число примеров, несмотря на множество структур: **V + N** (*to take wind, to rain pitchforks*); **V + N + Prep + N** (*to rain cats and dogs*); **V + Prep + N** (*to whistle for a wind*); **V + Adv + Prep + N** (*to stand foursquare to all the winds*).

В русском языке так же можно отметить впечатляющее разнообразие структурных форм, пусть и за неимением равного английскому количественного состава самих фразеологических единиц: **Глаг. + Предл. + Сущ.** (*бросать на ветер, витать в облаках*); **Глаг. + Сущ. + Предл. + Сущ.** (*метать гром и молнию*); **Глаг. + Предл. + Прил. + Сущ.** (*сражаться с ветряными мельницами*); **Сущ. + Глаг.** (*лед тронулся, лед растаял*); **Глаг. + Союз + Сущ. + Предл. + Сущ.** (*биться как рыба об лед*).

Следующими мы рассмотрим **субстантивные фразеологизмы**, выполняющие роль существительного, в количестве 8 и 6, английских и русских соответственно. Как в английской, так и в русской секциях преимущественно встречаются конструкции вида **N + Prep + (Pronoun) + N** (**Сущ + Предл + Сущ**): *a cloud in one's sky, a cloud on one's brow, wind in the head, a cloud on the horizon, the snow of yester-year, a place in the sun, calm before the storm, a storm in a tea-cup* (*ветер в голове, место под солнцем, затишье перед бурей, буря в стакане воды* (**Сущ. + Предл. + Сущ. + Сущ.**)). Вдобавок в русском языке встречаются единичные примеры следующих структур: **Сущ + Прил** (*гром небесный*) и **Сущ + Предл + Сущ** (*лед и пламя*).

Перейдем к **адвербиальной подгруппе**, компоненты которой идентичны наречиям. Несмотря на то что вышеупомянутая подгруппа не обладает должным количественным составом в английской фразеологии (удалось найти лишь пять экземпляров), в русском языке выражения такого рода оказались более употребительными (9 единиц). Однако в обоих языках наблюдается большое количество структурных вариаций, например: **Comp + N** (*like lightning, like the wind*), **N + Comp + N** (*rain or shine*), **Adv + Prep + N** (*straight off the ice*), **Prep + Num + N** (*to the four winds*);

Предл. + (Прил) + Сущ (*на (взвей) ветер, с ветерком, с попутным ветерком*), **Союз. + Предл. + Сущ.** (*как с облаков*), **Предл. + Мест. + Числ. + Сущ.** (*на все четыре ветра*), **Отриц. + Предл. + Сущ. + Глаг.** (*не с ветру взять*).

И завершает классификацию самая малочисленная подгруппа – подгруппа *адъективных фразеологизмов*, выражающих значение прилагательного, т. е. качественных характеристик объекта. Важно отметить, что фразеологических единиц с заданной лексемой «природные явления» в русском языке выявлено не было. По этой причине в текущей работе будут рассмотрены исключительно английские адъективные фразеологизмы. Из пяти найденных единиц четыре заключают в себе конструкцию **as + Adj + as + N**, что является довольно типичным для этого языка: *as cold as ice, as thick as hail, as loud as thunder, as certain as the rising sun*. И лишь один пример строится по шаблону **Adj + Prep + N + Prep + N** – *sound in the wind and limb*.

Таким образом, на основании проделанной работы можно сделать вывод о том, что фразеологические единицы с компонентом «природные явления» получили большее распространение в английском (55), нежели в русском языке (24). Помимо этого, стало очевидным, что самой многочисленной группой для английских элементов является глагольная, в то время как в русском языке глагольная, субстантивная и адвербиальная группы обладают примерно одинаковым количественным составом. В обоих языках мы наблюдаем большой набор структурных моделей различных видов, и тем не менее нам удалось столкнуться с полными синтаксическими и семантическими межязыковыми соответствиями, такими как: *a place in the sun / место под солнцем, calm before the storm / затишье перед бурей, a storm in a tea-cup / буря в стакане воды, to break the ice / растопить лед, to the four winds / на все четыре ветра*. Но все же следует помнить, что даже полное структурное совпадение не гарантирует тождественного лексического значения: *wind in the head* – «зазнайство/самомнение», однако оборот *ветер в голове* употребляется в значении «легкомысленный».

Список использованной литературы

1. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.
2. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеол. ед. / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.

[К содержанию](#)

Д. С. МОХОР

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

ГЕОРТОНИМ КАК «ЗАГОЛОВОК» ПРАЗДНИКА (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ МАССОВЫХ ТОРЖЕСТВ ПИНЩИНЫ)

Термин «текст» использует не только филология; для других наук вполне естественны выражения типа «живописный текст», «кинотекст», «математический текст» и т. д. Семиотика понимает текст как осмысленную последовательность любых знаков, любую форму коммуникации.

Интересным примером текста культуры выступает массовое торжество, а его заголовком, именем собственным (далее – ИС) служит **геортоним**. Последний выполняет ряд функций: номинативную, информативную, рекламную, интегративную, оценочно-экспрессивную, стилистическую, проспективную, компрессивную и др. В зависимости от интенций имядателя, название праздника актуализирует разную/разные из обозначенных функций; в сильную позицию подобного текста может быть вынесена любая его смысловая категория – «событие», «человек», «пространство», «время».

Данное исследование посвящено объективации в геортонимии (ИС массовых мероприятий, памятных дат, выставок, кампаний и т. д.) г. Пинска, Пинского района категории «время».

Анализируемые ИС указывают: а) либо на продолжительность именуемого торжества: *акция спасателей «День безопасности. Внимание всем!»*; *калейдоскоп занимательных фактов, идей, развлечений «Нескучный день в библиотеке»*; *акция в целях обеспечения безопасности работников на рабочих местах «Неделя нулевого травматизма»*; *акция «Месяц женской истории»* и др.; б) либо на время его проведения: *спортивная игра по сбору мусора «Trash-2020»* и др.; в) либо на продолжительность события/время/период, которому посвящено массовое мероприятие: *семинар «Великая война с Тевтонским орденом: 1409–1411 гг.»*; *фестиваль «Безопасное детство»*; *праздничная программа «С днем рождения, любимый город!»* и др. Возможно и пересечение названных мотивов в одном геортониме: *акция «Лето с книгой»*; *акция «Полезные каникулы»* и др. Указание на время может быть и непосредственным, и опосредованным, т. е. метонимическим, метафорическим, символическим: *дискотека для пожилых «Ретро-микс»* (компонент *ретро* отсылает к стилистике мероприятия, ко времени создания/популярности музыкальных произведений, которые звучат

на дискотеке); *праздничная программа, приуроченная к Международному женскому дню «Есть в марте день особый»* и др.

В вербализации категории «время» участвуют соответствующие языковые средства.

1. Вполне закономерно обращение при создании подобных геортонимов к нарицательным именам существительным с временным значением (названиям отрезков времени, в т. ч. времен года, месяцев): *мероприятие ко Дню смеха «Час веселого настроения»*; *акция безопасности «День открытых дорог»*; *акция – ознакомление с предоставляемыми услугами агроусадеб «День открытых дверей в белорусских усадьбах»*; *неделя мероприятий для популяризации творчества Евгении Янищиц «Янішчыцкі лістапад»* (знаменитая уроженка Пинщины появилась на свет 20 ноября (бел. *лістапада*)); но, наверное, есть в геортониме и отсылка к роду деятельности поэтессы, к роли в ее жизни слова, положенного на лист бумаги); *книжная выставка «Снежная, нежная сказка зимы»*; *благотворительная акция «Оранжевая весна»* (сбор пожертвований для приобретения фруктов воспитанникам специального учреждения); *акция «Лето с книгой»*; *акция «Каникулы без дыма и огня»* и др.

Геортонимы могут указывать и на неопределенные временные промежутки: *концертная программа детям «В будущее вместе!»*; *книжная выставка ко Дню работников культуры «Культура – это вечное настоящее»*; *час православного краеведения «Пинск православный: из прошлого в будущее»*; *фестиваль фольклорного искусства в Мерчицах «Фальварак мінулага»*; *сетевая акция к 140-летию со дня рождения Янки Купалы «І вечнасць радка, як вечнасць жыцця»*; *праздник, посвященный Дню пионерской дружбы «Мы – пионеры новой эры!»* (существительное эра отсылает к советскому периоду, к гимну советских пионеров: *«Взвейтесь кострами, синие ночи! / Мы пионеры – дети рабочих. / Близится эра светлых годов...»*) и др.

Гиперлексема *время* в геортонимии реализуется через разные лексико-семантические варианты: *профилактическая акция «Правила безопасности во время гололеда»*; *праздничный концерт «Настало время Биотеха»*; *конкурс хореографического искусства «Время танцевать-2022»* (в последнем названии на темпоральное накладывается модальное значение ‘о наступлении времени, срока чего-л.’).

2. В качестве мотивирующих зафиксированы ИС, называющие важные для белорусов праздники (светские, религиозные, народные): *книжная выставка «К нам стучится Новый год»*; *познавательно-развлекательная программа «Все про Новый год»*; *праздник «Новый год и Рождество – это чудо-торжество»*; *благотворительная акция «Улыбка к Рождеству»*; *«праздничные посиделки», посвященные Рождеству*

Христову «Рождественское чудо»; рождественские колядки «Веселись, ребятки, наступили Святки!»; праздник урожая в Логишине «Дожинки-2021»; брендовое мероприятие «Проводная неделя» (обрядовое действие проводится через неделю после Пасхи и включает праздничное шествие, хороводы и пение, делающие его неповторимым культурным наследием Пинщины); театрализованная анимационная программа с народным колоритом «Гуляй, народ! Масленица у ворот!» и др.

Целую группу формируют отонимные ИС, отсылающие к непростым периодам белорусской истории, к значимым для национального самосознания вехам: *выставка из фондов музея «1-я Мировая война. Жизнь под оккупацией»; студенческая конференция «Трагедия геноцида белорусского народа в годы Второй мировой войны»; час искусства «Великая Отечественная война в произведениях белорусских художников»; встреча-память к 80-летию начала Великой Отечественной войны «Была война. Была Победа»; поздравительные акции «Великой Победе посвящается» и др.*

3. В создании геортонимов востребованы дериваты (обычно – прилагательные; единично представлен окказиональный субстантив) от выше-названных групп существительных: *праздник весны «Весенняя сказка» (от весна); акция «Летний патруль» (от лето; члены МООП во время патрулирования набережной р. Пины проводят информационное оповещение жителей г. Пинска о правилах безопасного поведения на воде); книжная выставка «Звонит пасхальная радость» (от Пасха); книжная выставка «Веселое новогодье» (от Новый год) и др.*

4. В качестве мотивирующих для геортонимов (в первую очередь для указания на год проведения традиционных мероприятий) отмечены имена числительные: *фестиваль творчества студентов и лицеистов «Дебют-2020»; спортивный праздник ко Дню защитника отечества «Богатырь-2022»; «Книга и молодежь. Век XXI» и др.*

5. Вполне предсказуемо выражение временных значений с помощью темпоральных наречий, производных предлогов: *мероприятие «Летом с книгой я дружу»; час краеведения к 100-летию со дня рождения Э. Б. Нордмана, военного деятеля «Мужество останется в веках»; посвящение в читатели «А я теперь читатель»; экологическая акция «Покормите птиц зимой!»; профилактическая акция «Правила безопасности во время гололеда».*

Таким образом, в геортониме, в заголовке праздника-текста, смысловая категория «время» реализуется разными вербальными средствами, которые делают акцент на тех или иных темпоральных характеристиках именуемого массового торжества.

[К содержанию](#)

Е. Ю. НЕМШОН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

**ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ
В ИДИОСТИЛЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ И Б. ПАСТЕРНАКА**

В историю русской литературы М. А. Цветаева и Б. Л. Пастернак вошли как экспериментаторы, чье поэтическое и прозаическое творчество ознаменовано постоянным стремлением к экспериментам в области стиля, языка, и слова в частности. Окказионализмы в контексте художественных произведений играют особую роль, отражая умение автора работать со словом, выступая ключом к пониманию его авторской индивидуальности.

Наше исследование посвящено окказиональным существительным М. А. Цветаевой и Б. Л. Пастернака. Материал для нашего исследования был отобран из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [2]. Окказионализмы были отобраны методом сплошной выборки из произведений М. Цветаевой и Б. Пастернака.

Объем подкорпуса произведений Б. Пастернака за период с 1910 по 1959 г. – 531 документ, 77 763 слова. В данном подкорпусе был обнаружен 371 лексический окказионализм, 120 из которых являются существительными (32 %).

Чаще всего для образования окказиональных существительных Б. Пастернак использует суффиксальный способ (84 примера), самый продуктивный суффикс – нулевой (18): *бормот* (← *бормотать*), *вспых* (← *вспыхнуть*), *карела* (← *карельский*), *фриволь* (← *фривольный*) и др. Часто встречается суффикс отвлеченных существительных *-ость* и его варианты *-лость*, *-ивость* (13): *атласность* (← *атласный*), *знакомость* (← *знакомый*), *захладелость* образовано (от встречающегося у Б. Пастернака окказионализма *захладеть*), *оглядчивость* (← *оглядка*). Суффиксы отглагольных отвлеченных существительных *-ний/-ный-*, *-ений/-ений-* зафиксированы в шести словах: *синение* (← *синеть*), *досяганье* (← *досягать*) и др. В пяти словах отмечен суффикс *-ец/-нец-* (*извозец* ← *извозчик*, *окраинец* ← *окраина* и др.). По четыре раза встретились суффиксы *-й/-тый-* (*корчевье* ← *корчевать*, *серье* ← *серый*), собирательный *-н/-овн-* (*крошня* ← *крошить*, *чертовня* ← *черт*). Суффикс *-ин-* в значении единичности используется в трех словах (*алмазина*, *ольшина*, *палисадина*). Единично Б. Пастернак использует суффиксы *-изм-* (*элегизм* ← *элегия*), *-еж-* (*младеж* ← *младой*), *-ань/-ень* (*зорянь* ← *заря*, *зори*, *захлесни* ← *захлестнуть*), *-инк-* (*слюдинка*), *-тель* (*живитель*) и др.

Существительных, образованных приставочно-суффиксальным способом, мы насчитали восемь: *безвременщина* (← *время*), *наголенник* (← *колени*), *застолец* (← *стол*), *соподвижец* (← *подвижник*), *всхнык* (← *хныкать*), *засинь* (← *синий*).

Сложно-суффиксальным способом образовано 11 слов: *свечегас* (← *свеча, гасить*), *сладкогласец* (← *сладкий глас*), *самосверганье* и др.

Существительных, образованных сложением, – семь, причем шесть из них имеют первую часть *пол-*: *полблином*, *полмиру* и др.

Только одно существительное образовано приставочным способом (*наветвь* ← *ветвь*).

Дважды встретилась обратная деривация (*жолвями* ← *желвяк*, *отмета* ← *отметка*). Дважды использована замена приставки (*паросль* ← *поросль*, *разгранка* ← *огранка*), трижды – замена суффикса (*послаба* ← *послабление*, *походь* ← *походка*, *развилье* ← *развилка*).

Объем подкорпуса поэтических текстов М. Цветаевой за 1932–1941 гг. – 163 документа, 25 157 слов. В этом подкорпусе встретилось 160 лексических окказионализмов, 56 из которых – существительные (35 %). Как и Б. Пастернак, М. Цветаева чаще всего образует окказиональные существительные при помощи суффиксов (34 примера), и самый продуктивный – тоже нулевой (7): *карк* ← *каркать*, *рукоплеск* ← *рукоплескать*, *отврат* ← *отвратительный* и др.). Суффикс *-ость* встречается регулярно (4: *глухонемость* ← *глухонемой*, *песчаность* ← *песчаный* и др.), но с такой же частотой используется *-тель-* (*глотатель*, *жеватель* и др.). Абстрактный суффикс *-й-* зафиксирован в двух словах (*живье*, *единоличье*), суффиксы *-ний-/ -ный-*, *-ений-/ -енй-* не встретились. По три раза М. Цветаева использует *-ец-/ -лец-/ -енец-* (*злбивец*, *доилец*, *вторженец*) и *-к-* (*двёрочку*, *крестьяночка*, *скороходки*). Другие уменьшительно-ласкательные суффиксы используются однократно: *-чик-* (*слончик*), *-ушк-* (*жилушки*), *-ек-* (*волосочек*), *-очк-* (*досточка*). В одном окказионализме обнаруживается увеличительный суффикс *-ищ-* (*львище* ← *лев*). Единично используются аффиксы *-ник-* (*клобучник* ← *клобук*), *-еств-* (*девчончество* ← *девчонка*) и др.

Существительных, образованных приставочно-суффиксальным способом, всего три: *всхолмье*, *восхолмье* и *подземие*. Первые два можно рассматривать как фонетические варианты, образованные от *холм* при помощи приставки *вс-/вос-* и суффикса *-й-*. Последнее образовано от устаревшего *земь* или от *земля* с усечением производящей основы (ср. *подземелье*).

Два существительных образовано приставочным способом (*нелицо* ← *лицо*, *предзнание* ← *знание*).

Сложно-суффиксальным способом образовано три слова с нулевым суффиксом, второй корень всегда глагольный (*быстрогон* ← *быстрый*, *гонять*; *живорез* ← *живой*, *резать*; *кровопрод* ← *кровь*, *проводить*),

одно сложение образовано с суффиксом *-ник-* (*четырёхлистник*). Особый случай – слово *жирнуха-оленуха*, которое можно рассматривать и как сочетание существительного с приложением (тогда окказионализмом будет только *жирнуха* – с суффиксом *-ух-*). Если же принять *жирнуха-оленуха* за одно слово, то получается, что сложение сопровождается суффиксацией в первой части, т. е. это комбинация сложения основ и сложения слов.

Существительных, образованных сложением, – пять (*противубоец*, *всеравенство*, *всечеловек*, *душепродавец*), с корнем *пол-* только одно (*полкарты*).

Один раз М. Цветаева использует аббревиацию – *мра-ремесло* (← *мрак*, *ремесло*): *Темная сила! Мра-ремесло!* Еще один единичный способ – замена приставки (*исхищренья* ← *ухищренья*).

Трижды встретила обратная деривация: *сухомять* (← *сухомятка*; отсечение *-к-*), *можного* (*возможное*; отсечение приставки *воз-*), *сваста* (← *свастика*; отсечение *-ик-*).

Таким образом, сравниваемые поэты активно используют окказиональные существительные, предпочитая суффиксальный способ образования. Однако Б. Пастернак гораздо чаще употребляет суффиксы отглагольных абстрактных существительных, показатель единичности *-ин-*, у этого автора часты окказиональные варианты суффиксов (*-лость*, *-ивость*), устаревшие и непродуктивные морфемы (*-ень/-ань*, *-еж*). Окказионализмы, образованные сложением, гораздо разнообразнее у М. Цветаевой, она же заметно чаще создает диминутивы. Оба поэта используют нетипичные способы образования окказионализмов (обратная деривация, замена аффикса).

М. Цветаева говорила об огромной воздействующей силе поэзии Б. Пастернака: «Пастернак остается в нас, как прививка, видоизменившая нашу кровь» [3, с. 412]. Однако словотворчество М. Цветаевой не определяется чьим-либо влиянием, а диктуется ее творческой индивидуальностью: «Именно феномен М. Цветаевой как поэта, постоянно стремящегося вырваться из власти языка, определяет многоуровневую окказиональность ее поэтики» [1, с. 140].

Список использованной литературы

1. Муратова, Е. Ю. Аллотропичный потенциал грамматических средств в лирике М. И. Цветаевой / Е. Ю. Муратова // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. – 2013. – № 12. – С. 134–141.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 11.09.2022.
3. Сичинава, Н. Г. Окказионализмы в поэтическом языке Бориса Пастернака / Н. Г. Сичинава // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения : сб. ст. – М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 409–412.

[К содержанию](#)

Е. А. НИФОНТОВА

Минск, БГУ

Научный руководитель – Е. И. Абрамова, канд. филол. наук, доцент

МЕТАФОРЫ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА

В настоящее время появилось значительное количество работ, посвященных различным аспектам спортивного дискурса. Исследователи отмечают возросшую социокультурную значимость этого вида дискурса, что обуславливает его участие в формировании культурных стереотипов и прескрипций представителей различных слоев общества. Утверждается, что спорт является особым видом коммуникации, медийным продуктом, совокупностью медийных событий. Значительное число работ посвящено анализу когнитивных, семантических и функционально-стилистических параметров различных жанров спортивного дискурса [1–3], в частности концептуальной метафоре и концептуальной метонимии в спортивном дискурсе.

Современная когнитивистика (Дж. Лакофф, М. Джонсон; Е. С. Кубрякова и др.) рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Концептуальная метафора отражает национальное, социальное и личностное самосознание, она формирует отношение человека к миру. Человек не столько выражает свои мысли при помощи метафор, сколько мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет. По мнению С. Ульманна, источниками метафорической экспансии обычно становятся обозначения реалий, которые особенно актуальны для общества, хорошо известны людям и вызывают их повышенный интерес.

Настоящая работа посвящена когнитивному исследованию метафорических моделей белорусского спортивного дискурса. Эмпирической базой исследования послужили тексты газет «Прессбол» и «Спортивная панорама». Материал анализировался с использованием качественных методов.

Можно с уверенностью сказать, что к числу наиболее активных источников метафорической экспансии в рассмотренном нами материале относится понятийная сфера «ВОЙНА» (105 примеров). Спорт (особенно его командные виды) лучше всего понимается зрителем через военные термины, и это давняя традиция. Н. Элиас объясняет такое положение дел, в частности, тем, что в прежние времена люди рассматривали спортивные состязания как подготовку к войне, а войну – как упражнение в том же состязании [3, с. 12].

Соприкосновение двух дискурсов и двух понятийных сфер (военной и спортивной) ярко проявляются в глаголах *атаковать*, *обороняться*,

защищать. В спорте, как и на войне, *бросают вызов, сражаются, принимают решение, терпят поражение, оказывают сопротивление*, например: «*Нам абсолютно не удался переход из обороны в атаку – не было адресата или же не доходил мяч*» (Спортивная панорама. № 132. 02.11.2021. С. 13).

Окончание соревнований (игры) – это победа одной стороны (команды) над другой (противниками). Часто выигрыш представляется как виктория, а поражение как разгром, например: «*Но и прерванной серии – ведь мозыряне добились виктории на гомельском стадионе «Центральный» впервые за 11 лет!*» (Спортивная панорама. № 96. 30.06.2015. С. 10).

Распространенность милитаристской метафоры в проанализированном нами материале объясняется тем, что война, к сожалению, неотъемлемая часть истории человечества. Использование военной метафоры в спортивном дискурсе позволяет передать накал страстей, драматизм борьбы.

Второй по частотности является метафорическая модель «СПОРТ – ЭТО ЭЗОТЕРИКА». Эзотерика – это информация, которая не полностью укладывается в нормы, принятые в нашем обществе, та информация, которую невозможно объяснить логически и которая представлена словами *удача, неудача, судьба, доля, участь, случайность* и др. Примеров таких эзотерических метафор мы выявили в анализируемых текстах достаточно большое количество – 54. Их наличие обусловлено невозможностью спрогнозировать, опираясь на логику, ход спортивных соревнований и их результат, изменения в карьере спортсмена и др. из-за массы объективных и субъективных факторов. Тогда оценка спортивного события приобретает мистический характер: «*Доверил свою судьбу испанскому клубу, главный тренер которого Диего Симеоне наложил на сделку вето*» (Прессбол. № 97. 30.06.2015. С. 12); «*А вот нашему женскому голпреду “Гомелю” от судьбы далеко не уйти*» (Прессбол. № 98. 30.06.2016. С. 7).

Анализ материала показал, что в современном спортивном дискурсе очень функциональна метафора «СПОРТ – ЭТО СОЦИУМ» (33 примера), но метафорическая модель, лежащая в ее основании, не так четко структурирована, как в случае с другими базовыми метафорами. Понятие социума широко и включает в себя множество сценариев. Мы попытались наметить основные моменты проекции социальных категорий на представления о спорте. Средством выражения нормативной оценки событий становится проекция институциональных понятий, в частности школы: «*И судьи не стали закрывать глаза на помарки, оценив выступление в 23,450 балла*» (Спортивная панорама. № 132. 02.11.2021. С. 2); «*Защитник проигравших Александр Позняк находился на поле от звонка до звонка*» (Прессбол. № 85. 29.10.2021. С. 6); «*Хотя, конечно мороза с этим юниорским плаванием*

возникла изрядная, несколько перевернувшая ситуацию в том же медальном зачете с ног на голову» (Спортивная панорама. № 96. 30.10.2015. С. 5).

Одним из центральных в социальной модели является понятие статус. В спортивном дискурсе статус – это положение спортсмена (команды) в соответствующем виде спорта, в конкретной игре, команде, сборной, которое он занимает в соответствии со своим возрастом, опытом, навыками и т. д. Наиболее авторитетные, ключевые игроки, а также тренер – это статусные особы, титулованные, лидеры, рекордсмены, вожаки: *«К старту же олимпийской зимы одна из самых наших титулованных конькобежцев не успела набрать нужные кондиции»* (Спортивная панорама. № 132. 02.11.2021. С. 1); *«Шултинг вышла в лидеры за шесть кругов до финиша и ни разу не оглянулась назад»* (Спортивная панорама. № 132. 02.11.2021. С. 3); *«Тимирев получил возможность убежать “в ноль” и упрочить свое лидерство в бомбардирском рейтинге экстралиги»* (Спортивная панорама. № 132. 02.11.2021. С. 11); *«Я выиграл пояс в 42 года, побил рекорд»* (Спортивная панорама. № 132. 02.11.2021. С. 4). Понятие работы также играет важную роль в структуре социальной метафоры: спортсмен (команда) *работает, пашет, выкладывается, вкалывает* и др. Набранные очки – это материальная ценность. Они поступают *в копилку команды, кладутся в карман, их можно занести себе в актив* и т. п. Выделение социальной метафоры можно объяснить тем, что спорт сегодня – это социальный институт, спортсмен – это профессия, игра – коммуникация на поле.

Базовые метафоры являются ключевыми, задающими аналогии и ассоциации между различными системами понятий и порождающими более частные метафоры. Роль базовой метафоры в построении спортивного дискурса заключается в том, что, используя потенциал некоторой метафорической модели, можно выстроить сюжет и композицию повествования и привнести определенную имплицитную оценку события. При этом само событие отчасти отходит на второй план, а внимание переключается на его авторскую интерпретацию.

Список использованной литературы

1. Зарипов, А. Р. Когнитивно-дискурсивный аспект изучения спортивной терминологической лексики в спортивном интернет-медиадискурсе: на материале англоязычных и русскоязычных интернет-СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Р. Зарипов; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2017. – 22 с.
2. Киселева, В. А. Лексико-фразеологическая экспликация концепта футбол в спортивном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. А. Киселева. – СПб., 2009. – 25 с.
3. Кудрин, С. А. Базовые метафоры спортивного дискурса как текстопорождающие модели: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. А. Кудрин. – М., 2011. – 23 с.

[К содержанию](#)

И. В. НИЧИПОРЧИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. Н. Ковальчук, канд. филол. наук, доцент

**БЫТОВОЕ ПРОСТРАНСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ
ПЬЕС «ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ» И «БЛАЖЕНСТВО»****М. А. БУЛГАКОВА**

Творческое достояние М. А. Булгакова на протяжении многих десятилетий является предметом интереса критиков. Огромное количество монографий и исследований другого характера все больше раскрывают талант этого автора. И все же остается множество неосвещенных граней различных произведений писателя. Недостаточно изученными представляются и пьесы «Блаженство» и «Иван Васильевич».

М. А. Булгаков остроумно построил сюжет пьес: экономно использовал комические эффекты и описание характеров героев, при этом элементы фантастики плавно переходят в бытовые вещи, что намного проще воспринимается читателем. Однако в рассматриваемых пьесах не все так однородно, как кажется на первый взгляд. Если учитывать время и исторические события, происходящие во время их написания, то можно провести некоторые аналогии затронутых в текстах вопросов с осмыслением принципов действующей власти и с идеологией советского общества.

В пьесе «Блаженство» совмещаются три плана удаленных по времени друг от друга тоталитарных (или близких к ним) эпох. XX в., т. е. «настоящее», отражен в топосе Банного переулка; XVI в., т. е. «прошлое», обрисован в антураже палаты Ивана IV; XXIII в., т. е. «будущее», воплощен в детально проработанном мире Блаженства, который также может восприниматься как цельный топос. Образ Москвы оказывается интегрирующим началом, соединяющим все три локации воедино. Это та географическая точка, которая имеется на карте любого времени и похожа на автономный город-микрокосм. Занимая срединное, промежуточное положение между палатой Иоанна Грозного и необъятными просторами Блаженства, дом в Банном переулке «хронологически» (и как бы пространственно) «вбирает» эти хронотопы в себя, в результате чего возникает неопределенная временная среда, придающая данному жилищу черты волшебного. Само Блаженство находится на чудовищной высоте: «над землей громадная терраса с колоннадой «Мрамор» [2]. Эта авторская ремарка сродни загадочному определению «сон», вынесенному автором в подзаголовок. Молодому изобретателю, поглощенному идеей стать властелином времени, снится XXIII в., коммунизм и та часть «Москвы Великой», которая называется Блаженством. В этом мире есть все:

материальное довольство, демократия, «Институт гармонии», занятый «идеальным подбором людей» для контактов на разном уровне, но М.А. Булгаков низвергает идеал Блаженства. Автор развенчивает существование утопического мира.

«Приметы времени раскрываются в пространстве» [1, с. 122], поэтому по некоторым деталям мы можем понять, о какой «современности» и о каком «прошлом» идет речь в пьесе «Иван Васильевич». О XVI в. нам говорит историческое наполнение пьесы – здесь есть фигура царя Иоанна Грозного, который правил в 1545–1584 гг. Соответственно, когда в пьесе происходит удачный опыт инженера Тимофеева, в результате чего пропадает одна стенка в его квартире, а на ее месте оказываются Иоанн Грозный с дьяком, читатель может заглянуть в быт XVI в. Об актуальности содержания для 30-х гг. свидетельствует сам год написания пьесы, так как М. А. Булгаков описывал современность, а создание пьесы пришлось на 1934–1935 гг. На протяжении повествования отражены несколько, на первый взгляд, незначительных моментов, исходя из которых можно убедиться, что описываются 30-е гг. (фигурирует слово ЖАКТ – жилищно-арендное кооперативное товарищество; показано отношение служителей культа к религии; представлены образ советского ученого-самоучки, который даже во сне бредит о великом научном открытии, и частые звонки в милицию). Таким образом, читателю становится ясно, о какой «современности» хочет сказать автор.

Одна из важнейших идей М. А. Булгакова заключается в том, что грани между прошлым, настоящим и будущим стираются как в «Блаженстве», так и в «Иване Васильевиче». Совершенно не важно, в XVI или в XXIII вв. живут люди, потому что нравы и господствующие человеческие отношения во всех эпохах практически одинаковы. В какую бы сторону ни был направлен технический прогресс, как бы ни развивались люди, итог будет один: жизненные проблемы, разногласия, несчастная любовь, обман, подлость, воровство, принципиальность и многое другое были, есть и будут.

Пьесы небольшие по размеру, но вмещают в себя множество деталей, описывающих интерьер, внешность героев, их одежду, действия, взгляды, страхи, образ жизни, сущность натуры. Присутствует в текстах также множество комических элементов. Писатель ставит своих персонажей в такое положение, которое является поводом для насмешки, хотя сами герои не видят в своем поведении ничего необычного и комичного, в отличие от читателя, который наслаждается небывалым юмором и забавностью ситуаций, детально продуманных автором [4, с. 222]. Для характеристики персонажей автор использует самые разные средства, в том числе смешение плана реального и плана фантастического, через контраст которых более явными становятся ключевые черты героев.

При написании пьес М. А. Булгаков был предельно внимателен к изображаемой им современной советской действительности (1930-е гг.), углубляясь при этом в изучение уклада жизни людей в XVI в. и тщательно продумывая фантастический уклад жизни будущего, чтобы вывести пороки человечества и его ошибки «наружу», сделать их наглядными. Автор мастерски подбирает языковые средства, которые отображают индивидуальность каждого персонажа, чтобы с минимальным наличием ремарок читатель увидел всю сущность героев и смог прийти к сопоставлению ценностей и методов действий тех или иных лиц, а после осмыслить универсальные моральные принципы, действительно важные для человечества.

В рассматриваемых пьесах М. А. Булгаков создал комический сюжет на основе приемов «двойничества» и «перемещения во времени». Данные приемы еще до М. А. Булгакова использовались неоднократно, однако советский писатель смог через категорию юмора, сравнивая две эпохи, разных людей, поднять острые проблемы того времени: перегибы власти и урон, наносимый ею творчеству и изобретательности людей.

Список использованной литературы

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе (очерки по исторической поэтике) [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин // Philolog.ru. – Режим доступа: <https://philolog.petsu.ru/filolog/lit/bahhron.pdf>. – Дата доступа: 17.05.2021.
2. Булгаков, М. А. Блаженство (сон инженера Рейна) [Электронный ресурс] / М. А. Булгаков. – Режим доступа: <http://lib.ru/BULGAKOW/blagen.txt>. – Дата доступа: 04.04.2023.
3. Булгаков, М. А. Пьесы / М. А. Булгаков ; сост. : Л. Е. Белозерская-Булгакова, И. Ю. Ковалева. – М. : Совет. писатель, 1991. – 800 с.
4. Лысенко, С. А. Природа комического гротеска в пьесах М. А. Булгакова 30-х годов / С. А. Лысенко // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе (проблемы теоретической и исторической поэтики) : сб. ст по материалам междунар. науч. конф. : в 2 ч. / под ред. Т. Е. Автухович. – Гродно : ГрГУ, 1997. – Ч. 1. – С. 220–224.

[К содержанию](#)

Я. В. ПАРФЕНЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. Б. Переход, канд. филол. наук, доцент

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИКИ

И. А. БУНИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ОЧЕРКОВ 20–30-Х ГГ.)

Публицистический стиль (от лат. *publicus* ‘общественный’) – исторически сложившаяся функциональная разновидность литературного языка, обслуживающая широкую сферу общественных отношений: политических,

экономических, нравственно-этических, культурных, религиозных. Это стиль пропаганды и агитации. Он рассчитан на массового читателя, зрителя, слушателя. Предназначен для того, чтобы, информируя о политических, социальных и культурных событиях, склонить людей к каким-либо взглядам на представляемую информацию, освещаемые события и проблемы, привить определенные убеждения и сформировать мировоззрение в целом [3].

Основными стилевыми чертами являются эмоциональность и образность (для создания необходимой атмосферы в тексте или публичном выступлении), уверенность и оценочность (для поддержания интереса к теме), логика изложения с опорой на неопровержимые факты (для придания речи достоверности и информативности), легкое и внятное изложение и призыв к действию.

Стилевые черты проявляются на разных языковых уровнях. В лексике – эмоционально-экспрессивные и разговорные слова, речевые клише, публицистические фразеологизмы; в морфологии – оценочные прилагательные, местоимения и наречия, глаголы в настоящем времени; в синтаксисе – короткие и неполные предложения чередуются со сложноподчиненными, построение предложений – разговорное, простое для восприятия.

Рассмотрим некоторые особенности публицистического стиля И. А. Бунина на примере его очерков 20–30-х гг. XX в. [1].

Творчество Ивана Алексеевича Бунина привлекало и привлекает внимание литературоведов. Основное внимание уделяется художественному наследию писателя, его поэзии и прозе. И. А. Бунин мало известен как публицист: его публицистика была в СССР под запретом. Лишь в 1990 г. опубликованы «Окаянные дни», основанные на дневниковых записях Бунина 1918–1920 гг. Десятки бунинских статей и речей в эмигрантских газетах и журналах 1920–1953 гг. оставались неизвестными для российского читателя [2].

Тематикой очерков Бунина-публициста стали оценка русской революции, рассуждения о том, что привело Россию к катастрофе и размышления о роли художника в общественно-политическом процессе. Пристальное внимание он уделяет общественной и публицистической деятельности Максима Горького, и многие его очерки этого времени становятся своего рода полемикой с писателем, например: «Пресловутая свинья», «О Горьком», «Многогранность» и др. Помимо этого, Бунин выступает в качестве оппонента Герберту Уэлсу в очерке «Несколько слов английскому писателю».

Публицистику И. А. Бунина отличают злободневность, пластичность, умение схватить точную деталь и такие достоинства, как экспрессивность, богатый лексический состав и грамматический строй очерков.

Писатель смело употребляет элементы разговорной лексики, жаргонизмы, стремясь обеспечить правдивость и естественность речи. Это свидетельствует о том, насколько он хорошо владеет родным языком. К примеру, очень показательным является фрагмент из очерка «Многогранность», в котором автор, критикуя «многогранную» позицию пролетарского писателя (М. Горького), прибегает к усложненному синтаксису (риторические восклицания, вопросы, вставные конструкции, свободная прямая речь, сложное предложение с разными видами связи); яркая лексико-фразеологическая палитра в пределах одной конструкции: от разговорных слов и выражений (*чрезвычайка, разинули рот, бормочут, со вкусом*) до лексики и фразеологии высокого стиля (*истязаются, денно и ночью, отдать справедливость*):

Вывесят огромнейшую вывеску: «Пролеткульт!» – и где же? – совсем рядом с десятью чрезвычайками, где всяческие представители русской культуры истязаются и убиваются денно и ночью (да не просто, а со вкусом, например, над клозетной чашкой) – и сделано дело: мы уже разинули рот, мы уже бормочем:

– Нет, знаете, в этом-то им надо отдать справедливость, о культуре-то они заботятся!

Лексика очерков разнообразна. Многие слова отражают отношение писателя к происходящему в России после захвата власти большевиками. Он активно обращается к общественно-политической лексике. Например, употребляет такие слова, как *суд, чиновник, закон, борец, офицер, гетман, провокации, вождь* (из очерков «Пресловутая свинья» и «О Горьком»). Использует разговорную лексику в очерках «Многогранность», «Пресловутая свинья», «Ответ на анкету “Общего дела” по поводу трехлетия большевизма»: *долбня мыслишек, заборная глупость, мало-мальски, хохол, сивуха, дурачить, похабный, сутенеры, вишивый, грызня, идиотские декреты*. Бунин не стесняется в своих высказываниях и прибегает к жаргонной лексике. Например, в очерках «Ответ на анкету “Общего дела” по поводу трехлетия большевизма» и «Многогранность» он, не стесняясь в выражениях, употребляет такие слова, как *тварей, отребье, отродье, к черту, сифилитики*.

Как известно, Бунин был верующим человеком, поэтому в его очерках встречаются слова церковно-богословского стиля, которые подверглись стилистическому ухудшению, снижению. Например, в очерке «О Горьком» встречаются такие слова и выражения, как *воспел хвалу русскому народу и его новым вождям, «планетарные» деяния, акафист*.

Автор очерков прибегает к различным риторическим фигурам и тропам. Благодаря им текст становится объемным, насыщенным. И. А. Бунин употребляет риторические вопросы и восклицания, которые

служат усилению выразительности речи, придают ей убедительность и эмоциональную яркость, отражают весь спектр настроений и переживаний публициста. Например, риторические вопросы и восклицания в очерках «Пресловутая свинья» и «Многогранность»: *эти «кобры» и «мгла» – чем это хуже цыплячьего «визга», «красных львов» в лаптях или «пресловутой свиньи»? Но что же делать? А передовицы! А военные репортажи!* Еще одна фигура, которую использует писатель, – это повтор. Благодаря повтору слов и выражений в небольшом отрезке текста автор расставляет акценты, например в очерке «Пресловутая свинья»: *... и «Правда» (газета), разбирая с величайшей серьезностью его «новые достижения»... и «Правда» с истинно идиотской наивностью... Все тот же осточертевший жаргон, все та же яростная долбня трех-четырех мыслишек, все та же заборная грубость, все та же напыщенность самого низшего разбора...*

Очерки Бунина насыщены эпитетами (*несметных зверств, злая и пошлая чепуха, горячий труд, бешено утверждая*), встречаются гиперболы (*стоя по горло в крови и грязи, течет буквально реками*), синекдоха (*отрубить народу голову, устами «пролетариата»*), олицетворения (*обалдел Париж, Лондон, чтобы не говорило современное умопомрачение, Русь защищается, и уже плачет она (Россия), бьется*), ирония (*развала рты почтенная публика, Маяковских художественно размалевать*).

Виртуозное владение лексическим богатством и грамматическим инструментарием русского языка, изобразительно-выразительными средствами способствует усилению экспрессивности и образности речи, демонстрирует художественно-публицистическое мастерство Ивана Алексеевича Бунина, который талантлив и силен не только как прозаик, но и как яркий, острый публицист.

Список использованной литературы

1. Иван Алексеевич Бунин. Публицистика 1918–1953 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2013/10/31/slovar-sredstv-khudozhestvennoy-vyrazitelnosti>. – Дата доступа: 06.04.2023.

2. Ильинский, И. Белая правда Бунина [Электронный ресурс] / И. Ильинский. – Режим доступа: <https://lgz.ru/article/N29--6284---2010-07-21-/Belaya-pravda-Bunina-13451>. – Дата доступа: 03.07.2023.

3. Публицистический стиль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/3390224/page:13>. – Дата доступа: 27.03.2023.

[К содержанию](#)

А. С. ПОПЕКА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. А. Фелькина, канд. филол. наук, доцент

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАССКАЗА
НАРИНЭ АБГАРЯН «МАЙ»**

Все мы родом из детства.

А. Экзюпери

Самый прекрасный, беззаботный и незабываемый период жизни каждого человека – это детство. Детство – это та неповторимая пора, которая наполнена самым невинным созерцанием окружающего. Это путешествие в познание, в принятие, в опыт. Это время, когда у нас самые непорочные мысли, самые светлые надежды, самые чистые мечты. Это грань между землей и небом. И порой хочется чуть дольше задержаться на облаках, чтобы более осознанно вступить в суровую реальность.

Главная героиня рассказа Наринэ Абгарян «Май» тоже погружается в это состояние, в свою заветную мечту, в эту незабываемую, теплую атмосферу детства. И языковые единицы, отобранные автором повествования, живо передают эмоции героини и способствуют раскрытию идеи произведения: детство – лучшее время нашей жизни.

Уже само название отсылает нас к самой долгожданной поре года – весне – и самому теплому ее месяцу. Весна традиционно ассоциируется с юностью, поэтому Н. Абгарян и выбирает май одним из компонентов художественного времени наряду с детством.

Окказиональное прилагательное *карапузой* и аугментатив *вреднючая* создают ощущение детской речи. В толковом словаре последнее прилагательные обозначено пометой *разговорное* [1]. Просторечные слова (наречие *калачиком*, деепричастие *чавкая*, глаголы *шуровала*, *засекала*, *облаивала*) придают повествованию характер непринужденного дружеского разговора, а потому делают его более искренним. В одном из предложений автор употребляет фразеологизм *до седьмого колена*, он также является просторечным ('об отдаленной степени родства, о самых отдаленных предках или потомках' [2]). И описывает он в рассказе не родственные отношения людей, а интенсивность лая собачки на воробьев, ворующих из подсолнухов семечки. Такая нарочитая ошибка тоже имитирует детскую речь. Кстати, и второй «человеческий» фразеологизм – *готова была душу продать* – тоже характеризует собачку (ее любовь к топинамбуру).

Прилагательных в рассказе много. Н. Абгарян выстраивает их в однородные ряды (...*маленькая*, *мохнатая*, *вреднючая*, *настоящая*...), подбирает самые экспрессивные характеристики (*неотразимый*,

сокрушительный, мощный, беспардонный, счастливый, грозный и др.). Это эмоциональное воздействие держит внимание читателя – рассказ прочитывается на одном дыхании.

Повествование в тексте достаточно динамично – это легко увидеть на примере описания собачки Белки. Это очень шустрое существо, «ртутный шарик», характеризуется множеством глаголов движения (*носиться, перескакать, лететь, шуровать, убежать, пробежать, гонять*). Если в начале рассказа героиня ведет себя неспешно (разговаривает с гусеницами и терпеливо ждет ответа), а в середине в центре внимания оказалась Белка, то в конце рассказа девочка и собачка бегут уже вместе, как единое существо. Динамика усиливается и глаголами интенсивного движения (*бегущей, мчались, перепрыгивая*), и наречиями (метафора *навылет*, повтор *Вверх, вверх...*), и рядом числительных (*...дворы – один, второй, третий...*), и однородными дополнениями и обстоятельствами, называющими точки пространства, сначала мелкие (*заборы, малинник, просвирняк, лопух*), потом более масштабные (*дорога, большой виноградник, речка, развалины крепости*).

В рассказе нет сложных, витиеватых конструкций с разными типами связи. Предложения по большей части простые или бессоюзные с соединительными отношениями. Неполные, односоставные предложения придают тексту непринужденность, «разговорность».

Рассказ начинается фразой «У меня есть заветная мечта – увидеть себя маленькой», эта же фраза повторяется в конце. Между этими точками есть еще «Я помню себя пятилетней...», т. е. мечта как будто сбывается, однако в то же время остается мечтой. Именно этот миг, который помнится, – бег за собачкой – высшая точка счастья, когда все тело наполняется воздухом, впитывает солнце, наливаясь счастьем «до краев, до кончиков, до самых краинок» (еще один «детский» окказионализм).

Благодаря кольцевой композиции усиливается воздействие на читателя, яснее выражается идея текста. Между этими закольцованными началом и концом столько ярких эмоций, открытий, столько событий, радостей и разочарований – между ними целая жизнь!

Список использованной литературы

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М., 1997. – 944 с. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=12207>. – Дата доступа: 24.03.2023.
2. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеол. единиц [Электронный ресурс] / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 878 с. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/fedorov>. – Дата доступа: 24.03.2023.

[К содержанию](#)

А. С. ПОПЕКА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Г. В. Писарук, канд. пед. наук, доцент

**ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
(НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Б. ПАСТЕРНАКА
«ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ»)**

В качестве объекта исследования текстообразующей роли имен существительных мы выбрали стихотворение Б. Пастернака «Золотая осень» [3]. При первом чтении стихотворения кажется, что лирический герой просто любит красоту осеннего леса, но на самом деле автор считает осень порой зрелости, опытности, мудрости, понимая, что молодость уже не вернуть, время безвозвратно уходит.

В тексте всего 10 предложений, они пронумерованы нами для удобства в проведении анализа.

*1 Осень. 2 Сказочный чертог,
Всем открытый для обзора.*

*3 Просеки лесных дорог,
Заглядевших в озера.*

4 Как на выставке картин:

Залы, залы, залы, залы

Вязов, ясеней, осин

В позолоте небывалой.

5 Липы обруч золотой –

Как венец на новобрачной.

6 Лик березы – под фатой

Подвенечной и прозрачной.

7 Погребенная земля

Под листвой в канавах, ямах.

8 В желтых кленах флигеля,

Словно в золоченых рамах. <...>

9 Осень. 10 Древний уголок

Старых книг, одежд, оружья,

Где сокровищ каталог

Перелистывает стужа.

Всего в стихотворении 58 словоформ, представленных различными частями речи. Первое место по количеству слов занимают имена существительные: всего в тексте 38 словоформ имен существительных, что составляет 65,5 % случаев.

Стихотворение делится на подтемы, в каждом катрене автор сравнивает осень с различными предметами и явлениями. В первом четверостишии (пр. 1–3) осень выступает в качестве сказочного чертога, лирический герой описывает совершенство осени как поры года. Во втором катрене осень – это выставочный зал, а деревья – драгоценные экспонаты (пр. 4). В 5 и 6 предложениях особенности строения деревьев тождественны для лирического героя элементам свадебного убранства новобрачной. 4 катрен описывает следующее состояние осенней флоры: опадание янтарного одеяния – вся земля оковывается в золоченые рамы (пр. 7–8).

В заключительном четверостишии осень предстает настоящей сокровищницей, в которой хранятся старинные книги, одежды и оружия. Стужа, которая придет на смену золотой осени, тщательно пересчитывает свои сокровища и только потом примет природу в единоличное правление. Автор считает осень порой зрелости, опытности, мудрости.

Первое и девятое предложения образуют своеобразное кольцо. Существительное *осень* обрамляет стихотворение кольцевой композицией. Именно благодаря ей автор усиливает смысловое содержание, идею текста. Между этими закольцованными началом и концом столько ярких эмоций, картин, красок, образов – между ними сама *осень*!

В первом стихотворении автор сравнивает осень с чертогом. По данным словаря С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, чертог (устар., высок.) – пышное, великолепное помещение или здание, дворец [1]. Существительным *чертог* поэт объединяет все картины, все образы в единое целое: озера, просеки, деревья, дороги – все это залы чертога. Именно это существительное задает стихотворению оптимистичный тон, создавая впечатление чего-то величественного, возвышенного, волшебного. Это величие и передает автор словом *чертог*, добавляя определение *сказочный*. Картины осени предстают перед читателем в образе монументального, великолепного дворца, совершенного творения – того, которым можно восхищаться без устали.

Полноту раскрытия темы текста обеспечивают существительные следующих тематических групп:

1. Пространство: **2 чертог, 2 обзор, 3 дороги, 3 просеки, 3 озера, 7 земля, 7 листва, 7 канавы, 7 ямы, 8 флигеля, 10 уголок**. Данная группа существительных имеет значение «объект и его местоположение», что позволяет визуализировать описываемые в стихотворении картины природы.

2. Выставочный зал: **4 выставка, 4 картины, 4 залы, 4 позолота, 8 рамы, 10 сокровища, 10 каталог**. Осень – музей красок, эмоций, картин. Это самая настоящая сокровищница с самыми необычными и неповторимыми экспонатами – деревьями.

3. Убранство новобрачной: **5 обруч, 5 венец, 5 новобрачная, 6 лик, 6 фата**. Данная тематическая группа служит для образного восприятия стихотворения и в сочетании со следующей группой создает яркие картины природы.

4. Названия деревьев: **4 вяза, 4 ясени, 4 осины, 5 липы, 6 береза, 8 клены**. Непосредственные атрибуты леса служат для создания осеннего колорита. В стихотворении встречаются шесть видов деревьев, и о каждом автор говорит по-своему: три – просто упоминаются (**4 вяза, 4 ясени, 4 осины**), а три – образно описываются (**5 липы, 6 береза, 8 клены**). **5 Липа** и **6 береза** предстают в качестве новобрачных. И здесь липовый обруч автор

сравнивает со священным атрибутом всех брачующихся – венцом – ‘в церковном обряде венчания: головное украшение в виде короны, которое шаферы держат над головами вступающих в брак’ [1]. *6 Лик березы* поэт отождествляет с образом новобрачной. Он использует именно существительное *лик* – ‘лицо (устар. и высок.)’, а также изображение лица на иконах’ [1]. В сознании Б. Пастернака деревья служат священными, незыблемыми институтами осени, такими же, какими являются венцы и лики для церкви.

5. Предметы быта: *10 книги, 10 одежды, 10 ружья*. Данная тематическая группа позволяет поэту связать природу с бытовой жизнью.

В стихотворении два раза употребляется существительное *осень*. И это не удивительно: автор таким образом хотел подчеркнуть главную героиню произведения. Четырежды повторяется лексема *4 залы* в одной строке. Данные лексические повторы придают тексту экспрессивность, также добавляют динамизм, стремительность и тем самым расширяют пространство, показывают огромное разнообразие осенних локаций.

Стихотворение изобилует высокой лексикой: *2 чертог, 5 венец, 6 лик*. Благодаря ей речь приобретает особую торжественность и парадность. С помощью слов высокой лексики подчеркивается величественность образов, величественность картин природы.

Автор использует три явных сравнения: *4 как на выставке картин, 5 как венец на новобрачной, 8 словно в золоченых рамах*, но также в стихотворении присутствуют и скрытые сравнения: *2 сказочный чертог, 6 лик березы – под фатой, 7 погребенная земля под листвой*. Данный тип сравнения достаточно емко и точно, он запускает процесс фантазии, подталкивает к визуализации образов. Реализуется это благодаря использованию в качестве сравнения имен существительных. Именно это и помогает сконцентрировать внимание на теме стихотворения.

Уже в четвертом четверостишии тема перестает быть только лирической, внимательный читатель заметит метафору «погребенная земля». Тем самым Пастернак хотел показать, что осень – закат человека, то время, когда необходимо задуматься о прожитой жизни и о переходе в иной мир. Опавшие листья – это итог земной суеты, выполненных дел, они уже все окончены и остается только попрощаться с земным бытием.

Согласно «Частотному словарю русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной [4], самой частотной частью речи в русском языке является имя существительное (26,65 %). Как видим, в исследуемом нами стихотворении 65,5 % всех слов составляют имена существительные, что подтверждает и превышает данные «Частотного словаря русского языка» Л. Н. Засориной практически в 2,5 раза. Этот факт свидетельствует о важной роли имен существительных в пейзажной лирике.

Таким образом, в стихотворении Б. Пастернака «Золотая осень» явно видна главенствующая роль имен существительных. С их помощью автор раскрывает тему и идею произведения. Следовательно, имена существительные обеспечивают тематическое единство и полноту раскрытия темы текста, передают различные смысловые оттенки содержания. Textoобразующая роль имен существительных в данном стихотворении проявляется и в их способности придавать тексту определенную структуру, необходимую композиционную форму. Конечно же, имена существительные активно участвуют в создании изобразительно-выразительного аспекта стихотворения. В результате лингвистического анализа имен существительных в стихотворении выстроилась целая языковая картина мира автора.

Список использованной литературы

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с. – Режим доступа: <https://ozhegov.info/slovar/>. – Дата доступа: 02.04.2023.
2. Пастернак, Б. Л. Стихотворения и поэмы [Электронный ресурс] / Б. Л. Пастернак. – Л. : Совет. писатель, 1977. – 608 с. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/pasternak_stikhotvoreniya_i_poemy_1977__ocr.pdf. – Дата доступа: 25.03.2023.
3. Русский язык : учеб. для 10 кл. / Л. А. Мурина [и др.] – 2-е изд. – Минск : Нац. ин-т образования, 2015. – 289 с.
4. Частотный словарь русского языка / Л. Н. Засорина [и др.]. – М. : Рус. яз., 1977. – 936 с.

[К содержанию](#)

П. А. РОКИТСКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА М. КУЛЕША)

Брестчина – это творческий край, который дал белорусской литературе много ярких имен. Е. Янищиц, Н. Матяш, Р. Боровикова, М. Рудковский, А. Каско, А. Рязанов и многие другие мастера слова внесли свой вклад в сокровищницу не только региональной, но и национальной литературы. Следовательно, необходимо подчеркнуть, что «региональная литература – это не «литература второго сорта», она часть интересной, богатой и великой отечественной литературы» [2]. Поэтому нужно изучать

творчество брестских авторов, раскрывая особенности содержания и языка их произведений.

Среди современных поэтов Брестского региона выделяется Михаил Иванович Кулеш. Он родился в 1956 г. в деревне Полкотичи Ивановского района, начал писать стихи с 15 лет. В 1978 г. окончил филологический факультет БГУ, работал учителем, завучем, директором в различных учреждениях образования. Автор поэтических книг «Белые ночи» (1993), «Окна» (2011), «Я уже не тот...» (2015). Является членом Союза писателей республики Беларусь, Союза писателей Союзного государства России и Беларуси, Международной ассоциации писателей и публицистов. Сейчас он живет в Бресте и работает в средней школе № 10, где ведет литературный кружок «В десяточку». Награжден медалями Максима Богдановича и «За большой вклад в литературу» [1].

Поэзия М. И. Кулеша привлекает внимание разнообразием образов. Источниками вдохновения для него служат древнегреческая мифология, христианская религия, латинский и белорусский языки.

Так, автор часто употребляет трансформированный фразеологизм *кануть в Лету*, что значит ‘навсегда исчезнуть’: *А первая далекая любовь // Пусть белой яхтой **растворится в Лете** («Не тешь себя надеждой»); **Стекает в Лету високосный год** («Конец високосного года»).*

В стихотворении «Галатей» он обращается к древнегреческому мифу, сравнивая себя со скульптором Пигмалионом, полюбившим свое идеальное творение, а возлюбленную – с Галатеей: *Ты моя **Галатей** прекрасная, // Я твой преданный **Пигмалион**.*

Невозможно не заметить тяготение души поэта к религиозной тематике: он часто прибегает к употреблению в своих произведениях церковной лексики: *Пью по капельке новый рассвет, // Как святое вино на **причастье** («Встречаю рассвет»); **Смирненно на Голгофе смерть приняв, // Наш Бог, Иисус Христос воскрес из мертвых; И Божья благодать сошла с небес; Явился миру светлый праздник Пасхи, // Великдень, как в народе говорят** («Христос воскрес»).*

Желая подчеркнуть свою принадлежность к белорусскому народу, М. И. Кулеш использует в своих стихах белорусизмы: *Я потомок **дрыгавичей, я полешук / Памяркоўны бульбаи-беларус** («Белорус»).*

Автор также умело использует в своем творчестве латинизмы: *Пословица «**Via es vita**», / Что значит «дорога есть жизнь»; **Longa via es, друг мой, *propere*** («Дорога дальняя – спешите!») – из стихотворения «Время не ждет». В качестве названия стихотворения «*Non sum qualis eram*» он выбрал фразеологизм со значением ‘я уже не тот, что был раньше’.*

В творчестве Михаила Кулеша наблюдаются определенные фонетические и лексико-грамматические особенности. Например, в стихотворении

«Кукушка» он использовал аллитерацию на [к] и [ш]: *Знаем, ты кукушá укокошила*. В сочетании с разговорным характером слова *укокошила* выражается общенародное негативное отношение к кукушке как нерадивой «жене» и матери. В строках *Прекрати, не куй мне, пожалуйста! // Я боюсь, как бы ты не накаркала* слово *куй* употребляется как производное от *ковать* и *куковать*, поскольку кукушка, по мнению автора, кует несчастье человеку. Эта мысль подчеркивается использованием слова *каркать* в двух его значениях одновременно:

1) ‘о вороне: кричать, издавать звуки, похожие на «кар»’ – в этом значении глагол *каркать* переключается с глаголом *куковать*, поскольку оба обозначают звуки, издаваемые птицами;

2) *перен.* ‘говорить, предвещая что-нибудь неприятное’ – это разговорное неодобрительное значение более характерно для приставочного глагола *накаркать*, употребленного в стихотворении.

В произведении «Перекресток» автор строит метафорический ряд на трансформации синонимичных фразеологических единиц *поставить крест* и *подвести черту* со значением ‘закончить, завершить что-либо’: *Наших встреч с тобой любимый перекресток // Лег крестом на все, что связано с тобой; Поперечная дорога перекрестка // Подвела за мной прощальную черту*.

Грамматическим изменениям подверглось слово из стихотворения «Середина зимы»: *Еще пол-зимы впереди, // А будет она – пол-зима?* *Пол-зимы* – сложное слово, восходящее к словосочетанию *половина зимы*, в котором главное слово управляет зависимым и требует его употребления в родительном падеже. Грамматически неверное имя существительное *пол-зима* выполняет художественную функцию: это описание зимы, которая наступила лишь по календарю, а дождливой погодой больше напоминает осень. Автор выражает надежду, что вторая половина зимы будет не такой, как первая, а настоящей, о чем свидетельствует употребление дефисов в словах *пол-зимы* и *пол-зима*, хотя по нормам орфографии эти слова пишутся слитно.

Отступления от норм сочетаемости языковых единиц также являются необычным средством создания образности в поэзии М. Кулеша. Так, в стихотворении «Что вытворял?» глагол *отшуметь* сочетается с местоимением 1-го лица: *Я отшумел... но так приятно греет, // Как ностальгия, память о былом*. Обычно указанный глагол используется по отношению к природным явлениям (*гроза отшумела*) либо деревьям (*дуб отшумел*), но не по отношению к человеку. Ассоциируя себя с природой, деревом, автор одновременно подчеркивает свой зрелый возраст и указывает на свою активную и беспокойную молодость.

Таким образом, Михаил Иванович Кулеш как яркий представитель региональной поэзии Брестчины использует разнообразные приемы и средства создания образности. Он тонко чувствует слово, что делает его стихи оригинальными и неповторимыми.

Список использованной литературы

1. Кулеш, М. И. Стихи [Электронный ресурс] / М. И. Кулеш // Лит. портал Стихи.ру. – Режим доступа: <https://stihi.ru/avtor/kulesh56>. – Дата доступа: 15.04.2023.
2. Уланова, Н. В. Авторская программа по региональной литературе [Электронный ресурс] / Н. В. Уланова. – Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/296/573.php>. – Дата доступа: 08.05.2023.

[К содержанию](#)

И. В. РОМАНЕНКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – С. С. Клундук, канд. филол. наук, доцент

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ АВТОРСКОГО ДИСКУРСА Т. ШЕЛАМОВОЙ

Лингвостилистические ресурсы играют важную роль в создании эффективных медиатекстов. Грамотное использование широкого спектра средств помогает читателю легко декодировать и запомнить информацию. Эмпирической базой для данного исследования послужили публикации в разных жанровых моделях корреспондента регионального издания «Вечерний Брест» (далее – ВБ) Т. Шеламовой. Авторский дискурс этого журналиста отличается четкой и детальной формулировкой мыслей, яркими характеристиками описываемых событий и персонажей, глубиной и точностью анализа.

В статье «*“Ноль” по Букингу*» (ВБ. 15.07.2022. С. 2) Т. Шеламова рассуждает о замещении ушедших из Беларуси интернет-сервисов Booking.com и Airbnb отечественным порталом Vetliva. Автор исследует причину, почему белорусский сервис никак не приживается в освободившейся нише туристических услуг. Для придания тексту выразительности корреспондент использует прилагательные *добровольная* (отставка), *активный* (выход), *удачным* (названием), *амбициозным* (заголовком), *докоронавирусный* (2019 г.), которые в целом выражают позитивное отношение Т. Шеламовой к новому сервису и в то же время передают ее осторожные выводы на счет успешности и перспектив портала. Журналист прибегает к мнению экспертов, например хозяйки агроусадьбы «На Заречной улице» А. Поликарпук, которая говорит о *«громоздкой*

и нерасторопной структуре» неконкурентного Vetliva. Автор использует прямую речь с целью воздействия на читателя и формирования его мнения.

Материал Т. Шеламовой «*Хруст французской булки*» (ВБ. 21.10.2022. С. 3), опубликованный ко Всемирному дню круассана, – история распространения и популярности круассана. Автор описывает видовое разнообразие данного продукта и его стоимость в объектах торговли не только Бреста, но и в других странах. С этой целью журналист активно применяет разнообразные средства, например: прилагательные (*популярному* полумесяцу, *свежевыпеченные, двухцветный, самые вкусные и свежие круассаны, хороший круассан – дорогой круассан, хрустящий полумесяц, теплый хрустящий пышный румяный круассан*), перифразы (*гастрономический символ Франции*), олицетворения (*он победным маршем прошел по всем странам; месье круассан; круассан незамедлительно отомстит*). Также в тексте есть слова и выражения разговорно-просторечного характера (*кондитерки; профессиональная чуйка; а удовольствие – это про «чуть-чуть» и «как-то раз»*) и официально-делового стиля (*среднемесячная зарплата составила; средняя стоимость; массовому потребителю*), употребляются вводные и вставные конструкции. Все средства в сочетании друг с другом помогают создать особый стиль дискурса, узнаваемый и свойственный только Т. Шеламовой.

Богатым на языковые средства выразительности оказался репортаж Т. Шеламовой «*Лед и пламень “Берестейских саней”*» (ВБ. 14.01.2022. С. 3), в котором рассказывается о масштабном трехдневном фестивале-ярмарке, прошедшем в Бресте в январе 2022 г. Заголовок содержит антитезу «*лед и пламень*», которая является частью известной фразы из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (*Они сошлись: вода и камень, Стихи и проза, лед и пламень...*). Т. Шеламова употребляет уменьшительно-ласкательные слова (*часиков, елочка, лавочка, заслуженные «сердечки»*), много эпитетов, метафор и синонимов с целью эмоционального воздействия на читателя и образной передачи атмосферы фестиваля: *белые улицы* (снежные улицы), *неизгладимое впечатление, парадная композиция, зеркальные исполины, креативную составляющую, сказочную инсталляцию, живую фигуру* (человек-скульптура), *ярким акцентом гулянья*. Корреспондент задействовала восклицательный знак для выражения своего восхищения «*и было ради чего!*», вводные конструкции (*к сожалению, конечно*), которые указывает на авторскую оценку ситуации, элементы разговорного стиля и оценочные наречия (*толпы людей, очень хороша, это было очень кстати, любопытно, непосредственно*). Данные ресурсы служат для реализации в первую очередь эмотивной коммуникативной стратегии.

Применение воздействующей стратегии – это «конек» Т. Шеламовой. В заголовках журналист часто использует графико-орфографические элементы – выделение части слова или всего слова прописными буквами, тем самым делая заголовки более заметным, притягивающим и акцентирующим внимание на конкретном объекте описания: «*ПИЛОТируемый обед*» (ВБ. 23.12.2022. С. 2), «*Свои КРОВные*» (ВБ. 08.04.2022. С. 2), «*КРЕСТный ход*» (ВБ. 01.04.2022. С. 1). Нередко употребляются интертекстуальные вкрапления – трансформированные фразеологизмы, пословицы, поговорки, афоризмы и другие выражения: «*Хворь на выдумки хитра*» (ВБ. 04.02.2022. С. 1), «*Ход пешкой*» (ВБ. 25.03.2022. С. 4), «*Лед и пламень “Берестейских саней”*» (ВБ. 14.01.2022. С. 3).

В отчете «*Лаваш, пахлава и люля-кебаб*» (ВБ. 10.06.2022. С. 8) о XIII Республиканском фестивале национальных культур в Гродно Т. Шеламова также использует много средств выразительности, среди которых и тропы, и элементы разговорного стиля, и устаревшая лексика: *зажигательные цыганские мелодии, новые переживания, свежие чувства, яркие впечатления, бесконечные потоки людей, фестиваль не разочаровал, пели и плясали, с народным задором, очередь за деликатесом смотрелась «длинным хвостом», жаждущие новых вкусов, что-то знакомое, с нотками детства, кушанья, лакомство*. Все это способствует живости описания, созданию эффекта присутствия и запоминающегося образа фестиваля, т. е. автор использует репортажный метод изложения информации с целью притягивания внимания читателя. В результате отчет получился очень ярким, несмотря на принадлежность к информационным жанрам журналистики.

Дискурс Т. Шеламовой не только информирующий о происходящих событиях, но и показывающий их эмоциональную составляющую и способствующий целостному восприятию действительности. Это отражено и в рецензии на спектакль молодого режиссера театра кукол Аси Яковлевой по трактату Леонардо да Винчи «О науке и искусстве» – «*Как Леонардо зажигает Большую Медведицу. А его Джоконда машет ручкой*» (ВБ. 04.11.2022. С. 8). Свои восторженные впечатления Т. Шеламова передает через описание действия на сцене, используя самые разные средства выразительности: «*риск сумасшедший*», «*фигурка Человека появляется на сцене в рассеянном свете, ...тем самым вызывая единственную ассоциацию его божественного происхождения*», «*визуального наслаждения*», «*красив духовно*», «*постановка не сваливается в назидание*», «*эпизод как камертон*», «*и начинаются превращения и волшебства*», «*сильный эффект*», «*нынешние дети очень чувствительны к красоте*», «*это было так просто и одновременно классно*», «*детский зал, не отдавая себе отчета, на этом месте хором выдохнул восхищенное “ах”*».

С помощью эпитетов, метафор, сравнений, инверсий, гипербол, фразеологизмов, вкраплений разговорного стиля и других стилистических ресурсов журналист выражает свое отношение к предмету обсуждения (спектаклю), передает весь спектр впечатлений, обращает внимание читателя на яркие явления театральной постановки и тем самым удачно реализует воздействующую и эмотивную коммуникативные стратегии.

Таким образом, специфика дискурса Т. Шеламовой проявляется благодаря уникальному авторскому способу языкового выражения – применению разнообразных лингвистических ресурсов, которые формируют особый журналистский идиостиль, репрезентирующий не только социально важную информацию, но и эмоциональную составляющую событий, явлений, а также оценку, настроение самого журналиста.

[К содержанию](#)

Д. В. САЎЧУК

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – Л. В. Леванцэвіч, канд. філал. навук, дацэнт

ЛЕКСЕМА *РУДА*: ЛІНГВІСТЫЧНЫ АСПЕКТ

Для лінгвістычнага аналізу намі ўзята моўная адзінка *руда*. Здабыванне руды было неад’емнай часткай быцця, жыццядзейнасці і свядомасці беларусаў. На тэрыторыі сучаснай Беларусі існавала рудная справа – вытворчасць жалеза з балотнай руды, хімічная і механічная яе апрацоўка. Лічыцца, што да сярэдзіны XIX ст. кавалі дзейнічалі толькі там, дзе даўней выплаўлялі жалеза з руды, а таксама ў мястэчках. Балотная руда з’яўлялася і стратэгічнай сыравінай. *Руду* мы адносім да этнаканцэптаў пры вызначэнні моўнай карціны свету жыхароў Брэсцка-Пінскага Палесся, бо тут найбольш быў развіты рудны промысел, што можна пацвердзіць тапанімічным матэрыялам. Характэрныя, важныя рэаліі пэўнага часу, у нашым выпадку рудны промысел, захоўваюцца ў тапанімічных назвах. Шмат вёсак з асновай *руд* і вытворнымі ад яе знаходзіцца на Палессі. «Згодна з гістарычнымі і этнаграфічнымі крыніцамі, рэшткі руды, кучы жалезных шлакаў, попел, сляды печы, якія выяўляюцца ў ваколіцах мноства Рудняў, даказваюць, што паселішчы з такімі назвамі ўзніклі ў тых мясцінах, дзе раней здабывалі з балотнай руды метал» [2, с. 280].

Найбольш поўна і ўсебакова лексема выяўляе свае значэнні пры аналізе яе як канцэпту. Паняцце канцэпту фарміравалася на працягу некалькіх апошніх дзесяцігоддзяў і на сучасным этапе ўжо атрымала свой навуковы змест, які раскрываецца ў межах праблемы «мова – культура –

чалавек». Нягледзячы на разнастайнасць падыходаў, навуковае асэнсаванне данага тэрміна злучае ў сабе значымыя характарыстыкі, звязаныя з культурай і ментальнасцю народа. Канцэпт *руда* прыналежыць да ўніверсальных паняццяў моўнай свядомасці асобы і службыць складнікам моўнай карціны свету беларусаў-палешукоў. У артыкуле паспрабуем выявіць вобразны і паняццыйны змест лексемы *руда*.

Любыя дадатковыя значэнні слова цесна звязаны з асноўным паняццыйным значэннем. Для лексемы *руда* – гэта ‘прыродна-мінеральная сыравіна, якая змяшчае ў сабе металы або іх злучэнні’ [9, с. 720].

Слова даволі стражытнае і раней мела значэнне ‘кроў’. Цікавым з’яўляецца факт, што ў некаторых гаворках жывой народнай беларускай мовы лексема *руда* ўжываецца ў значэнні ‘кроў’ [10, с. 178].

У беларускай нацыянальнай літаратурнай мове ад асновы *руд-* існуюць шматлікія вытворныя лексемы: *рудзець* – рабіцца рудым; *рудзянец* – лекавая расліна; *рудавусы* – з рудымі вусамі; *рудабароды* – з рудой барадой; *рудавалосы* – з рудымі валасамі; *рудаваты* – трохі руды; *рудавоз* – баржа, на якой возяць руду; *рудакоп* – горнарабочы ў рудніку; *руданоснасць* – уласцівасць руданоснага; *руданосны* – які змяшчае ў сабе залежы руды; *рудапрамывальны*, *рудапрамывачны* – які мае адносіны да ачысткі руды вадой; *рудаўка* – балотная рыжая вада; *руднік* – сістэма збудаванняў для здабычы карысных выкапняў; *рудны* – які мае адносіны да руды; *рудня* – прамысловае прадпрыемства, дзе здабывалі або плавілі руду; *рудстойка* – крапёжны лес; *руды* – рыжа-карычневы і інш.

У народна-дыялектнай мове, як фіксуюць слоўнікі розных гадоў, існуюць і такія адзінкі: *рудзяны* ‘брудны’ [4]; слова *руда* мае тры значэнні – ‘руда’, ‘гразь’, ‘кроў’; *рудамедны* ‘бруднамедны’; *рудзяк* ‘мінерал’ «орштейн»; *рудны* ‘чорны, брудны’; *рудня* ‘медны завод’ [1]; *рудзенькі* ‘загарэлы’; *рудзяны* ‘брудны’; *руднік* ‘кісель’; *рудушка* ‘грыб лісічка’ [8]; *руда* ‘гной з раны’ [5].

Тэматычныя слоўнікі беларускай мовы таксама ўтрымліваюць значную колькасць лексем з каранем *руд-*. Сярод батанічнай наменклатуры гэта: *рудамётка* ‘крываўнік’ (заўважым, зноў прасочваецца сувязь са старажытным значэннем слова *руда*) [7, с. 86]; *рудачка* ‘грыб малачай’, ‘сухая галінка хвоі або елкі з рудой ігліцай’ [7, с. 271, 396]; *рудзік* ‘шчаўе лугавое’, ‘грыб рыжык’ [7, с. 132, 285]; *руды*, *рудзяк* ‘грыб малачай’ [7, с. 271]; *руды беразняк* ‘падбярэзавік чорны’ [7, с. 253]; *рудка* ‘вавёрка’ [3, с. 17]; *руды* ‘масць жывёлы’ [3, с. 172].

Тэматычны слоўнік «Чалавек» утрымлівае найбольшую колькасць лексем, звязаных з паняццем ‘колер’ – *рудаваты*, *рудзік*, *рудзіла*, *рудзька*, *рудуха*, *руды*, *рудак* ‘чалавек з рыжымі валасамі’ [10, с. 242]; *рудацінне*, *рудзенне*, *рудзякі* ‘вяснушкі’ [10, с. 167]; *руды* ‘васпаваты, рабы’ [10, с. 204];

а таксама *рудзіля* ‘гультай, лянiвы’ [10, с. 367]; *рудзянка, руды* ‘нехайны’ [10, с. 225].

Як бачым, словаўтваральнае гняздо даволi значнае, што сведчыць пра важнасць руднай справы для жыццядзейнасцi i культуры беларусаў. Само слова *руда* мае розныя, нават супрацьлеглыя, у суадносінах добры/дрэнны, значэннi: ад адценняў колеру да бруду i хваробы.

Экстралiнгвістычны (гiстарычны, геаграфiчны, промыславы, сацыяльны) фактар паўплываў на ўтварэнне тапонiмаў Беларусi i асаблiва Палесся з яго шматлiкімі балотамi. На Беларусi налiчваецца больш за сто назваў населеных пунктаў, якія суадносяцца з апелятывам *руда/рудня*. Сярод iх асобна вылучым простыя па структуры назвы, а гэта: *Руда, Рудка, Рудня, Рудавец, Рудавіцы, Руднiца, Рудзенск, Рудзiха, Рудзiца, Рудзiшча, Рудкаўшчына, Руднаўка, Рудая, Руднае, Рудакi, Рудзеўшчына, Рудаўляны, Рудзi* i iнш. [6].

Намi зафіксаваны ўсяго чатыры складаныя назвы: *Рудабелка, Рудашэйка, Рудабельцаў, Рудня-Астравiты*.

Састаўныя назвы, магчыма, сведчаць пра ўладальнiкаў рудняў цi тых асоб, якія жылі побач, бо у складзе тапонiма частыя антрапанiмiчныя ўтварэннi. Так, iснуюць *Рудня Глебава, Каменева, Жыгальская, Жураўлёва, Дудзiцкая, Гарбаўiцкая, Віктарынская, Бурыйцкая, Бронская, Барталамеўская, Антонаўская, Пiльнянская, Завiшынская, Нiсiмкавіцкая, Прыбыткаўская, Споницкая, Стаўбунская, Налiбацкая, Удалёўская, Целяшоўская, Лазоўская*, а таксама *Руда Лiпiчанская i Яварская* [6].

Такiм чынам, у змесце лексемы *руда* можна вылучыць наступныя семы ‘кроў’, ‘сыравiна’, ‘колер’, ‘хвароба’, ‘гультайства’.

Спiс выкарыстанай лiтаратуры

1. Байкоў, М. Я. Беларуска-расійскi слоўнiк / М. Я. Байкоў, С. М. Некрашэвiч. – Факсiмiл. выд. – Мiнск : Нар. асвета, 1993. – 361 с.
2. Валасенка, А. Назвы аб’ектаў руднага промыслу на Палессi / А. Валасенка // Комплекснае даследаванне фальклору i этнакультуры Палесся : матэрыялы другой Мiжнар. навук. фальклор.-этналiнгвiст. канф., Мiнск, 14–15 крас. 2005 г. / уклад. В. Лiцьвiнка. – Мiнск : БДУ, 2005. – С. 279–281.
3. Жывёльны свет : тэат. слоўн. / склад. В. Д. Астрэйка [i iнш.] ; навук. рэд. Л. П. Кунцэвiч, А. А. Крывiцкi. – Мiнск : Беларус. навука, 1996. – 239 с.
4. Каспяровiч, М. Вiцебскi краёвы слоўнiк (матэрыялы) / М. Каспяровiч. – Смаленск : Инбелкульт, 2015. – 371 с.
5. Мова Сенненшчыны : дыялект. слоўн. : у 2 т. / Нац. акад. навук Беларусi, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы i лiт., Ін-т мовы i лiт. iмя Якуба Коласа i Янкi Купалы ; уклад.: Н. М. Бунько [i iнш.] ; навук. рэд. В. М. Курцова, Л. П. Кунцэвiч. – Мiнск : Беларус. навука, 2015. – Т. 2. – 407 с.
6. Рапановiч, Я. Н. Слоўнiк назваў населеных пунктаў... [па абласцях] / Я. Н. Рапановiч. – Мiнск : Навука i тэхнiка, 1977–1986. – 346 с.

7. Раслінны свет : тэмац. слоўн. / В. Д. Астрэйка [і інш.] ; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А. А. Крывіцкі. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 655 с.

8. Сцяшковіч, Т. Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці / Т. Ф. Сцяшковіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 670 с.

9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: К. К. Атраховіч (агул. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.

10. Чалавек : тэмац. слоўн. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; склад. В. Д. Астрэйка [і інш.] ; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А. А. Крывіцкі. – Мінск : Беларус. навука, 2006. – 573 с.

[К содержанию](#)

С. В. САЎЧУК

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – С. Ф. Бут-Гусаім, канд. філал. навук, дацэнт

ІМЕНАСЛОЎ РАМАНА ЗІНАІДЫ ДУДЗЮК «СЫНЫ РАРОГА»

Прадметам мастацкага аналізу ў гістарычным прыгодніцкім рамане Зінаіды Дудзюк «Сыны Рарога» стала адна з невядомых старонак даўняй славянскай гісторыі. Пісьменніца ўзнаўляе падзеі процістаяння славянскага племені рарогаў Франксаму каралеўству. Аўтарка не толькі малюе драматычныя падзеі і постаці мінулага, яна тонка перадае асаблівасці светаадчування і мыслення старажытных славян. Вырашэнню гэтай мастацкай задачы спрыяе ўмелае выкарыстанне вобразна-выяўленчых магчымасцяў уласных імёнаў.

Галоўнае месца ў анамастычнай прасторы твора З. Дудзюк займаюць *антрапонімы*. У ліку персанажаў найперш рэальныя гістарычныя асобы. *Онімы-сучаснікі* – найменні гістарычных дзеячаў, жыццё якіх прыпадае на час разгортвання падзей твораў: князь абадрытаў *Дражка*, кароль Франкіі *Карл*, імператрыца Візантыі *Ірына* і яе сын *Канстанцін*, папа рымскі *Леў III*, вучоныя Палацінскай акадэмі *Алкуін*, *Адальгард*, *Паўлін Аквілейскі*, *Тэадульф Эрманскі*.

У разважаннях герояў рамана «Сыны Рарога» Карла і Алкуіна пра мінулае свету ўжыты *онімы-рэтраспекцыі*: імёны князя абадрытаў *Віцьслава*, караля Франкскага каралеўства *Піпіна Кароткага*, папы рымскага *Адрыяна*, мудрацоў і вучоных *Аўгусціна*, *Цыцэрона*, *Тацыта*, апостала *Паўла*.

Іменаслоў рамана З. Дудзюк адлюстроўвае эпоху панавання язычніцкіх імёнаў, у якіх адлюстравана вера славян у паяднанасць з татэмнымі продкамі. Такія імёны ўтвараліся ад назваў раслін (*Бяроза*, *Маліна*, *Каліна*, *Вярба*, *Рэдзька*), жывёл і іх частак (*Мядзведзь*, *Заяц*, *Лось*, *Воўчае Вока*). Стваральная прырода называння праяўлялася

ў функцыянаванні так званых імёнаў-пажаданняў, якімі накрэсліваўся лёс старажытных валадароў. Імя бацькі галоўнага героя рамана «Сыны Рарога» – **Віцьслаў**. У гістарычным нарысе «Леў» З. Дудзюк піша: «Старажытныя славяне называлі словам “**віць**” лыкавы вянок, з якім ездзілі ганцы па селішчах і склікалі сапляменнікаў на вайну. Гэта быў такі ўмоўны знак для сваіх, які славяне разумелі без слоў. Як толькі з’яўляліся коннікі з лыкавым вянком на дзідзе – збірайся ў паход» [1, с. 9]. Выклад рэальных гістарычных падзей у рамана «Сыны Рарога» раскрывае сэнс імя князя абадрытаў, які правёў сваё жыццё ў ваенных паходах і загінуў на полі бою. Вядун Святаслаў так раскаванне маладому князю пра **Віцьслава**: *«Твой бацька Віцьслаў, светлая ягоная памяць, не здолеў утрымаць раўнавагу. Спачатку пасварыўся з саксамі з-за нейкай дробязі: недзе ў моры нашы хлопцы з саксамі не паладзілі на маладой дурноце. Тыя адказалі ўзаемнасцю, пачалі рабіць набегі. Тут франкі адгукнуліся, быццам памагчы твайму бацьку, а на самай справе адзін Вялес ведае, што мелі на мэце, бо пачалі тых саксаў, як шалёныя сабакі, шкуматаць, заадно і за люцічаў узяліся ды яшчэ паклікалі твайго бацьку на іх баку супраць суседніх славянскіх плямёнаў выступіць»* [2, с. 30].

Імёны ў старажытным грамадстве былі сацыяльна інфарматыўнымі. Так, героі рамана «Сыны Рарога», якія з’яўляюцца прадстаўнікамі вышэйшых саслоўяў, маюць складаныя імёны: князі **Готслаў**, **Славамір**, **Драгавіт**, княгіня **Радміла**, вядун **Святаслаў** і інш. У такіх паэтонімах адлюстравана найстаражытнейшая традыцыя імяслоўя. Празванні ўтрымлівалі пажаданне чалавеку стаць вялікім, магутным, моцным, слаўным валадаром або святаром. Імёны прадстаўнікоў ніжэйшых саслоўяў уяўляюць сабой адапелятыўныя празванні-мянушкі **Бяроза**, **Агнян**, **Злаціца**, **Лілея**.

Імёны ў старажытным грамадстве былі паказчыкамі роднасці і сваяцтва. У адпаведнасці са звычаем суйменавання прадстаўнікі адной сям’і мелі імёны, якія ўтрымлівалі агульны структурны кампанент: *«Твой дзед лічыў князя люцічаў Драгавіта сваім родзічам, імя табе даў невыпадкава з той жа племянною назваю Дражка. Ды і твой сын атрымаў імя Чаладраг па запавеце дзеда»* [2, с. 30]. Кампанент **Драг-** у перакладзе са старажытнаперсідскай мовы, як піша З. Дудзюк, азначае ‘другі, іншы, варожы’ [2, с. 30]. Кантэкст твора ажыўляе этымалагічную семантыку празванняў князёў: плямёны, узначаленыя імі, былі *«варожыя франкам і іх саюзнікам, сустракалі іх вайною, даймалі і трывожылі»* [2, с. 31].

Героі рамана, славянскія князі, падарожнічаюць па свеце, наведваючы Візантыю, каралеўства франкаў. Інфармацыю пра нацыянальную прыналежнасць персанажаў-іншаземцаў – візантыйцаў (**Ірына**, **Канстанцін**, **Пётр**), франкаў (**Эбібурыс**, **Хільдэгарда**, **Ратруда**, **Хімільтруда**) – нясуць іх імёны.

Анімізм светаўспрымання славян-язычнікаў перадаецца праз насычэнне моўнай тканіны рамана *міфонімамі* – назвамі багоў і духаў. Прамень сонца, крык птушкі, радасныя і трагічныя падзеі ў жыцці з’яўляюцца, як лічылі нашы продкі, праявамі звышнатуральных сіл, якімі насычаны навакольны свет: «*Лета буяла. У вершалінах пераклікаліся птушкі, мо і Русалкі ўпляталі свае галасы ў тыя спевы. Лесавік, напэўна, сачыў за кожным, хто з’яўляўся ў ягоных уладаннях. Шчодрое сонца не шкадавала цяпла*» [2, с. 28].

Нашы продкі разумелі імя матэрыяльна, як неад’емную частку іменаванага, верылі ў тое, што імя прадвызначае лёс чалавека, роду, племені. Сляды пакланення нашых продкаў язычніцкім багам *Вялесу* і *Рарогу*, заступнікаў славян, можна было знайсці ў даўніх назвах паселішчаў (*тапонімах*) і найменнях плямён (*этнонімах*): «*Гарадзішча было не надта вялікае, разлічанае на князя, прыбліжаных да яго людзей ды княскую дружыну. Не ўсе маглі даўмецца, што гарадзішча Вялегард ўзяло назву ад Вялеса – менавіта выява галавы гэтага бога красавалася на княскіх харугвах і на галоўнай браме ўмацавання. Іншы раз на сцягах можна было ўбачыць яшчэ і выяву бога Рарога, вогненнага сокала, які каменем кідаецца на здабычу. Гарадзішча акалялі іматлікія селішчы. Слабада гандляроў, якая называлася Рарог, штогод павялічвалася, таму ваколіцы Вялегарда памалу пашыраліся*» [2, с. 29]; «*Рарогі – сыны вогненнага сокала, які аберагае наша племя спрадвеку, усяляе адвагу ў душы, дае сілу, веру і надзею. Далёка сягалі нашы продкі на моры і на сушы, нават даны плацілі нам даніну ў свой час*» [2, с. 31].

Сродкам адлюстравання хранатопу твора з’яўляюцца геаграфічныя найменні. Часам у аўтарскіх каментарых тлумачыцца паходжанне тапонімаў: «*Дзіва, што селішча некалі было славянскае, Медабор называлася, а яны в Магдэбург перарабілі, цяпер ужо саксаскае ці франкскае*» [2, с. 38]. У ліку ўстарэлых геаграфічных назваў вылучаюцца *археонімы* – старажытныя найменні існуючых у сучасным грамадстве рэалій: *Лаба* (сучасн. *Эльба*), *Свейскае мора* (*Балтыйскае*). *Гістарыёнімы* – найменні рэалій, якія зніклі з геаграфічнай і палітычнай карты: *Візантыя*, *Свяшчэнная Рымская імперыя*, *Аквітанія*, *Лангабардскае каралеўства*, *Франкскае каралеўства*. Для абазначэння прасторы «таго» свету выкарыстоўваецца онім *Вырай* – цудоўная мясціна, куды ляцяць душы памерлых: «*Такі быў звычай: пайсці ў Вырай разам, каб больш ніколі не разлучацца. Асірацелья дзеці заставаліся працягам іхняга жыцця*» [2, с. 37].

Такім чынам, у творы Зінаіды Дудзюк па-мастацку адлюстравана адчуванне старажытным чалавекам свету праз імя – неад’емны складнік асобы, які праграмуе лёс, звязвае з татэмным продкам, абараняе чалавека ад злых сіл, аб’ядноўвае з сям’ёй, родам, племенем.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Дудзюк, З. Сыны Рарога / З. Дудзюк // Маладосць. – 2023. – № 4. – С. 28–57.
2. Дудзюк, З. Леў : гіст. нарыс / З. Дудзюк. – Мінск : Літ. і мастацтва, 2011. – 192 с.

[К содержанию](#)

А. Ю. СКУБИЛИНА

Минск, МГЛУ

Научный руководитель – Т. А. Козлова, канд. филол. наук

МОТИВИРОВАННОСТЬ НАИМЕНОВАНИЙ ДЕТАЛЕЙ АВТОМОБИЛЯ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Изучение мотивированности обозначения деталей автомобиля в британском варианте английского языка и в русском языке помогает понять, какие знания о предмете фиксируются в его наименовании в различных культурах.

Материалом исследования выступают 45 английских обозначений деталей автомобиля, представленных в толковом словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» [3, с. 409] и 47 русских обозначений, представленных в словаре «Толковый онлайн-словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой» [1].

Анализ этимологии наименований деталей автомобиля проводился на основании данных этимологических словарей «Online Etymology Dictionary» [4] и «Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера» [2]. Полученные данные позволили сгруппировать признаки мотивации, положенные в основу наименований деталей автомобиля в английском языке в восемь тематических групп, в русском языке – 13 тематических групп. Выявлено совпадение семи тематических групп:

1) «Природные явления» (17 единиц в английском языке и 8 единиц в русском языке): *fog light* ‘противотуманная фара’ – от соединения слов *fog* ‘густой туман’ и *light* ‘свет’; *габаритный фонарь* – слово *фонарь* образовано от древнегреческого *phanos* ‘свет’;

2) «Материальные объекты» (13 единиц в английском языке и 6 единиц в русском языке): *seat* ‘сиденье’ – от древнеанглийского *sete* ‘предмет, на котором можно сидеть’; *тормоз* – от греческого *τόρμος* ‘то, что вставлено в отверстие, затычка, гвоздь, колышек’;

3) «Одежда» (9 единиц в английском языке и 4 единицы в русском языке): *boot* ‘багажник’ – от старофранцузского *bote* ‘ботинок’; *капот* – от французского *capot* ‘плащ с капюшоном’;

4) «Части тела человека или животного» (по 8 единиц в английском и русском языках): *horn* ‘звуковой сигнал’ – от древнеанглийского *horn*

‘рог животного’; *педадь газа* – слово *педадь* образовано от латинского *pedālis* ‘ножной’, из *pes* ‘нога’;

5) «Наименования действий» (8 единиц в английском языке и 15 единиц в русском языке): *windscreen wiper* ‘стеклоочиститель’ – от древнеанглийского *wipian* ‘протирать, очищать’; *рефлектор* – от латинского *reflecto* ‘обращать назад, отражать’;

6) «Части жилища» (по 3 единицы в английском и русском языках): *roof* ‘крыша’ – внешнее верхнее покрытие дома или другого сооружения; *дверь* – «проем в стене для входа в какое-либо помещение или выхода из него» [1];

7) «Измерения» (2 единицы в английском языке и 4 единицы в русском языке): *speedometer* ‘спидометр’ – от соединения слов *speed* ‘скорость’ и *meter* ‘измерение’; *спидометр* – от английского *speed* ‘скорость’ и греческого *μέτρον* ‘мера’.

При этом в английском языке выделена одна тематическая группа, которая не представлена в русском языке, – «функция, которую выполняет деталь автомобиля» (8 единиц): *headrest* ‘подголовник’ – от соединения слов *head* ‘голова’ и *rest* ‘отдых, отдыхать’. Таким образом, функция данной детали – отдых для головы.

В русском языке установлено шесть тематических групп, не представленных в английском языке:

1) «Морские термины» (6 единиц): *антенна* – от латинского *antenna* ‘мачта, рея на корабле’;

2) «Указатели стороны» (6 единиц): *боковое зеркало* – слово *боковое* имеет основу *бок* и указывает на сторону;

3) «Нематериальные свойства» (5 единиц): *номерной знак* – слово *номер* образовано от латинского *numerus* ‘элемент’;

4) «Сосуды» (5 единиц): *бардачок* – от турецкого *bardak* ‘горшок’;

5) «Местность» (4 единицы): *одометр* – от древнегреческого *ὁδός* ‘дорога’;

6) «Звукоподражание» (2 единицы): *брызговик*.

В случае сложного слова в английском языке единица классифицируется в группы по каждому корню: *mudflap* ‘брызговик’ – корень *mud* ‘грязь’ репрезентирует группу «Природные явления», корень *flap* ‘кусочек ткани’ – группу «Одежда». Также в русском языке, если наименование детали состоит из нескольких слов, единица классифицируется в группы по каждому слову: *фонарь заднего хода* – слово *фонарь* репрезентирует группу «Природные явления», слово *задний* – группу «Указатели стороны», а *ход* – от греческого *hodos* ‘путь, дорога’ – группу «Местность».

Стоит отметить, что наиболее многочисленные тематические группы не совпадают, так как в английском языке таковыми являются группы

«Природные явления» (17 единиц), «Материальные объекты» (13 единиц) и «Одежда» (9 единиц). В русском языке наиболее многочисленны тематические группы «Наименования действий» (15 единиц), «Природные явления» (8 единиц) и «Части тела человека или животного» (8 единиц). Наименее многочисленной тематической группой в английском языке является группа «Измерения» (2 единицы), в русском – группа «Звукоподражание» (2 единицы). На наш взгляд, выявленные несовпадения связаны с традиционным поклонением природе и признанием ее превосходства, характерными для британской культуры. Выбор соответствующего признака мотивации может отражать желание сохранить культурные традиции. Русская культура и язык наследуют представления о работе и усердии, которые выражаются в наименованиях деталей автомобиля через наименование действий и фиксацию представлений о том, какой труд закладывается при производстве каждой детали.

Таким образом, сопоставительный анализ наименований деталей автомобиля в английском и русском языках позволил установить признаки мотивации, формирующие семь совпадающих тематических групп («Природные явления», «Материальные объекты», «Одежда», «Части тела человека или животного», «Наименования действий», «Части жилища», «Измерения»); одну отличительную группу, свойственную английскому языку («Функция, которую выполняет деталь автомобиля»); шесть отличительных групп, характеризующих наименования деталей автомобиля в русском языке («Морские термины», «Указатели стороны», «Нематериальные свойства», «Сосуды», «Местность», «Звукоподражание»). Различие в количестве лексем, репрезентирующих каждую группу, свидетельствует о том, что указание на природные явления в наименовании деталей автомобиля в британском варианте английского языка связано с сильными ассоциациями и эмоциональным откликом на любовь к природе. Указание на наименование действий как признак мотивации наименований деталей автомобиля в русском языке свидетельствует о более точном и конкретном способе описания их функций и свойств.

Список использованной литературы

1. Толковый онлайн-словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/efremova>. – Дата доступа: 11.05.2023.
2. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer>. – Дата доступа: 13.05.2023.
3. Longman Dictionary of Contemporary English Third Edition / Longman Group Ltd, England. – 1995. – 1668 p.
4. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/>. – Дата доступа: 11.05.2023.

[К содержанию](#)

И. О. СТАСКЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. Н. Грицук, старший преподаватель

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ФЕНОМЕН ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Понятие «языковая игра» привлекло внимание русских лингвистов и филологов еще в конце XX в. Впервые термин «*sprachspiel*» («речевая игра») использовал австрийский философ и логик Л. Витгенштейн в работе «Философские исследования» (1945). Витгенштейн разработал концепцию коммуникации посредством языка и эволюции языка как продукта речевой деятельности. Основу языка, считал он, составляют лингвистическое поведение говорящих, их речевая практика во множестве различных жизненных ситуаций, которую он назвал «языковой игрой» [3, с. 3]. Примерно в то же время, когда концепция Л. Витгенштейна начала впервые упоминаться в научной литературе, появилась работа Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н. И. Розановой «Языковая игра» (1983). С этого времени термин «языковая игра» вышел за пределы философии языка и стал предметом изучения лингвистики.

Рассмотрим некоторые из определений понятия «языковая игра». Согласно Н. П. Павловой, языковая игра представляет собой особенный вид речевой деятельности, связанный с осознанным нарушением языковой нормы употребляемого языка [3, с. 22]. Т. А. Гридина рассматривает игру как креативную способность личности к осознанному нарушению языковой нормы с целью реализации языковых возможностей иностранного языка и создания игрового тона общения [3, с. 39]. Деструкция языковой нормы на основе создания неканонических языковых форм и структур, которая приводит к экспрессивному значению и формированию стилистического эффекта, является определением языковой игры, согласно М. Н. Кожиной [3, с. 88]. Из данных определений видно, что характерной чертой языковой игры является именно отклонение от языковых норм родного языка.

Первая попытка создания общей схемы построения языковой игры была предпринята лингвистом, специалистом в области фразеологии В. С. Виноградовым. По мнению ученого, в основе языковой игры лежат два компонента, и каждый может быть или словосочетанием, или отдельным словом. Н. Ю. Волес объясняет это следующим образом: «Первый компонент такого соединения является своеобразным «лексическим стержнем» языковой игры, ее опорным элементом, который может стать условием индивидуального словотворчества. Второй член этой конструкции – слово (или словосочетание) – результирующий компонент, представляющий собой «верхушку» языковой игры. И только после

использования второго компонента и сопоставления его со словом-образом возникает комический эффект, т. е. языковая игра» [1, с. 4–5].

Феномен языковой игры сейчас активно реализуются и развиваются в устной (детский фольклор, городской фольклор, разговорная речь), а также письменной (в художественных произведениях, публицистических изданиях) речи. Как «свободное установление и нарушение правил и предписаний, приближенное к импровизационности» [6], она иллюстрирует особенности языка, а также индивидуальные и общие качества его носителей, воспитываемых определенной культурной средой.

Языковая игра затрагивает все уровни языковой системы: фонетический, морфемный (морфология и словообразование), лексический и синтаксический. На каждом уровне этот прием имеет свои способы (формы) реализации.

Игра в языке нередко реализуется путем использования единиц фонологического уровня, что находит свое выражение в «фонетическом балагурстве» [4, с. 97], выворачивании звуковой оболочки слова. К числу наиболее распространенных фонетических приемов реализации языковой игры относятся метатеза, протеза, нарушение законов чередования согласных, замена одних звуков другими, перенос ударения, смешение литературного и диалектного произношения, ассонанс и аллитерация.

Большинство умышленных искажений речевых норм происходит на морфемном уровне и затрагивает морфологические категории, а также возможности словообразования современного русского языка. Обратимся к категории числа. Так, в разных текстах слова, выступающие обычно в единственном числе, приобретают форму множественного числа. Еще больше возможностей для языковой игры представляет категория рода. Морфологическая игра реализуется и в расширении парадигмы, приписывании иноязычным словам морфологических свойств русских слов, обыгрывании категории одушевленности/неодушевленности, отступлении от литературной нормы.

На словообразовательном подуровне игра создается на базе узуальных и неuzuальных способов деривации, например: контаминации, «обратного» и чересступенчатого словообразования, голофразиса (образование окказиональных слов от словосочетаний или предложений), аббревиации и дезаббревиации (шутливая расшифровка уже существующих сокращений).

В научном плане языковая игра есть «окказиональное расширение семантики языковых знаков». Словарный состав языка включает в себя сотни тысяч единиц, многие из которых имеют несколько значений, поэтому игровые вариации здесь поистине безграничны. Обычно обыгрываются лексическая синонимия, многозначные слова, омонимы, паронимы. Еще один яркий пример языковой игры – перенасыщение текста

заимствованной, диалектной, жаргонной, а порой и нецензурной (бранной) лексикой [3, с. 187].

Если в разговорной речи языковая игра дополняется мимикой, жестикуляцией и интонацией, то для яркого выделения ее в письменной речи используются графика и художественное оформление. Чаще всего для игры на этом уровне используются приемы, делающие возможным переосмысление синтаксической роли слова: парцелляция, синтаксическая омонимия, нарушение норм управления и согласования.

Синтаксические и лексические единицы могут обыгрываться графически, в таком случае языковая игра реализуется через приемы графикации. В. П. Изотов определяет этот термин как «способ образования слов, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т. п.)» [2, с. 76].

Внедрение языковой игры в разных типах дискурса может иметь различные цели, на основе которых можно сформулировать следующие основные функции: выразительно-эстетическая, маскировочная, защитная, развлекательная (игровая), коммуникативная. «Языковая игра – один из путей обогащения языка» [7, с. 26], т. е. пополнения его новыми формами и значениями; она развивает речь, мышление, формирует и закрепляет определенные языковые конструкции, которые расширяют возможности коммуникации.

Список использованной литературы

1. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5 изд., испр., доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.
2. Изотов, В. П. Параметры описания системы способов русского словообразования / В. П. Изотов. – Орел : Орл. гос. пед. ун-т, 1998. – 149 с.
3. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы [Электронный ресурс] / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – 5-е изд., стер. – М. : Флинта, 2015. – 296 с.
4. Норман, Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец / Б. Ю. Норман. – Минск : Выш. шк., 1987. – 222 с.
5. Попова, Т. В. Новые явления в русском словообразовании конца XX – начала XXI вв. [Электронный ресурс] // Т. В. Попова // Opera Slavica. – 2007. – Vol. 17, iss. 4. – P. 1–5. – Режим доступа: <http://hdl.handle.net/11222.digilib/117150>. – Дата доступа: 01.04.2023.
6. Редкина, Е. С. Языковая игра в новейшей русской поэзии [Электронный ресурс] / Е. С. Редкина // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-v-noveyshey-russkoy-poezii>. – Дата доступа: 20.03.2023.
7. Санников, В. З. Каламбур как семантический феномен / В. З. Санников // Вопр. языкознания. – 1995. – № 3. – С. 59.

[К содержанию](#)

И. О. СТАСКЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. Н. Грицук, старший преподаватель

**ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПОВЕСТИ М. А. БУЛГАКОВА
«СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» И РОМАНЕ Э. БЕРДЖЕССА
«ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН»**

Языковая игра является неотъемлемой чертой идиостиля М. Булгакова. Один из излюбленных комических приемов булгаковской прозы – «оживление» внутренней формы слова, буквальное прочтение переосмысленной в языке устойчивой метафоры или фразеологизма. Как отмечают исследователи современного русского языка, это один из методов карнавализации языка. Другой прием языковой игры строится на многозначности слова. Высмеивание советских реалий и нового советского языка – еще один пласт комического в творчестве писателя. В его художественном мире не должно никого удивлять, что люди не признают никакого осмысленного значения за словами, рожденными новым советским строем, противопоставляя им простой здравый смысл. Этот язык ему чужд, он относится к нему с иронией отстранения. Советский новояз оценивается как язык непонятный. Писатель выбрал путь сопереживания советским людям, и этот выбор он начинает выражать в своих произведениях с помощью еще одного ключевого приема языковой игры – кодового переключения, который прослеживается во многих произведениях писателя. Согласно Л. Фигуеро, «переключение языковых кодов (codes switching) представляет собой попеременное использование элементов нескольких языков в рамках одного коммуникативного акта» [2]. В русской лингвистике проблема переключения кодов рассматривается в комплексе с вопросами заимствования иностранных слов и теории билингвизма. Социолингвистика рассматривает переключение кодов как средство самоидентификации, преодоления барьеров и выражения независимости. В прагматической теории переключение кодов рассматривается как сознательный переход на другой язык с некоторой коммуникативной целью, как в случае акцентирования внимания на предмете обсуждения или желания завуалировать мысль. М. А. Булгаков владел украинским, французским, английским, польским, итальянским, немецким языками, что позволило сделать произведения такими насыщенными. Использование средств языковой игры, основанных на просторечных словах, иноязычных вкраплениях, каламбуре и стремлении к «дьявольщине», приводит к сатирическому характеру произведений М. А. Булгакова [1]. Следующий прием, который достаточно часто использовался Булгаковым, – игра

с прецедентными именами. Михаил Булгаков написал сатирическую повесть в 1925 г. Год этот сложный в плане цензуры, и Михаил Афанасьевич тщательно подбирал фамилии, искусно делая намеки на определенных политических лидеров. Например, фамилию профессора Преображенского литературоведы связывают с фигурой Владимира Ильича Ленина – он преобразовал Россию, проделав невероятный опыт по изменению социального строя. Об этом первыми заговорили такие булгаковеды, как С. Иоффе, а до него – американская исследовательница творчества Булгакова Э. Проффер.

Таким образом, в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» языковая игра используется как способ создания комического эффекта. Утонченная языковая игра ломает одномерную линейность текста, создает множество смыслов, обогащающих привычный семантический потенциал слова. Текст становится многослойным, и в одном контексте порой причудливо сочетаются взаимоисключающие смыслы. В микросемантике текста рождаются и поддерживаются сквозные мотивы булгаковских произведений, и языковая игра зачастую становится своеобразным средством развертывания и прогнозирования сюжета.

Энтони Берджесс (1917–1993) – английский писатель, который прославился на весь мир благодаря скандальному успеху фильма, снятого в 1971 г. режиссером С. Кубриком по его роману «Заводной апельсин» (1962). В романе, написанном от лица юного головореза Алекса, осмысляется проблема тотального насилия и свободы воли: за свои преступления берджессовский антигерой подвергается психофизическому воздействию, так что даже мысль о насилии причиняет ему невыносимую боль. Юный преступник превратился в образцового обывателя, его автоматически лишили права выбора между добром и злом, что, по мнению автора, является преступлением общества перед человеческой природой.

Поклонник Дж. Джойса, Бёрджесс, большое внимание уделял языковой игре и разного рода лингвистическим экспериментам. Так, «Заводной апельсин» написан на языке «надсат» – гибриде, скрестившем сленг лондонских «тедди-бойс» и ленинградских «стиляг», в котором в английские фразы вкраплены русские слова или русифицированные неологизмы: *droogs*, *devotchkas*, *chello-veck*, *prestoopnick*, *groodies* и т. д. Основные художественные функции, которые реализуются с помощью вымышленного сленга «надсат» покажут важнейший аспект поэтики данного текста, а именно: каковы бы ни были конкретные формально-лингвистические задачи, которые ставит и решает автор (часто весьма продуманно и глубоко), все его операции с искусственно сконструированной лексикой подчинены важнейшим смысловым, нарративным и поэтологическим стратегиям. Присутствующие в «Заводном апельсине»

скрытые смыслы, структура текста, специфика его поэтики раскрываются за счет вовлечения читателя в игровые отношения с языковой оболочкой данного текста. Роман сознательно отструктурирован с таким расчетом, чтобы постижение специфики его языковой оболочки могло стать предпосылкой для полноценного понимания структурной организации текста, использованной в нем нарративной стратегии, зашифрованных в нем авторских тезисов. Все слова «надсат» передаются латинскими буквами (и в оригинальном тексте, и в переводе). Вымышленный сленг «надсат» – ведущий, ключевой элемент игровой поэтики произведения Э. Бёрджесса.

Совершая над собой усилие, читатель при тотальном непонимании в начале чтения учится по мере продвижения в тексте преодолевать эффект остранения, достигаемый автором за счет массивного и структурно оформленного внедрения в него иноязычных (в данном случае сленговых) вымышленных языковых единиц. Применение различных аллюзийных вкраплений, содержащихся в сконструированных Э. Бёрджессом окказиональных сленговых единицах, активизирует восприятие читателя, втягивает его в многосоставные игровые отношения с данным текстом. По ходу этой игры в первую очередь тестируются лингвистические способности читателя, а с их помощью запускаются и другие игровые механизмы.

Сравнивая специфику реализации приемов языковой игры в «Собачем сердце» и «Заводном апельсине», можно утверждать, что М. А. Булгаков использует языковую игру для создания многослойности в тексте, большого количества смыслов. В то же время у Э. Бёрджесса приемы языковой игры раскрываются посредством вымышленного сленга «надсата». Применение аллюзий и каламбуров, содержащихся в сконструированных сленговых единицах, способствует вовлечению читателя в игру, в которой он получит возможность проверить свои лингвистические способности.

Список использованной литературы

1. Кодовое переключение как прием языковой игры (на материале произведений М. А. Булгакова) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://knowledge.allbest.ru/literature/3c0b65635b3bd79a5d53a88421216c36_0.html. – Дата доступа: 20.04.2023.
2. Проценко, Е. А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике [Электронный ресурс] / Е. А. Проценко // Научная электронная библиотека «Кибер-Ленинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pereklyucheniya-kodov-v-zarubezhnoy-lingvistike-kratkiy-obzor-literatury-za-poslednie-desyatiletia/viewer>. – Дата доступа: 14.05.2023.

[К содержанию](#)

В. СТЕФАНОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – И. А. Ворон, канд. филол. наук, доцент

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОБРАЗА ВЕДЬМЫ
В РАННЕЙ ПРОЗЕ Н. В. ГОГОЛЯ**

Образы ведьм и колдуний занимают особое место в ранней прозе Н. В. Гоголя. В мифологической сущности данных персонажей лежат глубокие архетипические представления о границах добра и зла, о символическом делении пространства на благоприятное и враждебное для человека. Фольклорное, мифопоэтическое мировоззрение активно становится предметом изучения и творческого осмысления русских писателей-романтиков. Особенно притягательной для романтиков стала демонологическая сфера мифологии, окутанная атмосферой драматичной таинственности. Не исключением стало и раннее творчество Н. В. Гоголя, в котором особое место занимает образ ведьмы.

Основным элементом славянской демонологии является мифологический характер, понимаемый как совокупность релевантных, неуклонно повторяющихся в традиции особенностей и функций, связанных именем. Славянские персонажи имеют разную степень «мифологизации» – одни воспринимаются исключительно как демоны (например, черт, упырь, кикимора и др.), другие – как люди, наделенные демоническими чертами (колдун, кликуша, двудушник, ведьма и др.).

К демонологическим персонажам «с двойной душой» относятся ведьмы. Так описывает их особенность С. В. Максимов: «Ведьмы, по общему мнению, отличаются от всех других женщин тем, что имеют хвост (маленький) и обладают способностью летать по воздуху на метле, в покере, в ступах и т. д. Они отправляются на темные дела из своих домов с помощью дымоходов и, как и все ведьмы, могут превратиться в разных зверей, чаще всего в сороку, свиней, собак и желтых кошек» [4, с. 66]. Суеверный страх перед ведьмами основан на распространенном убеждении, что «все они имеют самое близкое отношение к нечистой силе и <...> не только выполняют все свои приказы, но даже выносят их, требуя все больше и больше работы для себя» [3, с. 91].

Ведьма (от др.-рус. *ведь* ‘знание’) – один из основных персонажей демонологии восточных и западных славян, сочетающий в себе черты реальной женщины и демона. По народным представлениям, обычная женщина становилась ведьмой, если в нее вселялся (по ее желанию или против воли) злой дух, дьявол, душа умершего; если она сожительствовала с чертом, бесом, змеем или заключала с ними сделку ради обогащения.

Магическая ведовская сила могла быть как врожденной, доставшейся женщине по наследству от матери-ведьмы, так и приобретенной, – например, от умирающей ведьмы, которая передала наследнице свои колдовские знания («своего духа»).

Такой демонологический персонаж, как ведьма, выступает в повестях Н. В. Гоголя гораздо чаще других персонажей, персонифицирующих злые силы. По народным представлениям, она «сочетает черты реальной женщины и демона. Это отличает ведьму как от собственно демонов (русалок, богинок, лешего и т. п.), так и от людей, обладающих сверхъестественными способностями, но не имеющих нечеловеческой ипостаси (знахарей, шептух)».

Наиболее устрашающе представлена ведьма в повести «Вий». Козаки не сомневаются в ее связи с потусторонними силами: «... правда ли, что панночка, не тем будь помянута, зналась с нечистым? Да она была целая ведьма! Я присягну, что ведьма!» [2], «Так вот какие устройства и обольщения бывают! Оно хоть и панского помету, да все когда ведьма, то ведьма» [2]. Хома догадывается, что панночка «припустила к себе сатану», что «проклятая ведьма порядочно грехов наделала, что нечистая сила так за нее стоит» [2]. Представления о природе ведьмы в этой повести не искажены по сравнению с теми, которые присутствуют в народной культуре. Козаки «правильно» говорят и о ее приметах: у нее есть маленький хвостик, вдобавок она старая баба: «Когда стара баба, то и ведьма» [2].

Ведьма способна к превращениям: она является в виде собаки, которая, попав в хату, приобретает обличье панночки, только «...она была вся синяя, а глаза горели, как уголь» [2]. Так одно превращение как бы перебивает другое: собака – красавица – живой мертвец. То, что ведьма в «Вие» не имеет ярко выраженных человеческих черт, придает ей сходство с Басаврюком и в какой-то степени с колдуном. Она прежде всего демонстрирует способность к оборотничеству и вредительству.

В повести «Вечер накануне Ивана Купала» в паре с Басаврюком выступает ведьма, которую он называет ягой и старой чертовкой. Ведьма в этой повести также способна к оборотничеству: сначала она появляется в образе большой черной собаки, затем оборачивается в кошку. Ведьма сочетает в себе функции другого демонологического персонажа – упыря: она пьет кровь обезглавленного Ивася. Так, Н. В. Гоголь наделяет этого персонажа одной из редких функций ведьмы, которая присуща и ведьме в повести «Вий». Она появляется еще раз под видом знахарки, живущей в Медвежьем овраге, том самом, где когда-то побывал Петро, добывая клад.

Напомним, что Пацюк – это тоже знахарь, имеющий признаки колдуна. Ведьма же лишь «представляется» знахаркой, выступая помощницей Басаврюка.

С повести «Сорочинская ярмарка» начинается сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки». Героиня повести – ведьма Хивря – очень хитрая и скандальная особа. Стоит заметить, что в тексте не упоминается о том, чтобы она применяла какие-нибудь магические (ведовские) силы, но писатель назвал ее ведьмой, так как она воплощает собой самые отрицательные стороны человеческой природы: зависть, мстительность, корыстолюбие и эгоистичность.

Таким образом, функциональный аспект образа ведьмы в ранней прозе Н. В. Гоголя проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, ведьма является катализатором для развития сюжета и принимает активное участие в судьбе героев. Ее магические способности и влияние на события становятся ключевыми моментами в повествовании, создавая напряжение и интригу.

Во-вторых, образ ведьмы символизирует противостояние между добром и злом, между рациональностью и суеверием. Ведьма представляет темные и непознанные силы, которые соблазняют героев и испытывают их морально-нравственные принципы. Она является источником искушений и вызывает внутренние конфликты у персонажей.

В-третьих, образ ведьмы расширяет границы реальности и вводит в произведение элементы магии и фантастики. Ее магические способности и необычные действия создают сказочную атмосферу и добавляют элементы мистики и таинственности, делая произведения Н. В. Гоголя уникальными.

Список использованной литературы

1. Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки / Н. В. Гоголь. – М. : Азбука, 2019. – 320 с.
2. Гоголь, Н. В. Вий [Электронный ресурс] / Н. В. Гоголь. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0050.shtml. – Дата доступа: 03.05.2023.
3. Клушина, Е. А. Народная демонология Пудожья / Е. А. Клушина // Живая старина. – 2006. – № 3. – С. 51–53.
4. Максимов, С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. – М. : Просвещение, 1989. – 417 с.

[К содержанию](#)

Ж. СТОВБИР

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. А. Корабо, старший преподаватель

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ МНЕМОТЕХНИКИ
НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Проблема развития памяти и поиска эффективных способов запоминания информации, от умения пользоваться которыми во многом зависит успех человека в любом виде деятельности, давно вызывает интерес педагогов и психологов.

Методика, позволяющая управлять собственной памятью и запоминать любые по объему блоки самой разнообразной информации, называется *мнемотехникой (мнемоникой)*; множество средств, дающих возможность организовать и дополнить информацию таким образом, чтобы ее можно было легко восстановить в памяти, – *приемами мнемотехники (мнемоническими приемами)*.

Осваивая курс русского языка, школьники должны запомнить большое количество правил, множество исключений, сложные написания, которые не поддаются обобщению и требуют запоминания, – все это может вызвать сложности в обучении. Справиться с ними помогает мнемотехника, являющаяся одним из педагогических технологий и позволяющая значительно улучшить процесс запоминания материала.

В процессе использования мнемотехнических приемов на уроках русского языка нужно учитывать индивидуальные и возрастные особенности учащихся. Важно понимать, что каждый ученик отличается своим способом восприятия информации, т. е. является аудиалом (люди, предпочитающие звуковое восприятие), визуалом (люди, воспринимающие большую часть информации с помощью зрения) или кинестетиком (люди, воспринимающие информацию через обоняние, осязание, с помощью движений).

Рассмотрим несколько приемов мнемотехники, которыми можно воспользоваться при изучении раздела «Орфография» в школьном курсе русского языка.

Аналогия. Данный прием эффективен, когда нужно запомнить написание словарного слова. Необходимо выделить часть, написание которой вызывает вопрос, подобрать слово с аналогичным или сходным буквосочетанием (возможен подбор нескольких слов при условии, что словарное слово можно разделить на несколько частей), графически обозначить нужные части и составить из этих слов небольшое предложение с запоминающимся содержанием (например, *АННотация – АННа читает не нотации, а АННотации* [1]).

Буквенно-звуковая мнемоника. При использовании данного приема внимание также обращается на совпадающие буквы, звуки. При этом должна срабатывать слуховая и зрительная память. Буквенно-звуковая мнемоника может быть эффективна, например, при запоминании орфографического облика словарных слов: *На вЕранде вЕтер, на вИтрине Игрушки* [2].

В книге Г. Г. Граник «Секреты орфографии» есть описание интересного способа запоминания корней с чередованием Е/И: *В некоторых словах «забралось» сочетание букв, похожее на девчачье имя Ира. Сочетание складывается из части корня -..ир- и идущего за ней суффикса -а-: -..ира-. Этот суффикс любит командовать гласным звуком в некоторых корнях: удИРАет, натИРАет, замИРАет, забИРАет, отпИРАет. Важно запомнить, что если за корнем -а-, то в корне и. «Ира» хочет быть только «ирой», а не «ерой»* [3, с. 178].

Сказки-ассоциации. Сказки-ассоциации – это прием запоминания информации путем связывания ключевых слов с элементами сказки или истории. Он основан на том, что мы лучше запоминаем информацию, когда она вызывает визуальный образ, а сказки и истории – идеальный инструмент для этого. Такой способ подачи информации будет интересен в любом возрасте, но целесообразнее использовать его в классах среднего звена. Сказка должна быть небольшой по объему, для более облегченного запоминания должна нести ассоциативный характер (понятный и логичный). Например, с помощью такого приема можно объяснить тему «Правописание НЕ с глаголами»:

Сказка «Сила любви»

Гордую и упрямую частицу НЕ полюбил благородный Глагол. Трудной и печальной была эта любовь. Он говорил: «Люблю», а она ему: «Не люблю». Он признавался: «Верю», а она: «Не верю». Частица НЕ никогда не подходила к Глаголу близко, ведь почти всегда она пишется от него отдельно. Однако Глагол был постоянным в своих чувствах. Вот однажды НЕ и говорит ему: «Я отвечу тебе взаимностью, если докажешь, что жить без меня не можешь». Вздохнул Глагол печально и отправился скитаться по словарям да учебникам. Когда же он возвратился к своей любимой, она, как обычно, отскочила от него с криком: «Негодую! Ненавижу!» И вдруг замерла от неожиданности: на этот раз Глагол остался рядом. Так он доказал, что в некоторых случаях, действительно, жить без нее не может [4].

Рифмовки. Множество орфографических правил русского языка можно запомнить с помощью рифмовки. Так, из-за большого количества

корней и различных условий, определяющих их написание, при изучении правила «Правописание корней с чередованиями» могут возникнуть трудности. В одних корнях выбор гласной зависит от ударения, в других – от наличия суффикса, в третьих – от согласных в корне, а в четвертых – от значения корня. Справиться с этим помогают правила в стихах:

*А в корне -ЛАГ-, а в корне -ЛОЖ-
 (Пусть безударных, ну, и что ж)
 Мы не меняем ничего:
 «А» перед «Г», «Ж» после «О».
 Он ПОЛАГАЛ, ПРЕДПОЛАГАЛ,
 Как ИЗЛОЖУ сей материал [5].
 А вот гляди здесь -МОК- и -МАК-.
 Где «О», где «А», когда и как?
 В значенье «В ЖИДКОСТЬ ПОГРУЖАТЬ»,
 Мы пишем «А». Пример: МАКАТЬ.
 А если «ВПИТЫВАТЬ ЕЕ
 ИЛЬ ПРОПУСКАТЬ», то пишем «О»:
 Он ВЫМОК сильно под дождем,
 ПРОМОКШИЙ плащ висел на нем [5].*

Несмотря на разнообразие, для эффективности использования приемы мнемотехники должны соответствовать определенным требованиям: четкость алгоритма действий; небольшой объем, предельная лаконичность, отсутствие второстепенных деталей; максимальная эмоциональность, образность, ассоциативность.

Очень важен особый настрой обучающихся и обучающихся, т. е. хороший психологический климат. Основная задача современного учителя – вовлекать в учебный процесс, проводить каждый урок с энтузиазмом, вызывая интерес и уважение к преподаваемому предмету. Помочь этому может использование на занятиях выполняющих вспомогательную функцию приемов мнемотехники. Правила, которые будут объясняться и усваиваться не только логически, но и с помощью воображения, удержатся в памяти намного дольше и с большей эффективностью. Мнемотехника способствует не только усвоению материала на уроках, но и развитию творческих способностей учеников. Мнемотехнические приемы являются хорошей тренировкой для внимания и мышления. Использование мнемотехники на уроках русского языка с учетом индивидуальных и возрастных особенностей учащихся значительно снизит временные и интеллектуальные затраты на запоминание.

Список использованной литературы

1. Лисовская, Е. А. Узелки на память, или Мнемонические способы изучения орфографии / Е. А. Лисовская. – Минск : Конкурс, 2007. – 80 с.
2. Булычева, М. Н. Роль мнемотехники в развитии познавательных универсальных учебных действий на уроках русского языка и литературы [Электронный ресурс] / М. Н. Булычева. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/495/18077>. – Дата доступа: 10.06.2023.
3. Граник, Г. Г. Секреты орфографии : кн. для учащихся 5–7 кл. / Г. Г. Граник. – М. : Просвещение, 1991. – 222 с.
4. Шкотова Т. В. Методы мнемоники для запоминания правил русского языка [Электронный ресурс] / Т. В. Шкотова. – Режим доступа: <https://multiurok.ru/files/metody-mnemoniki-dlia-zapominaniia-pravil-russkogo.html>. – Дата доступа: 14.05.2023.
5. Русская ласточка. Чередование гласных О–А и Е–И в корне в стихах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2019/04/22/4227>. – Дата доступа: 14.05.2023.

[К содержанию](#)

СУНЬ ЦЗЯБАО

Санкт-Петербург, СПбГУ

Научный руководитель – Н. Е. Якименко, канд. пед. наук, доцент

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРОСТИТУЦИЮ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

По мнению А. М. Кацева, эвфемизмы и табу неразделимы. Ученый придерживается широкого понимания эвфемизмов и определяет их как способствующие эффекту смягчения косвенные заменители наименований страшного, постыдного или оидозного, вызываемые к жизни моральными или религиозными мотивами [6, с. 5]. В русском языке эвфемизмы делятся на социально-политические и обиходно-бытовые. Основная цель обиходно-бытовых эвфемизмов – этикетно-этическое смягчение неприятного и неуместного в речи [5, с. 26]. Благодаря своей культурной коннотации фразеологизмы могут использоваться в коммуникации с целью свершения речевого акта (например, эвфемизации речи) [4, с. 7]. В данной статье уделяется внимание анализу обиходно-бытовых фразеологических эвфемизмов, обозначающих проституцию, с позиции лингвокультурологии.

Под проституцией понимается ‘вступление за плату в случайные, внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии, влечении’ [2, с. 65]. Проституция, получившая название «древнейшей профессии», представляет собой социальное явление, нарушающее общественную мораль, и считается самой деликатной и туманной темой

в обиходе. Использование эвфемизмов для обозначения проституции не только позволяет избежать неловкости и делает общение более уместным, но и играет позитивную роль в очищении языковой среды, а также способствует развитию цивилизованного языка. При этом изучение эвфемизмов данной группы позволяет отобразить лингвокультурологические особенности единиц русского и китайского языков, находящихся под влиянием различных исторических, религиозных и социальных контекстов.

Материалом исследования послужили 86 русских и 125 китайских фразеологических единиц, которые подразделяются три группы: 1) эвфемизмы для обозначения самого явления 'проституции' (*древнейшая профессия; платный секс; интимные услуги* и др.); 2) эвфемизмы для обозначения 'проститутки' (*вавилонская блудница; дама с камелиями; девушка с заниженной планкой социальной ответственности, труженица койки* и др.); 3) эвфемизмы для обозначения публичного дома.

Ряд эвфемизмов для обозначения проституток в русском языке отражают историко-культурный контекст: (*получить*) *желтый билет; жить (работать) по желтому билету; пойти по желтому билету; дамы в желтом; желтобилетная (билетная) девица; бланковая девушка; разрядные женщины* и др. В 1840 г. Николай I легализовал проституцию и установил строгие правила для этой древнейшей профессии. В 1843 г. был создан Врачебно-полицейский комитет для надзора за проститутками, которые должны были сдавать свои паспорта и записываться на регулярные медицинские осмотры, вместо паспорта комитет выдает документ, обычно называемый «желтым билетом» [3]. Это приводит к появлению эвфемизмов, перечисленных выше. Эти выражения также зафиксированы в классической литературе: 1) *И околоточный сказал ей, что она может жить так, только получив желтый билет и подчинившись осмотру* (Л. Н. Толстой «Воскресение», 1899); 2) *Соня бросилась было удерживать Катерину Ивановну; но когда Амалия Ивановна вдруг закричала что-то про желтый билет, Катерина Ивановна отпихнула Соню и пустилась к Амалии Ивановне, чтобы немедленно привести свою угрозу, насчет чепчика, в исполнение* (Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание», 1866).

В христианстве занятие проституцией рассматривается как чрезвычайно отвратительное преступление. В Новом Завете Павел предупреждает, что тело является храмом Бога и не должно оскверняться, в противном случае будет наказание от самого Бога, например: *прости господи* – 'наименования продажной женщины'; *вступить на грешный путь* – 'заниматься проституцией'; *приют для грешниц* – 'публичный дом'; *Мария Магдалина* – 'наименование продажной женщины' и др. Рассмотрим пример *Мария Магдалина*. В западном христианстве формируются легенды о Марии Магдалине, которая из блудницы стала последовательницей

Иисуса Христа. Несмотря на споры по этому поводу, ее имя превратилось в эвфемизм для обозначения проститутки: 1) *В христианстве почитается Мария Египетская, которая была проститутка, грешница, как Мария Магдалина* (В. В. Биbihин «Алексей Федорович Лосев. Записи 1970–1973»); 2) *Не могу удержаться, чтобы не вспомнить фразы одной больной: «Кабы повязать халат веревочкой, Ольга Александровна была бы вроде как Мария Магдалина»* (О. А. Бессарабова «Дневник», 1925).

В текущем социальном контексте проституция является незаконной как в России, так и в Китае, поэтому для прикрытия отрицательного денотата приходится использовать наименования других помещений или профессий, например: *вокзальная фея* – ‘о продажной женщине’; *девушка из салона* – ‘о продажной женщине’; *массажный салон* – ‘публичный дом’ и др. Соответствующие китайские эвфемизмы: *陪酒女* «женщина, сопровождающая пьющего» – ‘о продажной женщине’; *足疗沙龙* «салон массажа ног» – ‘публичный дом’; *按摩院* «массажный салон»; *发廊一条街* «улица парикмахерских» – ‘улица публичных домов’ и др.

Наиболее яркой особенностью данной группы эвфемизмов в китайском языке является то, что проститутки часто ассоциируются с растениями. Из данной группы наиболее типичными и многочисленными являются эвфемизмы с компонентами *цветок* и *ива*. С древности до наших дней слово *цветы* часто использовалось в китайском языке для обозначения красивой женщины, ивовое дерево используется как метафора женского телосложения, поскольку ветви ивы колышутся и грациозны. К тому же в древнем Китае большое внимание уделялось внешности и таланту проституток, поэтому цветок и ива были связаны не только с красотой, но и использовались для обозначения проституток, например: *花街柳巷* «цветочная улица и ивовый переулок» – ‘публичный дом’; *觅柳寻花* «поискать ив и цветов» – ‘посещать проституток’; *花姑娘* «цветочная девушка» – ‘о продажной женщине’; *路柳墙花* «дорожная ива и настенные цветы» – ‘о продажной женщине’ и др.

Таким образом, через изучение эвфемизмов, обозначающих проституцию, мы пришли к выводу, что существуют как сходства, так и различия в лингвокультурологических характеристиках эвфемизмов двух народов, которые объясняются различиями их верований, а также влиянием исторического и социального фона.

Список использованной литературы

1. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник [Электронный ресурс] / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – 1998. – Режим доступа: <https://www.phantastike.com/dic/phraseology/djvu/view>. – Дата доступа: 20.04.2023.

2. Голод, С. И. Проституция в контексте изменения половой морали // Социол. исслед. – 2019. – № 2. – С. 65–67.
3. Дамы в желтом. Легализованная проституция в Российской империи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://musthaveforyou.mediasole.ru>. – Дата доступа: 07.05.2023.
4. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / М. Л. Ковшова; Ин-т языкознания РАН. – М., 2009. – 48 с.
5. Ковшова, М. Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации / М. Л. Ковшова // Вестн. МГОУ. Сер.: Рус. филология. – 2019. – № 4. – С. 26–32.
6. Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия / А. М. Кацев. – Л.: Наука, 1988. – 80 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 07.05.2023.
8. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 462 с.

[К содержанию](#)

Е. А. СУРОВЕЖКО

Волгоград, ВолГУ

Научный руководитель – Н. А. Стародубцева, канд. филол. наук, доцент

ПОНЯТИЕ *ВРЕМЯ* В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА А. ВАСИЛЬЕВА (ГРУППА «СПЛИН»)

Языковая личность – это «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [7, с. 671]. Языковая личность поэта проявляется в его произведениях, когда он с помощью определенных языковых средств создает собственную поэтическую картину мира (далее – ПКМ), определение которой дают российские лингвисты Н. А. Афанасьева [1], Н. С. Болотнова [2], Н. А. Кузьмина [5], Ж. Н. Маслова [6] и др. Как средство репрезентации ПКМ рок-поэта А. Васильева мы рассматриваем глагол, который является «доминантой в русской лексике» [9, с. 414] и вербализирует различные смыслы.

Материалом исследования послужили случаи использования глагольных единиц, зафиксированных в 62 поэтических текстах из сборника «Сплин. Весь этот бред» А. Васильева, которые были написаны в период становления творчества и роста популярности рок-поэта с 1994 по 2001 г. Всего зафиксировано 400 словоупотреблений глаголов, среди которых

выявлены единицы, играющие ключевую роль в вербализации смыслового компонента *Время*.

Время является базовой составляющей картины мира, отражая миропонимание человека. Данное понятие заимствовано из церковнославянского языка и родственно др.-инд. *vártma* ‘колея, рытвина, дорога, желоб’ [10, с. 361–362], из чего следует, что *Время* – это дорога или путь. Существует два основных подхода к осмыслению *Времени* – время цикличное и время линейное [4]. В анализируемом материале представлены обе модели восприятия *Времени*, поэтому ПКМ рок-поэта можно отнести к традиционной. Мы подробно рассмотрим линейную модель, так как в творчестве А. Васильева она имеет специфику и отражает представление о *времени* в русском языковом сознании.

Линейная модель времени понимается как линейность человеческой жизни, которая имеет точки начала и конца (рождение и смерти). В данной модели времени также реализуется лексическое значение (далее – ЛЗ) понятия «путь» [3, с. 1049]. Всего в рок-текстах А. Васильева отмечено 46 случаев употребления глагольных единиц в прямом ЛЗ, вербализирующих данную модель. Лексеммы входят в состав лексико-семантических групп (далее – ЛСГ) начала существования и прекращения действия, бытия и существования в определенном времени и пространстве. Глагол *зимовать* является наиболее частотным: ***Остаемся зимовать / Остаемся зимовать / Остаемся зимовать / Вода замерзла – перебежмся / Зимовать, зимовать, зимовать*** («Остаемся зимовать», 2001). Актуализации семантики *зимовать* (‘оставаться где-либо с осени до весны’ [8, с. 469]) в указанном контексте способствует использование глагола *оставаться* в значении ‘находясь где-либо, продолжить свое пребывание в этом месте, не покидать его’ [8, с. 470]. Словоформы глагола *сидеть* (‘размещаться, располагаться, находиться где-либо длительное время’ [8, с. 471]) также являются частотными в творчестве рок-поэта (30 %): *Иван все лето пил, гуляя вдоль болот / Вдова сидела у окна и гладила живот* («Сказка», 1994); *А Люся сидит дома / Люся сидит дома / Люся сидит дома / Переводит доллары на рубли* («Люся сидит дома», 1998). Типовую семантику глагола *сидеть* усиливают в первом случае временная конструкция *все лето*, во втором – прием анафорического повтора, что указывает на долгое времяпрепровождение за определенным занятием.

В исследуемом материале линейная модель времени представлена также глагольными лексеммами с переносным ЛЗ (10 словоупотреблений). В ходе анализа были выявлены две когнитивные метафоры: 1) когнитивная метафора «движение»; 2) когнитивная метафора «персонификация».

Первая метафора реализуется имплицитно и эксплицитно: *С тех пор прошло двенадцать лет, / Макар за взятки сел / Козла пустили в огород,*

и козлик окосел / Иван схоронен у болот – там тихо, ни души / И из груди его растут цветные камыши («Сказка», 1994); *Сколько лет прошло, все о том же гудят провода / Все того же ждут самолеты <...> Сколько лет пройдет, все о том же гудеть проводам, / Все того же ждать самолетам...* («Выхода нет», 1998); *Время летит самолетом вперед / Пароходом под лед, паровозом изо рта в рот* («Мотоциклетная цепь», 1999); *Времени совсем в обрез, / А ты опять спешишь на Пер-Лашез* («Джим», 1998). Усиление динамики происходит с помощью контекстуальных уточнителей (*самолетом вперед, сколько, совсем в обрез*). Используя данную метафору, рок-поэт подчеркивает два способа влияния *Времени* на мир: 1) с течением *Времени* в мире происходят изменения (конец человеческой жизни или уход целой эпохи), в таком случае показаны бесконтрольность и необратимость *Времени*; 2) с течением *Времени* не происходят изменения в мире, но это касается лишь «вечных» тем для человечества (технического прогресса, войны и т. д.). В таких случаях автор использует прием стилистического повтора. Рок-поэт подчеркивает, что человек не способен влиять на мир и ход событий, после его смерти все продолжает идти своим чередом, который «диктует» *Время*.

Вторая метафора реализуется эксплицитно: *И мы уходим подземным ходом / Туда, где снег и белей и чище, / Туда, где время нас не отыщет* («Невский проспект», 1997); *И время качало головой, / Летая задумчивой совой* («Жертва талого льда», 1994); *Время кораблей легло на дно* («Иди через лес», 1996); *Все времена остались в стороне, / И часовые на своих постах / Забили стрелки на моих часах* («Джим», 1998). В последнем контексте рок-поэт максимально олицетворяет *Время*, так как в механизме часов появляются живые существа – *часовые*. В творчестве А. Васильева также отмечен случай совмещения когнитивных метафор «движения» и «персонификации». Так, в контексте песни «Иди через лес» (1996) *Время поездов ушло по рельсам пешком*, с одной стороны, глагол движения *уйти* означает движение *Времени*, с другой – наречие *пешком* указывает на медленное движение одушевленного лица.

Таким образом, анализ показал, что лирический герой А. Васильева пытается продлить свое существование, однако понимает, что это невозможно, поскольку *Время* неумолимо и безостановочно; имплицитно реализуется смысл тщетности бытия и существования человека в мире. *Время* возвышается над жизнью и смертью в широком их понимании.

Список использованной литературы

1. Афанасьева, Н. А. Русская поэтическая картина мира: лингвистический подход / Н. А. Афанасьева // Филол. кл. – 2020. – № 4. – С. 80–87.
2. Болотнова, Н. С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста / Н. С. Болотнова // Сиб. науч. журн. – 2003. – № 3–4. – С. 198–207.

3. Большой толковый словарь русского языка : А–Я / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с.

4. Бородин, О. Р. Человек и время (возникновение современной хронологии) / О. Р. Бородин // Открытый текст. – 1991. – Режим доступа: <http://opentextnn.ru/old/history/khronology/index.html?id=3144>. – Дата доступа: 03.05.2023.

5. Кузьмина, Н. А. К основаниям реконструкции индивидуальной поэтической картины мира (на материале творчества Ю. Левитанского) / Н. А. Кузьмина // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). – 2000. – Ч. 1. – С. 119–131.

6. Маслова, Ж. Н. Поэтическая картина мира: методологическое обоснование / Ж. Н. Маслова // Вопр. когнитив. лингвистики. – 2011. – № 1 (026). – С. 120–128.

7. Русский язык : энциклопедия / под ред. Н. Ю. Караулова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Рос. энцикл. : Дрофа, 1997. – 703 с.

8. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-Пресс, 1999. – 704 с.

9. Шведова, Н. Ю. Глагол как доминанта в системе русской лексики / Н. Ю. Шведова // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова). – М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 1995. – С. 409–414.

10. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / под ред. М. Фасмера. – М. : Прогресс, 1964–1973 г. – 4 т.

[К содержанию](#)

СЮЙ ИНХАО

Минск, БГУ

Научный руководитель – Е. И. Абрамова, канд. филол. наук, доцент

ПРАЗДНИК КАК ФЕНОМЕН МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современном мире очень актуальным является изучение проблем межкультурного взаимодействия, взаимовлияния. Это влияние особенно проявляется в повседневной среде, в праздниках, важнейшей функцией которых является «осмыслением человечеством самого себя» [1, с. 5]. Именно поэтому на рубеже XX–XXI вв. праздничная культура привлекла внимание исследователей разных направлений: философов, лингвистов, психологов, социологов, этнографов, искусствоведов, историков. Изучением праздника как феномена межкультурной коммуникации занялись Л. Н. Лазарева, А. В. Черная, Т. А. Апинян, Б. В. Дубин, И. И. Пронина, Т. А. Федяева, Г. Г. Карпова, Моу Лися, Ван Шипин, Лю Чжиган, Ли Цици и др.

Праздник является важнейшим элементом механизма традиции. Он играет большую роль в сохранении и передаче от поколения

к поколению социально значимой информации относительно главных ценностных ориентаций и норм поведения этноса. Поэтому именно через участие в праздничных церемониях и обрядах во всех культурах происходит первичное приобщение к принятым в том или ином обществе нормам и ценностям.

Традиционные китайские праздники являются важными носителями китайской культуры, отражающими ее богатство и разнообразие. Культура традиционных китайских праздников – это богатая и целостная система, включающая в себя в духовную, поведенческую и материальную культуру. Они взаимодействуют и опираются друг на друга, образуя неповторимое очарование китайской праздничной культуры. Сегодня традиционные праздники – это важное окно для демонстрации китайских культурных ценностей на международном уровне.

Нынешние традиционные праздники существуют уже 2000 лет. Словарь китайских обычаев включает 1034 статьи в категории праздников. Культурный словарь китайских народных праздников содержит 1572 статьи о праздниках различных этнических групп Китая, включая около 120 традиционных праздников.

Традиционные китайские праздники являются воплощением традиционной культуры, продуктом стремления предков к гармонии между небом и человеком, проецируют в настоящее традиционные китайские добродетели, являются важным духовным звеном для укрепления национальной культурной самобытности, национального единства и социальной гармонии, поскольку носят в высшей степени общинный, организованный и исторический характер. Праздники являются важным символом культурной, этнической и национальной идентичности, а также скрепляющим фактором социального единства.

Традиционные китайские праздники все цикличны (так как год воспринимается как природный цикл), отмечаются в пиковый день цикла, являются мероприятиями по прощанию со старым и приветствию нового.

Встреча Нового года – древнейшая из существующих традиций. Этот праздник несет в себе алгоритм универсальности, поскольку всякий праздник представляет собой чествование годовщины того или иного события, иначе говоря, его Новый год.

Новый год, или Праздник Весны, в Китае – это праздник, основанный на древнем чувстве времени. Его естественной основой являются сезонные изменения в весенний период, а культурными истоками – примитивные верования древности и сформировавшиеся на этой основе колдовство и ритуалы. С момента своего возникновения в эпоху династии Хань Праздник Весны оброс многочисленными обычаями и развлечениями, большинство из которых, помимо того, что отчасти являются остатками

первоначальных верований, были результатом «возобновления первого года» и явно карнавального празднования старого и нового. В Праздник Весны покупка китайских новогодних товаров, демонстрация огней и украшений, вывешивание весенних свитков, встреча Нового года, а также сбор членов семьи на новогодний ужин, на котором обязательно должны быть пельмени, символизирующие окончание старого года.

В Китае говорят, что прощание с уходящим годом и вступление в новый подобно весеннему двустижью, которое гласит: *«Холодный снег заканчивается в сливе, весенний ветерок возвращается в иве»*. Это время прощания со старым и приветствия нового, а дух праздника является выражением оптимизма и открытости. Основной посыл праздника – каким бы трудным ни было прошлое, люди всегда могут перевернуть новую страницу жизни. Этот дух оптимизма, ожидание счастья и радости в новом цикле передается в куплетах, традиционно исполняемых в это время: *«Еще один год зеленой травы, еще десять миль абрикосовых цветов красных»* и *«Летящий снег приветствует весну, красные сливы соревнуются, прилив высок, все новое»*.

Народная китайская пословица гласит: *«Не должно быть старой зарплаты в новом году, не должно быть долгов в новой жизни»*. Поэтому люди всегда стараются рассчитаться со старыми долгами или дать четкий отчет о них до наступления Нового года.

Фольклорный новогодний ужин должен включать в себя посиделки всей семьей и приготовление пельменей на Новый год. Слово *пельмень* обозначается иероглифами «и» и «вместе», а слово *вареник* – иероглифом «крест». Пельмени за праздничным столом символизируют воссоединение и счастье семьи.

Китайский Новый год отмечается рядом праздничных символов, таких как красные весенние куплеты, фонарики, бумажные вырезки, новогодние картины, статуи бога Зао – бога богатства, танцы дракона и льва и т. д. Эти визуальные элементы приводят к разграничению между Новым годом и повседневностью. Ранние практики развешивания персиковых амулетов, вывешивания дверных богов, зажигания петард, вытирания пыли, отправления нищих, китайских новогодних танцев накануне праздника были колдовскими по своей природе и изначально предназначались для отпугивания призраков и злых духов. Однако и ритуалы, и колдовские действия праздника с течением времени утратили свой первоначальный подтекст и превратились в карнавальные празднования. Это, конечно, не означает, что следы ритуала и колдовства исчезли, скорее они остались в той или иной степени. Например, китайский культ предков является постоянной чертой Праздника Весны.

Одной из самых ярких особенностей Праздника Весны является посещение родственников в первый день Лунного Нового года – времени, когда человеческие отношения необычайно близки. Праздник Весны уже давно отошел от своей первоначальной атмосферы запрета злых духов и изгнания привидений и стал праздником воссоединения, радости и мира.

Китайские праздники являются тем каналом, через который люди из других стран понимают китайскую культуру. Традиционные китайские праздники как символы китайской цивилизации распространялись в соседние страны, и многие праздники в таких странах, как Корея и Япония берут свое начало в китайской традиции. Китайский Новый год является главным праздником в Корее, Вьетнаме и Сингапуре, Японии. Китайский обычай праздновать Новый год с большим энтузиазмом уже давно практикуется в китайских общинах Европы и США. В последние годы в связи с быстрым ростом экономической, политической и культурной мощи Китая, повышением его международного статуса влияние культуры китайского Нового года растет как никогда раньше и превращается во всемирный праздник.

В международной коммуникационной деятельности праздники – это очень эффективный жанр. Рассказывая китайскую историю, передавая китайский голос и распространяя китайское философское и культурное мировоззрение посредством китайских праздников, можно усилить «сопереживание» китайской культуре, желание больше узнать о Китае, возможность более эффективно коммуницировать людям разных стран и культур.

Список использованной литературы

1. Лазарева, Л. Н. История и теория праздников : учеб. пособие / Л. Н. Лазарева. – Челябинск : ЧГИК, 2010. – 251 с.

[К содержанию](#)

А. ТАГАНОВІЧ

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – А. С. Кавалюк, канд. філал. навук, дацэнт

ВЫЯЎЛЕННЕ ДЭГРАДАЦЫІ БЕЛАРУСКАЙ ВЁСКИ СУЧАСНЫМІ ПРАЗАІКАМІ

Да асэнсавання вясковай тэматыкі ў сучаснай беларускай літаратуры звярнуліся пісьменнікі розных творчых пакаленняў: Я. Брыль, В. Быкаў, І. Шамякін, І. Пташнікаў, А. Адамовіч, Б. Сачанка, В. Адамчык, Г. Марчук, В. Казько, А. Жук, Х. Лялько, А. Федарэнка, У. Бутрамееў, У. Сцяпан і інш.

У асэнсаванні імі вясковай тэматыкі акрэслілася дзве тэндэнцыі: 1) традыцыйны паказ вёскі, яе жыццёвага ўкладу, звычайу, традыцый і жыхароў як носьбітаў лепшых або горшых праяў нацыянальнага характару; 2) выяўленне дэградацыі беларускай вёскі і яе жыхароў.

Напрыканцы ХХ ст. з'явіліся творы, у якіх паказана дэградацыя палескай вёскі, жыхары якой страцілі маральна-этычныя ўстоі жыцця. Праблема асэнсоўваецца ў аповесцях В. Казько «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел», І. Шамякіна «Палеская мадонна», А. Федарэнкі «Вёска», «Дзікі луг», апавяданні «Бляха», інш.

У аповесці В. Казько «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» намалювана не зусім рэальная карціна вясковага жыцця, а створаны парадыйна-парадаксальны свет бытавання людзей, поўны абсурду і анамалій. Персанажы аповесці В. Казько маюць незвычайныя прозвішчы, дакладней мянушкі, таму яны забыліся, як гучаць іх сапраўдныя імёны. Праз дасціпныя мянушкі народ па-свойму рэагуе на наша мінулае. Пісьменнік кпіць са сваіх персанажаў, паказвае ў іхніх норавах і паводзінах гратэскае, адмоўнае.

Пісьменнік стварае сучасную казку пра «краіну дуракоў», з'едлівую сатыру на савецкую таталітарную сістэму. Асабліва яркая ўвасабляе бяздумную ўладу, «бязмежнае вар'яцтва гэтага свету» Аўгуст Серада. Ды і іншыя нібы страцілі розум і зрок, пазбавіліся інстынкту самазахавання. І ад гэтага робіцца скрушна [1, с. 74].

У аповесці «Палеская мадонна» І. Шамякіна адлюстравана сацыяльная неўладкаванасць жыхароў палескай вёскі канца ХХ ст., калі штодзённай з'явай сталі нястача і беднасць. Рэаліі складанага часу перададзены праз паказ адной шматдзетнай сям'і, у якой бацька на пастаянных заробках, але жонцы грошай не прывозіць, а сама яна засталася без працы. Усё жыццё Надзі Русак пераўтварылася ў пастаяннае думанне, як пракарміць дзяцей.

На прыкладзе жыццёвых нягод галоўнай гераіні твора аўтар прыцягвае ўвагу чытача не толькі да самога кантэксту бытавых і сацыяльных праблем жанчыны з дзецьмі, але і да больш глабальных: разбурэнне моцных гаспадарак і страта працаўладкавання вясковых жыхароў, неабароненасць мацярынства і дзяцінства, махлярства адных на бедах іншых: *«Бацька трыццаць гадоў рабіў у меліярацыйнай калоне. Спынілі меліярацыю. Распалася калона, людзі засталіся без працы. Сышла вада. Гараць тарфянікі. Уздымаюцца над імі чорныя смерчы»* [3, с. 57].

Аўтары аповесцяў «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» і «Палеская мадонна» пераконваюць, што разбурэнне савецкай сістэмай спрадвечных асноў традыцыйнай беларускай вёскі ў выніку калектывізацыі, якая забрала ў чалавека права быць гаспадаром на зямлі, у выніку індустрыялізацыі, якая спрыяла адтоку моладзі ў гарады, прывяло да шэрага сацыяльных праблем, у тым ліку масавай алкагалізацыі, і ўвогуле маральна-духоўнай дэградацыі некалі магутнага мацерыка сялянства.

Шматпланавы выявіць дэградацыю сучаснай вёскі і яе жыхароў удалося пісьменніку малодшага пакалення А. Федарэнку. Мае рацыю В. Козіч, аўтар раздзела па творчасці гэтага пісьменніка ў акадэмічным выданні «Гісторыі беларускай літаратуры XX стагоддзя», калі адзначае, што А. Федарэнка ў аповесці «Вёска» «псіхалагічна тонка паказвае сённяшняю вёску з праблемамі, якія толькі множацца з цягам часу. Гэта бюракратызм чыноўнікаў раённага маштабу, баўленне часу маладымі ў п'янках, гульнях у карты, будзённых “занятках каханнем”» [2, с. 1043].

Даследчыца звяртае ўвагу, што ў Федарэнкавай «Вёсцы» «на новым, сучасным матэрыяле» вырашаецца «вядомая яшчэ па класічнай літаратуры праблема інтэлігенцыі і народа» [2, с. 1043]. Вобраз галоўнага героя аповесці Антона Васкевіча, па сутнасці інтэлігента ў першым пакаленні, даследчыцай небеспадстаўна пастаўлены ў адзін тыпалагічны рад з Андрэем Лабановічам з трылогіі Якуба Коласа «На ростанях», з Клімам Шамоўскім і Архіпам Лінкевічам з ранніх апавяданняў М. Гарэцкага. Працягваючы традыцыю выяўлення аўтарам аповесцяў «Антон» і «Камароўская хроніка» праблемы п'янства і дэградацыі асобы ў вясковым асяроддзі, А. Федарэнка канстатуе «амалажэнне» дадзенай сацыяльнай з'явы напрыканцы XX ст. і асэнсоўвае праблему п'янства вясковай моладзі. Маці выключанага з інстытута «за нацыяналізм» Васкевіча за лепшае лічыць гаварыць аднавяскоўцам, што выгналі сына за п'янства. Вёска ў А. Федарэнкі ўжо не захавальніца духоўнасці, маральнасці, спадчынных народных традыцый, мовы.

Маральна-духоўная дэградацыя вясковых жыхароў пісьменнікам паказана і ў аповесці «Дзікі Луг», якая выклікала сярод даследчыкаў дыскусію. Па меркаванні В. Козіч, у творы «перад чытачом паўстае апісанне асаблівага свету беларускай сучаснай вёскі. Тут няма месца светлай і туманнай раніцай працягламу мыканню кароў, якія выганяюцца на квітнеючы і пахкі мёдам і травой луг, прыгожым вечарам з ружовым небам і рэзкім пахам угноенага поля. Вёска ў творы А. Федарэнкі – гэта страчаны свет, страчаная мара аб вяртанні ў дзяцінства. Твор, які магчыма змясціць у раман, сціснуты да памераў аповесці. Апісанне герояў таксама невялічкае – некалькі дакладных і яркіх рысаў, падзеі разгортваюцца вельмі імкліва. Пад час чытання аповесці А. Федарэнкі “Дзікі Луг” сутыкаешся не толькі з драмай асобных людзей, але і з драмай цэлага пакалення – пакаленне страчаных надзей, мэт і будучыні. Апісанне асобных герояў аповесці супадае па мелодыцы з прыроднымі замалёўкамі дзікага луга, яго паступовым запусценнем» [2, с. 1055]. Праз вобраз Кулініча, аднаго з цэнтральных герояў аповесці, і апісанне яго жыццёвай драмы пісьменнік паказаў, як паступова губляе сэнс існавання ўся вясковая дыяспара. Вяскоўцы крадуць, п'юць, турма ў вёсках не рэдкасць...

Раскрытыкаваўшы аповесць, І. Шатыронак заўважае, што «А. Федарэнка ўвесь час хоча падкрэсліць, прымусіць чытача паверыць у чорную рэальнасць, і гэта яго свядомая знарочыстасць узмацняе жудасную карціну разбурэння колішняга сялянскага ўкладу жыцця. <...> З’яўляюцца думкі, што А. Федарэнка груба абагульняе неабагульняльнае, выцягваючы на свет божы не самыя лепшыя рысы народа – яго забітасць, апатычную дрымотнасць. Так, у кожнага чалавека (як і ў народа ў цэлым) ёсць свае цені і змрочныя бакі, але калі ўвесь час аднабакова цягнуць яго ўніз, то як жа ў яго вырастуць крылы, каб падняцца ўверх? Пачуццё гонару за свой народ трэба выхоўваць прыкладамі станоўчых герояў, а не прыніжаць яго дух» [4].

Крытык пераконвае, што «мастацкі рэалізм сучаснай прозы павінен несці ў сабе хоць бы маленькі зарад пазітыву, надзеі, стварэння. А хто, як не пісьменнік, абавязаны служыць свайму народу прарочым і ўзнёслым Словам, выпрацоўваючы нацыянальны імунітэт супраць песімізму і змрочнай асуджанасці» [4].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Казько, В. Выратуй і памілуй нас, чорны бусел : аповесці, апавяданні, эсэ / В. Казько. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 319 с.
2. Козіч, В. І. Андрэй Федарэнка / В. І. Козіч // Гісторыя беларускай літаратуры ХХ стагоддзя : у 4 т. / НАН Беларусі, Аааз-не гуманіт. навук і мастацтваў, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. ; навук. рэд. У. В. Гніламедаў. – 2-е выд. – Мінск, 2015. – Т. 4, кн. 3. – С. 1038–1061.
3. Шамякін, І. Палеская мадонна : аповесці / І. Шамякін. – Мінск : Юнацтва, 1998. – 590 с.
4. Шатыронак, І. Дзікі луг часоў Андрэя Федарэнкі [Электронны рэсурс] / І. Шатыронак. – Рэжым доступу: https://docviewer.yandex.by/view/0/?page=1&*=Q3c1RF0Up%2BjBzTo1d8. – Дата доступу: 12.11.2022.

[К зместу](#)

Н. И. ТИХОНОВА

Волгоград, ВолГУ

Научный руководитель – Е. М. Шептухина, д-р филол. наук, профессор

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИКИ В ДЕЛОВЫХ ПИСЬМАХ XVIII В. (НА МАТЕРИАЛЕ ФОНДА «МИХАЙЛОВСКИЙ СТАНИЧНЫЙ АТАМАН» ГАВО)

Актуальность изучения разных пластов лексики обусловлена тем, что они отражают экономические и культурные черты социума, а также способствуют выявлению особенностей вида документов. Кроме того,

XVIII в. является одним из важнейших периодов в экономическом и культурном развитии России. Особое значение имеет это столетие для истории русского языка. В XVIII в. закладывались нормы русского литературного языка, в том числе и нормы делового стиля, что было обусловлено взаимодействием элементов приказной и светской книжно-литературной традиции.

Цель данного исследования – выявление функций лексических единиц, принадлежащих к различным лексическим пластам и употребленных в деловых письмах XVIII в.

Материалом для анализа стали деловые письма, сохранившиеся в фонде «Михайловского станичного атамана» Государственного архива Волгоградской области (фонд 332, опись 1). Деловое письмо XVIII в. документировало частные бытовые ситуации, преимущественно связанные с ведением следственных дел.

Лексический состав рассматриваемых документов характеризуется разнообразием, анализируемые письма XVIII в. включают в себя деловую, бытовую (общепотребительную и диалектную) лексику.

В состав деловой лексики входит канцелярская терминология (*вышеписанная, производимое, учиненная, понуждение, основание, исполнение*), наименования участников деловых отношений (*станичный атаман, старшина, управитель конторы*), жанровые обозначения деловых документов (*промемория, войсковая грамота, расписка, рапорт, письмо, резолюция*).

В текстах деловых писем употребляются также единичные церковнославянизмы, например черта канцелярского слога. В документах функционируют фонетические церковнославянизмы, характеризующиеся неполногласием, наличием *щ* на месте *ч* (*чрезь, ношь*), а также лексические единицы (союз *понеже*).

Бытовая лексика в документах представлена конкретными существительными, обозначающими предметы обихода, продовольствие, оружие, животных, родственные отношения и др. Такие единицы употреблены в нарративных фрагментах текста, в которых описываются события из жизни станичных казаков, подробно перечисляется украденное и др. Этим определяется реализация информационной функции анализируемых документов, которая тесно связана с содержанием писем [2, с. 10].

Так, в группу «предметы быта» входят наименования хозяйственных предметов (*пила, бляхи, замок, хомут, возжжи, веревки*), обуви (*сапоги*). Упоминания предметов обихода, как правило, связано с описанием украденного или сломанного.

В некоторых письмах встречается и лексика тематической группы «продовольствие». Причиной использования таких лексических единиц

в анализируемых документах является просьба или приказ вышестоящего лица о том, что нужно прислать. Например, в «Письме об отъезде по следственному делу» повествуется о такой ситуации. Старшина Петр Лащилин в связи с отъездом по следственному делу описывает, что необходимо сделать и прислать: *сверхъ того на пищю мне со обретающимися при мне со оными подводъчики прислатъ с каждой станицы по два хлеба и от[ча]сти пероговъ, по одному хорошему борану по десяти русских курей, да качалинско' станицы хороших дватцать арбусовъ* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 9. Л. 7–8). В круглых скобках указаны номера фонда, описи, дела и листа. При цитировании выносные буквы приводятся в строке, титла раскрываются, союзы и предлоги пишутся отдельно с последующими словоформами, в остальных случаях сохраняется орфография и пунктуация скорописного оригинала. Реконструируемые фрагменты текста заключены в квадратные скобки.

Диалектные лексические единицы в текстах анализируемых писем единичны. Например, такими единицами являются слова *ярмонка* (ярмарка), *для житя* (для жительства), *чеботарь* (сапожник). В современном русском языке лексическая единица *чеботарь* является устаревшей и определяется как региональная, имеет народно-разговорную окраску [1].

Текст делового письма XVIII в. характеризуется сочетанием деловой и бытовой лексики с незначительными диалектными вкраплениями. Функционирование в текстах деловых писем бытовой лексики позволяет отнести данный вид документа к группе информирующих документов, следовательно, такая лексика имеет жанрообразующее значение.

Список использованной литературы

1. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts>. – Дата доступа: 06.04.2023.

2. Шептухина, Е. М. Деловое письмо в системе региональных документов середины XVIII века / Е. М. Шептухина, Н. И. Тихонова // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. – 2021. – № 4. – С. 5–14.

[К содержанию](#)

С. С. ФЛЕЙТО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

СПЕЦИФИКА ПРЯМОГО ПЕРЕВОДА ФИЛЬМОНИМОВ С КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В современном мире одной из самых популярных отраслей культуры является кинематограф. С каждым годом все большее количество людей обращается к фильмам других языковых культур. Безусловно, в большей степени популяризируется англоязычный кинематограф, однако в последнее время все чаще стали просматриваться фильмы и сериалы на многих других языках, в том числе на корейском.

Чтобы фильм или сериал стал популярен в другой языковой среде, необходимо привлечь внимание потенциального зрителя. В связи с этим возникает необходимость качественного перевода не только самого содержания фильмов, но и их названий. От удачности и корректности перевода названия во многом зависит успех картины.

На названии фильма сосредоточено особое внимание потенциального зрителя, поскольку оно «производит особенно яркое впечатление и хорошо запоминается» [5, с. 75]. Воображение человека вначале не обременено никакой информацией о фильме и готово к восприятию концепции, реальности, темы, предлагаемой автором [7, с. 8].

Под **фильмонимом** понимается разряд имен собственных, обозначающих названия кинолент [1, с. 114]. Данный термин по аналогии с другими терминами ономастики был предложен Ю. Н. Подымовой в диссертации «Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах» [6].

Ю. Н. Подымова определяет фильм-именник как высказывание, которое репрезентирует ситуацию, смоделированную фильмом, ее закодированный образ [6, с. 125].

Согласно В. Н. Комиссарову, перевод – это «вид языкового посредничества, при котором содержание иноязычного текста оригинала передается на другой язык путем создания на этом языке коммуникативно равноценного текста» [3, с. 248].

Второй принцип, определяющий стратегию переводчика, В. Н. Комиссаров формулирует как требование «переводить смысл, а не букву оригинала» и подразумевает недопустимость слепого копирования формы оригинала [3, с. 196]. Полное копирование формы исходного текста зачастую не может произвести тот же коммуникативный эффект на читателя, который возникает у носителей исходного языка при его прочтении.

Е. Ж. Бальжинимаева выделяет три способа перевода фильмонимов:

- 1) прямой перевод;
- 2) трансформация названия;
- 3) замена названий кинофильма [2].

Для начала необходимо определить, что же такое *прямой перевод*.

Прямой перевод (дословный перевод) – самый простой способ перевода, применяемый в тех случаях, когда в исходном тексте отсутствует безэквивалентная лексика и не возникает необходимость лексических и грамматических трансформаций [4, с. 66].

Для анализа специфики прямого перевода фильмонимов с корейского языка на русский был собран корпус из 120 названий кинолент при помощи метода случайной выборки. Из всех фильмонимов лишь в 28 использовался способ прямого перевода, что составило 23,3 %. Столь невысокий процент указывает на нерегулярность данного способа при работе с корейскими фильмонимами.

Примерами могут послужить следующие единицы: *협상* – Переговоры; *그래서 나는 안티팬과 결혼했다* – Итак, я женился на антифанатке; *도둑들* – Воры; *금수저* – Золотая ложка; *너는 나의 봄* – Ты моя весна и др.

Для реализации способа перевода существует ряд приемов. Так, при прямом переводе используют три приема: транскрипцию, калькирование и транслитерацию [3, с. 200].

Прием транслитерации довольно часто используется в переводческой деятельности при прямом переводе, в особенности при работе с топонимами и антропонимами. Однако в нашем случае этот прием оказался невозможен по причине абсолютной разности письма русского и корейского языков.

Прием калькирования в собранном материале также не встретился.

В корпусе представлены четыре фильмонима, которые переведены приемом транскрипции: *수리남* – Суринам; *강남 1970* – Каннам 1970; *카멜리아* – Камелия; *브이아이피* – V. I. P. Данный прием встретился при переводе антропо- и топонимов, аббревиатур и составил 14,3 %.

Оставшиеся 26 названий были переведены без использования приемов, только способом прямого перевода: *마녀* – Ведьма; *블라인드* – Слепая; *스물* – Двадцать; *도어락* – Дверной замок; *원더풀 고스트* – Чудесный призрак и др. Способ прямого перевода используется при передаче 85,7 % исходных названий фильмов, что объясняется универсальностью фильмонимов, которые не несут в себе специфической культурной и другой информации, а потому не нуждаются в трансформации с целью получения адекватного перевода.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что способ прямого перевода используется в шесть раз чаще, нежели его приемы. Такие показатели демонстрируют явное преимущество способа прямого перевода в отдельности. Это связано с тем, что транскрипция – прием достаточно узкого применения (фильмонимы должны быть простыми, в большей степени однословными, выраженными ономастическими единицами), а прием транслитерации и вовсе невозможно применить в работе с корейским языком.

Список использованной литературы

1. Александрова, О. И. Стратегия перевода современных англоязычных фильмонимов на русский и испанский языки / О. И. Александрова, У. А. Николаева // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – Вып. 2. – С. 113–122.
2. Бальжинимаева, Е. Ж. Стратегии перевода названий фильмов [Электронный ресурс] / Е. Ж. Бальжинимаева. – Улан-Уде, 2009. – Режим доступа: <https://refdb.ru/look/3099824.html>. – Дата доступа: 15.11.2022.
3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. Мальцева, И. Г. Практикум по письменному переводу с немецкого языка на русский / И. Г. Мальцева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2010. – Ч. 1. – 167 с.
5. Подгорная, А. Ю. О концептуальности названия в переводе художественного произведения / А. Ю. Подгорная // Вестн. ВолГУ. Сер. 2, Филология. – 1996. – Вып. 1. – С. 75–81.
6. Подымова, Ю. Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Н. Подымова ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2006. – 205 л.
7. Подымова, Ю. Н. Фильмонимы как проблема перевода. Ab ovo : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Н. Подымова ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2004. – 28 с.

[К содержанию](#)

Е. А. ХАБОВЕЦ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. Н. Ковальчук, канд. филол. наук, доцент

ВАРИАТИВНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ РОМАНА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» М. А. БУЛГАКОВА В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» является одним из самых известных произведений автора. Наличие экранизаций и популярность героев романа, широкое распространение цитат из текста

приводят к тому, что многие из школьников знакомы с ним если не прямо, то косвенно. Однако это не всегда упрощает задачу учителя, подходящего к этапу программного знакомства с романом. Изучение «Мастера и Маргариты» в школьном курсе представляется довольно сложным ввиду различных причин. Ребята не всегда понимают значимость произведения в контексте истории литературы и культуры, зачастую не могут постичь глубину мистического содержания текста и символики героев и сюжета, не успевают погрузиться в специфику художественной образности за несколько уроков, которые отведены программой на изучение романа.

Мы изучили те наработки, которые предложены методической литературой, но предложили и свое видение системы уроков:

1. Анализ главных персонажей. Изучение характеристики Мастера.
2. Анализ сюжета. Оценка основных событий произведения и их значения в романе.
3. Мотивы греха и наказания в романе «Мастер и Маргарита».

Рассмотрим подробнее третий урок, чтобы проиллюстрировать его особенности. В первом блоке – «Введение» – мы проводим обзор романа «Мастер и Маргарита» и жизненного пути его автора М. А. Булгакова, а также анализируем исторический и политический контекст, в рамках которого создавался роман.

Второй блок затрагивает тему грехов и их последствий, реализованную в романе. В этой части ребята приведут примеры определенных грехов и их последствий для персонажей романа, а также проведут анализ мотивов греха и роли, которую они играют в поведении персонажей. Приведем некоторые варианты реализации рассуждений.

Многие персонажи романа совершают грехи, к примеру:

1. Мастер, главный герой романа, совершил грех тем, что создал антирелигиозный роман, который был запрещен в советском обществе. Более того, его роман критично оценили писатели и убрали его из литературного сообщества.

2. Иван Николаевич Бездомный совершил грех, когда украл золотую гриву Маргариты. Он думал, что это романтический жест, но все привело ко множеству неприятностей.

3. Маргарита совершила грех, когда передала душу дьяволу, чтобы спасти своего любимого Мастера. Это был крайний шаг, который привел ее ко многим испытаниям.

4. Воланд и его свита совершают множество грехов, хотя Воланд и есть Сатана, но если судить его как обычного человека, то это осквернение святых мест, убийства и др.

5. Берлиоз, который был главным критиком Мастера, совершил грех тем, что не верил в существование Бога и насмехался над людьми, которые в Бога верят.

Грехи в романе играют важную роль, благодаря им раскрывается характер героя. Так что грехи часто выступают как мотивы, которые движут героями и ведут к изменению событий в романе. Мотивы греха:

1. Жажда власти. Многие персонажи романа хотят достичь власти и привилегий, и это заставляет их совершать различные греховные поступки. К примеру, Понтий Пилат был напуган возможным бунтом евреев и, чтобы сохранить свою власть, решил казнить Иешуа, за что поплатился моральным раскаянием.

2. Идолопоклонство. Маргарита, которая очень любит Мастера, испытывает такие сильные чувства, что готова на все ради его спасения, даже на сделку с дьяволом.

3. Мечь. Воланд приезжает в Москву, чтобы показать людям, что дьявол существует, ведь они перестали бояться возмездия. Кроме того, он наказывает людей за их грехи, не испытывая сожаления к ним, а скорее воспринимая свершающееся как ответ на их собственную греховность.

Третий блок обращается к теме наказания, рассматривается его роль в романе и влияние на поведение персонажей. Стоит провести анализ форм наказания, которые описываются в романе.

Наказание в романе оказывает сильное воздействие на героев и их судьбу. Например, Берлиоз, глава литературного журнала, попадает в ад и становится жертвой сатаны. Его смерть показывает, что высокомерие и презрение к таланту могут привести к серьезным последствиям.

Герой романа, Мастер, получает свое наказание за написанную книгу «Иуда Искариот». Он несколько лет проводит в психиатрической лечебнице. Его наказание подчеркивает то, насколько сильно правительство контролировало ситуацию в творчестве.

Маргарита получает свое наказание за стремление к любви и свободе выбора. Она решает забыть о бывшем возлюбленном профессоре и выбирает своего любовника, Мастера. В конечном итоге Маргарита получает награду за свою преданность искренним чувствам и верность принципам в рамках этого решения, а ее выбор становится символом свободы и независимости, но и она не заслуживает рая.

Если затрагивать вариативность формы возмездия, то одной из форм наказания являются испытания в аду. Это относится к Михаилу Берлиозу и Ивану Понтийскому. По сути, наказания в аду иллюстрируют то, что грехи героев не проходят без последствий. Каждого ждет возмездие.

Другой формой грехов являются политические репрессии в лагерях, которым подвергается главный герой Мастер.

Третья форма наказания – это моральное возмездие, которое сопровождает героев на протяжении всего романа.

В четвертом блоке урока проводится обобщение понятий греха и наказания на фоне контекста культуры и общества. Проводится

обсуждение того, как мотивы греха и наказания соотносятся с социальными и культурными условиями, в которых создавался роман, также анализируются нравы общества и рассматриваются различные интерпретации романа с учетом общественной морали.

На пятом, завершающем этапе урока подчеркивается актуальность темы греха и наказания для современного общества, проводится рефлексия об усвоении материала и обсуждается домашнее задание.

Уроки изучения романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова с упором на художественные особенности, а также исторические и моральные аспекты включают произведение в «диалог культур», что способствует расширению кругозора и нравственному формированию читателя, который лучше чувствует литературу, учится самостоятельно мыслить и вникать в изображаемое или написанное, глубоко переживать прочитанное.

Если ребята попробуют погрузиться в мир «Мастера и Маргариты» через сопереживание и рассуждение о добре и зле, проступках и ответственности, они лучше запомнят его и, кроме того, сделают выводы для себя. Так реализуется в том числе и воспитательный потенциал произведения.

[К содержанию](#)

ХАЙ ЖИНА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. А. Зуева, преподаватель

ИЗУЧЕНИЕ ИСКОННО РУССКОЙ ЛЕКСИКИ И ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В 5 КЛАССЕ: СИСТЕМА ЗАДАНИЙ

Тема «Исконно русские и заимствованные слова» изучается в 5 классе в разделе «Лексика» и занимает шестое место в системе уроков данного раздела, на изучение темы отведен 1 час. [6]. Знакомство с разделением лексики по происхождению имеет не только познавательное значение (учащиеся узнают о том, что существует два пласта лексики русского языка: исконно русские и заимствованные слова), но и мировоззренческое (учащиеся узнают о развитии языка) [4, с. 27]. Изучать тему «Исконно русские и заимствованные слова» можно используя разнообразные задания.

В качестве эпиграфа к уроку можно использовать слова В. Г. Белинского «*Все народы меняются словами*» [2, с. 37] и спросить, как учащиеся понимают данные слова.

При работе с исконно русской лексикой можно предложить учащимся выполнить следующие задания:

Задание 1. Прочитайте и перепишите примеры самых древних слов русского языка. Что они обозначают и к каким тематическим группам относятся: *мать, брат, сестра, сын, дочь; луна, вода; волк, коза, кот, овца, гусь; око, бровь; шить, печь; первый, новый* [5, с. 70].

Задание 2. Прочитайте примеры общеславянских по происхождению слов. Распределите слова по тематическим группам и запишите их, вставляя пропущенные буквы: *б..р..да, вол..сы, зубы, нос, г..лова, нога, рука, лоб; коса, серп; гора, ветер, камень, верба, дуб; пол, дверь, стол, ложка; осень, лето, весна, зима, год; ветер, гром, гроза, дождь; коза, конь, м..дведь, лебедь, рыба; клен, липа, осина, с..сна; добрый, злой, глупый, мудрый; белый; один, два, три, семь, десять; жить, ходить, дышать, р..сти* [5, с. 70].

Задание 3. Прочитайте слова, которые возникли в русском языке в период восточнославянского единства. Соотнесите русские слова со словами из украинского и белорусского языков. Слова русского языка: *белка, снегирь, лукошко, сегодня, сорок, дремучий*. Слова украинского языка: *снігур, сорок, білка, дрімучий, кошик, сьогодні*. Слова белорусского языка: *сення, лукошков, сорака, снягір, дрымучы, бялку* [5, с. 71].

Задание 4. Прочитайте примеры собственно русских слов. На каком основании возможно разделить данные слова на более «старые» и более «молодые»? *Корчевать, варенье, лепешка, грустный, вдруг, очень, летчик, возчик, грач, курица, луноход, космодром, ненастье, пылесос, кустарник, впереди, маршрутка* [5, с. 71].

Задание 5. Перепишите пары слов, вставляя пропущенные буквы. Подумайте, какие из слов в каждой паре можно с уверенностью назвать собственно русскими: *шо(с, сс)е – шо(с, сс)ейный, в..кзал – в..кзальный, ап..льсин – ап..льсиновый, дисп..нсер – дисп..нсерный, б..лкон – б..лконный, те(н, нн)ис – те(н, нн)исный* [5, с. 72].

При работе с заимствованной лексикой можно предложить учащимся выполнить следующие задания:

Задание 1. Прочитайте пары слов и словосочетаний. Подумайте, чем различаются слова в каждой паре: *перерыв – антракт, увлечение – хобби, согласие – консенсус, изречение – афоризм, путешествие – круиз, предприниматель – бизнесмен, воспитатель детей, приглашенный в семью – гувернер* [5, с. 74].

Задание 2. Запишите заимствованные слова, вставляя пропущенные буквы и подчеркивая иноязычные приметы. Из немецкого языка: *бутербро.., бу(?)галтер, к..м..ндир, с..кр..тарь*. Из английского языка: *тро(л, лл)е..бус, баск..тбол, хо(к, кк)ей*. Из греческого языка: *гра(м, мм)атика, г..р..зонт, синт..кис, г..пербола*. Из тюркских языков:

к..р..ндаш, ..брикос, к..р..ул, с..р..фан, б..р..бан. Из испанского языка: *г..тара, с..р..нада, к..рамель, т..мат.* Из итальянского языка: *ария, т..нор, с..ната, к..рнавал* [5, с. 75].

Задание 3. Определите тематические группы заимствованных слов. Подумайте, почему русский язык заимствовал эти слова. Нужны ли они?

Английский язык: *спорт, теннис, ринг, боулинг, регби; трактор, конвейер, дисплей, компьютер.* Итальянский язык: *ария, опера, пианино, солист, тенор.* Французский язык: *пальто, кашне, фрак, жилет.* Немецкий язык: *кран, слесарь, верстак, штепсель, штамп; солдат, офицер, командир, штаб.* Греческий язык: *ангел, архангел, Евангелие, икона, монастырь* [5, с. 76].

Задание 4. Произнесите слова вслух. В каких из них при произношении сохраняется безударный звук [о]? *Аромат, бокал, конкретно, модель, радио, сонет, боа, вето, конспект, ноктюрн, роман, трио, болеро, досье, концерт, оазис, рояль, фойе, бордовый, какао, коммюнике, поэт, соната, фонема* [5, с. 77].

Задание 5. Правильно произнесите заимствованные слова, запомните их нормативное произношение. **Согласный произносится мягко:** *бассейн, кофе, крем, музей, пресса, термин, шинель.* **Согласный произносится твердо:** *диспансер, бутерброд, отель, свитер, тезис, тест* [5, с. 77].

Задание 6. Оправданно ли, с вашей точки зрения, употребление следующих иноязычных слов в современной речи? *Гран-при* (высшая награда на фестивале, конкурсе), *грант* (денежное пособие, выдаваемое специальными фондами и предназначенное для материального обеспечения научных исследований), *йети* (снежный человек), *киллер* (наемный убийца), *ноу-хау* (новые передовые технологии производства), *саммит* (встреча на высшем уровне), *эсклюзивный* (исключительный), *электорат* (совокупность избирателей) [3].

Задание 7. Часто люди злоупотребляют иноязычными словами. Прочитайте текст и скажите, почему он вызывает улыбку? Что означают использованные иноязычные слова? А как вы относитесь к иноязычным словам? *Сударыни! Женщины! Гражданочки! Просто люди и железные леди! Миссы и миссисы!.. Желаем вам счастья в менеджменте, хорошего семейного консенсуса и плюрализма в личной жизни! И чтоб у вас никогда не было стагнации, а, наоборот, презентации по всем статьям! Крепкого вам имиджа в труде, красивого фейса и отличного спонсора в быту! Короче, отличной вам альтернативы в семейной жизни...* [3].

В конце урока можно поставить вопрос: *Как вы думаете, почему заимствованные слова составляют такую малую часть (10 %) от всего словарного состава русского языка?* [1, с. 31].

Таким образом, на уроке по изучению исконно русской и заимствованной лексики осуществляется наблюдение над фактами языка

и спецификой употребления иноязычных слов. Учащиеся должны усвоить, что иноязычные слова занимают важное место в русском языке и разумное их использование обогащает речь, придает ей большую точность. Задания и упражнения по изучению исконно русской заимствованной лексики могут быть разнообразными. Выполняя упражнения, учащиеся пополнят свой словарный запас, разовьют кругозор и узнают много нового.

Список использованной литературы

1. Беляева, О. В. Универсальные поурочные разработки по русскому языку. 6 класс / О. В. Беляева, О. А. Даценко. – М. : ВАКО, 2007. – 286 с.
2. Богданова, Г. А. Уроки русского языка в 6 классе : кн. для учителя / Г. А. Богданова. – М. : Просвещение, 2003. – 175 с.
3. Кельдиев, Т. Т. Заимствованная лексика в преподавании русского языка [Электронный ресурс] / Т. Т. Кельдиев. – Режим доступа: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_661. – Дата доступа: 04.05.2023.
4. Обучение русскому языку в 5 классе / М. Т. Баранов [и др.]. – М. : Просвещение, 1990. – 208 с.
5. Русский язык. 6 класс : в 2 ч. / Л. М. Рыбченкова [и др.]. – М. : Просвещение, 2014. – Ч. 1. – 159 с.
6. Учебная программа для общеобразовательных учреждений с белорусским и русским языками обучения. Русский язык V–XI классы [Электронный ресурс] // Национальный образовательный портал. – Режим доступа: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2022-2023-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie-2020-2021/304-uchebnye-predmety-v-xi-klassy-2022-2023/3803-russkij-yazyk.html>. – Дата доступа: 04.05.2023.

[К содержанию](#)

Т. М. ХВЕСІК

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна)

Навуковы кіраўнік – А. С. Кавалюк, канд. філал. навук, дацэнт

МАСТАЦКАЯ ФУНКЦЫЯ ПРЫКАЗАК У ПАЭМЕ ЯКУБА КОЛАСА «НОВАЯ ЗЯМЛЯ»

Прыгажосць і вобразнасць мыслення беларускага народа, яго светапогляд, мудрасць, багаты жыццёвы вопыт адлюстраваліся ў прыказках – ўстойлівых выслоўях, што складаліся на працягу стагоддзяў. Людзі актыўна выкарыстоўвалі іх для падмацавання сваіх думак і меркаванняў, для ажыўлення і ўпрыгожвання сваёй гаворкі, надання ёй большай яркасці і выразнасці. Пашыранасць народных прыказак знайшла сваё выяўленне і ў мастацкіх тэкстах. Так, у паэме Якуба Коласа «Новая зямля» знаходзім гэтаму пацверджанне.

Аўтар пачынае свой знакаміты твор такімі радкамі: «*Мой родны кут, як ты мне мілы!.. Забыць цябе не маю сілы*» [1, с. 16]. З першых радкоў чытач разумее неабьякавасць і любоў Якуба Коласа да Бацькаўшчыны. Паводле «Глумачальнага слоўніка прыказак», устойлівы выраз *Мой родны кут як ты мне мілы* «ўжываецца, калі выказваюць замілаваннасць да роднага краю, да мясцін, дзе нарадзіўся хто-небудзь, да ўсёй Беларусі і з'яўляецца функцыянальна не замацаваным» [2, с. 326]. Выкарыстоўваючы гэтую прыказку, Якуб Колас паказвае сваё асаблівае стаўленне да зямлі, што яго выгадавала.

У раздзеле «Леснікова пасада», прыгадваючы сваю вясну-маладосць, паэт піша: «*Вясна, вясна! Не для мяне ты! Не я, табою абагрэты, прыход твой радасны спаткаю, – цябе навек, вясна, хаваю. Назад не прыйдзе хваля тая, што з быстрой рэчкай уплывае*» [1, с. 16]. У слоўніку падаецца, што прыказка *Назад не прыйдзе хваля тая, што з быстрой рэчкай уплывае* паходзіць з паэмы Якуба Коласа «Новая зямля» і мае значэнне 'нельга вярнуць ці паўтарыць тое, што прайшло, што было ў мінулым'. Таксама з'яўляецца функцыянальна не замацаванай прыказкай [2, с. 339]. З дапамогай ужывання ў гэтым парэміі чытач у поўнай меры можа адчуць хваляванні пісьменніка, яго думкі і погляды.

Адзін з галоўных герояў паэмы Міхал вельмі адказна ставіцца да сваёй працы ляснічага: «*А вось напробуй на цікавасць стрымай службовую рухавасць, службы спусціўшы рукавы і выкінь службу з галавы, – такія ў лесе выйдуць справы – пажар, парубкі і патравы – не адкараскацца ад ліха. А хочаш ты, каб было ціха, на чым сядзіш, таго глядзі ты!*» [1, с. 31]. Герой адзначае, што калі дрэнна, хутка і няякасна выконваць сваю працу, то вынікаў добрых чакаць не трэба. Таму ён так многа часу аддае справе. Праз гэта у яго збіваецца сон, апетыт. Прыказка *Хто на чым сядзіць, той таго і глядзіць* мае значэнне 'чалавек, звязаны з якой-небудзь справай, павінен належным чынам ставіцца да яе' [2, с. 556]. З дапамогай гэтай прыказкі раскрываецца характар аднаго з галоўных герояў, матывацыя яго паводзінаў.

Калі Міхала па службе пераводзяць у Парэчча, то родзічы вельмі цяжка гэта пераносяць, турбуюцца пра новую зямлю, гаспадарку, не хочуць пераязджаць у новае месца. На незадавальненне Антося Міхал адказвае: «*А мне, ты думаеш, салодка? Ды справа проста і каротка: не будзеш ты з ляснічым спорыць, рабі вось тое, што гаворыць. А не – ідзі вон: варона з куста, а пяць на куст, бо хлеба луста нялёгка ўсім, брат, дастаецца*» [1, с. 56]. Прыказка *Варона з куста, а пяць (дзесяць) на куст* абазначае, што 'заўсёды знойдуцца ахвотнікі заняць свабоднае, толькі што вызваленае месца на службе, рабоце' [2, с. 109]. Аўтар паэмы праўдзіва раскрывае

бяспраўнае становішча людзей на панскай службе, калі за невыкананне даручэння чалавек пазбаўляўся працы.

У гэксце паэмы знаходзім такія словы: «*Адно, брат, тут: старацца трэба, прыдбаць сваю скарынку хлеба, бо людзі кажуць: “Хлеб служачы не надта добры хлеб – сабачы”*» [1, с. 99]. Гэта кантэкст размовы леснікоў, што скардзяцца на сваё прыніжанае становішча. У «Тлумачальным слоўніку прыказак» устойлівы выраз *Служачы хлеб – сабачы* расшыфроўваецца як ‘ацэнка становішча чалавека, які робіць па найму ў сферы разумовай ці невытворчай фізічнай працы’ [2, с. 485]. Дзякуючы ўключэнню аўтарам гэтай парэміі ў тэкст твора канкрэтна характарызуецца няўдзячнае службовае становішча тагачасных леснікоў.

Для гэтага ж выкарыстоўваецца і прыказка *Наняўся, як прадаўся*, якая абазначае ‘наняўшыся рабіць што-небудзь, чалавек мусіць строга выконваць волю гаспадара’ [2, с. 344]. Гэтая парэмія сустракаецца ў гэксце двойчы. І два разы прыказку ўжывае ў сваім маўленні Міхал: «– *Ну, што ж? Цярпі, маўчы зацята, бо так выходзіць, небажаты: – Наняўся, кажуць, як прадаўся! – Міхал зласмейна адазваўся*» [1, с. 96]; «– *Што ж! трэба рушыцца – цямнее: Якраз злятаюцца, зладзеі!.. Эх, брат, наняўся – як прадаўся!..*» [1, с. 225].

У раздзеле «Дарэктар» Яська пытае ў дзяцей, як у іх справы з граматаю, на што Алесь адказвае: «– *Ну, гэта я-то трохі знаю, хоць часам сам не расчытаю, што напішу, – такі пісака – не расчытае і сабака*» [1, с. 151]. У «Тлумачальным слоўніку прыказак» гаворыцца, што з дапамогай устойлівага выразу *Пісаў пісака, што не разбярэ і сабака* кажуць насмешліва пра таго, хто піша неразборліва, нечытальна [2, с. 437]. У дадзеным кантэксце Алесь сам з сябе насміхаецца. Якуб Колас, ужываючы гэтую парэмію, паказвае адносіны вясковых дзяцей да вучобы.

У раздзеле «Агляд зямлі» Антось і Міхал адпраўляюцца ў падарожжа, каб паглядзець на зямлю і гаспадарку, якую плануюць набыць. Гаспадар гэтай маёмасці Хадыка так апісвае свой надзел: «*Вось наплавец мой. Сена – піва, ядкае, брацікі, на дзіва: запраў, дык еці будзе поп*» [1, с. 275]. Прыказкай *Добрае сена: каб пасаліў, то і поп з’еў бы падкрэсліваецца* якасць тавару: ‘добрае, пажыўнае, ядкае сена’ [2, с. 177]. Прадавец расхвальвае сваю зямлю і тое, што на ёй расце, хоць на самай справе гэта не адпавядае рэальнасці: зямля зарасла пырніцай і чартапалохам. Адзначаючы гэта, Антось з Міхалам выказваюцца, што патрэбен гаспадар гэтай зямлі.

У раздзеле «Дзядзька ў Вільні» Антось размаўляе з чалавекам, якога сустрэў у зямельным банку, – Грышкам Верасам. Грышка расказвае пра свае марныя намаганні ўзяць крэдыт: «*Эх, мілы мой ты! За панамі няма прадыху. Хто з грашамі і мажа збоку, – той і едзе, так вось і робіцца,*

суседзе» [1, с. 301]. Прыказка *Хто мажа, той і едзе* абазначае ‘хто дае хабар ці іншым чынам умее падлагодзіцца, той і дабіваецца поспеху’ [2, с. 555]. Так Антось папярэджваецца аб марнасці сваіх спадзяванняў на поспех. І сапраўды, у наступных раздзелах герой скардзіцца, што грошы ідуць на банкаўскія дакументы, а справа з месца не рухаецца. Паэт дасціпна выкарыстоўвае прыказку ў гэтай сітуацыі, падкрэсліваючы прыніжэнне ўладай тагачаснага сялянства.

Творчасць Якуба Коласа дае прыклад таго, да якіх вяршынь майстэрства можа падняцца мастак слова, спалучаючы асабістую манеру пісьма з творчым засваеннем народнай культуры. Выкарыстанне скарбаў роднай мовы, якімі з’яўляюцца прыказкі, не толькі дазваляе пісьменніку больш грунтоўна апісаць характары герояў, але і ўвогуле выявіць духоўныя якасці, звычаі, лексіку беларусаў мяжы XIX–XX ст.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Колас, Я. Новая зямля : паэма / Я. Колас ; праф. М. Мушынскага. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 333 с.

2. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 667 с.

[К содержанию](#)

К. Н. ЧЕШКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. А. Корабо, старший преподаватель

ЦВЕТОВАЯ ЛЕКСИКА В ПЕРВОМ ТОМЕ ПОЭМЫ

Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Цвет всегда занимал важное место в человеческой культуре и был тесно связан с философским и эстетическим мировоззрением. Специалисты считают, что цвет помогает людям ориентироваться в окружающей действительности, упорядочивает и гармонизирует их связи с миром. Так как цвет является компонентом культуры, он окружен системой ассоциаций, смысловых значений, толкований и становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей, много и всесторонне изучается. А поскольку он играет существенную роль в формировании языковой картины мира, цветовая лексика активно исследуется в лингвистике.

Лексика, содержащая значение цвета, которая используется в художественных текстах, привлекает пристальное внимание ученых прежде всего потому, что является важным компонентом ментального пространства писателя, языковым средством выражения цветовой картины

мира художника, опосредованно отражающей его философско-мировоззренческую концепцию. Цветовая лексика в первом томе поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души», яркая и разнообразная, используется для создания образов персонажей, передачи настроения и атмосферы произведения.

Самыми частотными колоративными микрополями этой части художественного текста оказались следующие: *белый* (около 60 словоупотреблений), *красный, черный, зеленый, серый, желтый, синий, голубой* (в порядке убывания). Среди редко встречающихся цветообозначений отметим *коричневый, золотой, розовый, рыжий, оранжевый, оливковый*, а среди необычных – *медвежий* цвет, *каленный, бледный, радужные* цвета, *неопределенный* цвет; *цвет, похожий на старый, плохо выжженный кирпич*; «*таких бледных модных цветов, каким даже и названья нельзя было прибрать*» (Для довершения сходства фрак на нем был совершенно *медвежьего* цвета; Цвет лица имел *каленный, горячий, какой бывает на медном пятаке*; На ней хорошо сидел матерчатый шелковый *капот бледного* цвета) и др.

По принадлежности к частям речи слова со значением цвета разнообразны: преобладают прилагательные (*оранжевый, розовый, коричневый* и др.), встречаются существительные (*белизна, чернушка* и др.), глаголы (*позеленеть, почернеть, белеть, синеть* и др.), в том числе причастия (*синевиший, пожелтевший, почерневший, чернеющий, выбеленный*), деепричастия (*покрасневши*).

Среди имен прилагательных автором используются не только простые, но и сложные цветообозначения (в некоторых случаях окказиональные), среди которых можно выделить прилагательные следующей структуры:

1) компонент *светло-, темно-, бледно-*, уточняющий интенсивность цвета, + «цветовое» прилагательное (*Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого* цвета. Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности: она была очень длинна, в два этажа; нижний не был выщекатурен и оставался в *темно-красных* кирпичиках);

2) уточняющий компонент, вносящий сравнительно-конкретизирующее значение, + «цветовое» прилагательное (*Вошедши на двор, увидели там всяких собак, и густопсовых, и чистопсовых, всех возможных цветов и мастей: муругих, черных с подпалинами, полво-пегих, муруго-пегих, красно-пегих, черноухих, сероухих...*);

3) компонент, передающий характер эмотивного восприятия цвета (или его носителя), эстетическую оценку цвета + «цветовое» прилагательное (*Поодаль в стороне темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес*).

Значение цвета содержится в целом ряде сложных прилагательных, образованных от словосочетаний, построенных по модели «прилагательное + существительное» (...и **черноглазы** ли они, и **весельчак** ли он сам; ...потеху **ухватливого двадцатилетнего парня ... посвистывающего на белогрудых и белошейных девиц**).

Цветовая лексика в I томе поэмы выполняет различные функции. Безусловно, имеет место номинативная функция, если цвет выступает в своем прямом словарном значении и дает возможность запечатлеть краски мира, многообразие цветовых оттенков (*На ней были разбросаны по-английски две-три клумбы с кустами сиреней и **желтых** акаций*). Однако автор использует цветовую лексику и для создания определенного эмоционального настроения, для оценивания, глубокой трактовки (*Въезд в какой бы ни было город, хоть даже в столицу, всегда как-то бледен; сначала все **серо** и однообразно; Комната была, точно, не без приятности: стены были выкрашены какой-то **голубенькой** краской вроде **серенькой***).

По мнению исследователя Е. С. Яковлевой, белый цвет для русского человека прежде всего ассоциируется со светом, богом и святостью в целом, это константный цвет русской духовной культуры [1]. Именно с такой окрашенностью лексема **белый** употребляется в поэме в соотнесенности с образом новой церкви (*Правильный купол весь обитый листовым **белым** железом, вознесенный над выбеленною, как снег, новою церковью*). Иронично звучит отсылка к чистоте с помощью лексемы **белый** в описании присутственного места (*Во взаимных услугах они дошли наконец до площади, где находились присутственные места: большой трехэтажный каменный дом, весь **белый** как мел, вероятно для изображения чистоты душ помещавшихся в нем должностей*). Белый цвет может символизировать принадлежность к привилегированному классу (*Пока приезжий господин осматривал свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемодан из **белой** кожи, несколько поистасканный, показывавший, что был не в первый раз в дороге*) и др. Помимо прилагательного **белый**, в рассматриваемую лексико-семантическую группу входят слова других частей речи: **белизна**, **белеть**, которые Н. В. Гоголь, например, использует при описании внешности юной чистой девушки (*Хорошенький овал лица ее **круглился**, как свеженькое яичко, и, подобно ему, **белел** какою-то прозрачною **белизною***).

В своеобразной оппозиции к духовному началу **белого** цвета находится у автора **красный** цвет (*Фонари еще не зажигались, ...а в переулках и закоулках происходили сцены и разговоры, неразлучные с этим временем во всех городах, где много солдат, извозчиков, работников и особенного рода существ, в виде дам в **красных** шальях и башимаках без чулок, которые, как летучие мыши, **шныряют по перекресткам***). Красный цвет

символизирует жизнь, страсти, простые удовольствия (*На дороге ли ты отдал душу Богу, или уходили тебя твои же приятели за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку...; детина в красной рубахе брэнчит на балалайке перед дворовой челядью и плетет тихие речи разночинный отработавшийся народ...*).

Цвет становится неотъемлемой частью образа, созданного писателем. Главный герой поэмы Чичиков внешне ничем не примечателен, однако изюминку его образу придает цвет фрака – *брусничный цвет с искрой* (*Потом надел перед зеркалом манишку, выщипнул вылезшие из носу два волоска и непосредственно затем очутился во фраке брусничного цвета с искрой*). Андрей Белый считает, что «фрак брусничного цвета с искрой – признак круглоты Чичикова, обтекаемости, но это элемент красного – цвета крови и преступления» [2]. Остальные герои расцвечены определенной краской в соответствии с авторской идеей. Так, среди основных цветов Манилова можно назвать *голубой* (голубоглазый и мечтательный, голубой цвет имеют колонны в беседке с надписью: «Храм уединенного размышления»), а также *зеленый* (цвет сюртука, персонаж ленив, поэтому в его хозяйстве нечищенный, покрытый зеленью пруд) и *желтый* (постоянство); Ноздрева – контраст *черного* и *белого, красный* (цвет жизненной энергии, которой пышет Ноздрев); Собакевича, который похож на медведя, – *коричневый*; Плюшкина – темные тона, *желтый* цвет и т. д.

Н. В. Гоголя называют писателем-живописцем. Его внимание постоянно обращено на живописную, зрительную выразительность предметов. Характер использования цветовой лексики играет важную роль в построении его художественных текстов, отражает стилистические особенности писательского таланта автора, его творческую индивидуальность и неповторимое мировоззрение.

Список использованной литературы

1. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М. : Яз. славян. культуры, 1994. – 345 с.
2. Демидова, Т. Э. Происхождение и смысл одной цветовой метафоры в поэме Н. В. Гоголя (Гоголь и Айвазовский) [Электронный ресурс] / Т. Э. Демидова. – Режим доступа: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1015>. – Дата доступа: 24.04.2023.

[К содержанию](#)

ЧЖАН НЯНЬ

Минск, БГУ

Научный руководитель – Е. И. Абрамова, канд. филол. наук, доцент

МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

По нашему мнению, несмотря на активное исследование сленга, в современной лингвистике нет однозначного определения этого термина, его специфических характеристик и свойств, которые позволяли бы отличить сленг от таких, например, явлений, как жаргон и диалект. В настоящее время в русской лингвистической науке существует большое количество определений сленга, которые часто противоречат друг другу. В своем исследовании мы опираемся на определение этого явления, которое дал В. А. Хомяков: «Сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [1, с. 13–14].

В. А. Хомяков указывает на важные свойства сленга, которые являются общими для всех языков (русского, китайского, английского и др.). Во-первых, «относительно устойчивый для данного периода» сленг отражает процесс развития культуры народа, фиксирует культурные установки и стереотипы. В сленге особым образом выражается своеобразие нации и ее дух. Сленг является фрагментом языковой картины мира народа. Во-вторых, сленг неоднородный по своим истокам и по степени приближения к стандартному литературному языку. В-третьих, сленговые выражения направлены на субъект. Они не описывают мир, а интерпретируют его, выражают к нему субъективное отношение. При этом характерной чертой сленгизмов является оценка чего- или кого-либо, чаще отрицательная – неодобрение, порицание, ирония или презрение. В-четвертых, сленг, по мнению В. А. Хомякова, – это «особый периферийный лексический пласт, лежащий как вне пределов литературной разговорной речи, так и вне границ диалектов общенационального языка, включающий в себя, с одной стороны, слой специфической лексики и фразеологии профессиональных говоров, социальных жаргонов и аргос преступного мира, и, с другой, слой широко распространенной и общепонятной эмоционально-экспрессивной лексики и фразеологии нелитературной речи» [1, с. 11].

Все сказанное подтверждает то, что сленг играет особую роль в трансляции культурно-национального самосознания народа, т. е. сленг представляет в некоторой степени культурно-национальное мировидение.

Сленг отличается по характеру употребления от других вариантов языка – от диалекта и жаргона. Люди, которые говорят на одном диалекте, обладают общим региональным или культурным фоном. Люди, которые говорят на одном жаргоне (экономисты, юристы, менеджеры, программисты, журналисты) закончили однотипные учебные заведения или имеют общий производственный опыт. Сленг может объединять самые различные группы людей на основе общности одинаковых установок, отношения к социальным условиям или традиционным ценностям.

В современном мире наблюдается актуализация молодежного сленга во многих языках. Бурные темпы развития Интернета предоставляют широкую платформу к возникновению и распространению и китайского молодежного сленга.

В настоящее время исследование молодежного жаргона актуально по причине его востребованности в определенной части общества, подвижности процессов, происходящих в нем, широте распространения среди молодежи. По некоторым данным в Китае сленг используют в коммуникации молодые люди в возрасте 11–28 лет. Это очень значительная часть населения страны. Сленг обычно используется и распространяется в устной неформальной (неофициальной) коммуникации и коммуникации в Интернете и в этом плане противостоит формальному, официально-деловому общению. Наибольшая концентрация китайского молодежного сленга содержится в Интернете. Именно он создал феномен – письменную разговорную речь – своеобразную смесь письменного литературного и устного разговорного языка. Использование сленга в Сети позволяет молодым людям избежать сухого нейтрального стиля и монотонности обычного языка. Сеть пользуется большой популярностью у китайской молодежи, и практически каждый имеет к ней доступ. Большую часть времени молодые люди общаются со своими сверстниками на форумах, в социальных сетях, по электронной почте. Именно здесь сленг получает широчайшее распространение.

Лингвисты отмечают ряд причин употребления сленга. Это, во-первых, стремление людей общаться друг с другом, оставаясь непонятым для посторонних. Во-вторых, использование сленга позволяет молодым людям чувствовать себя в гармонии со временем, с темпом жизни, за которым старшее поколение не всегда успевает. В-третьих, важной причиной является тенденция к речевой выразительности, которую трудно достигнуть, используя лишь литературную лексику. В-четвертых, использование сленга позволяет каждому создать свой имидж – образ человека критичного, остроумного, оригинального.

Однако для Китая широкое распространение сленга имеет еще одну, очень специфическую причину. Дело в том, что Китай – это большая страна. По разным данным, в Китае насчитывается более 200 диалектов, которые разделены на 10 основных групп. Диалекты отличаются друг от друга фонетикой, тональностью, лексикой. Китайские диалекты, каждый в отдельности, вполне соответствуют критериям отдельного языка. Так бы и стало, если бы все их не объединяла общая письменность – байхуа. В непосредственном общении южане и северяне могут не понимать друг друга. Например, на юге слово *хлеб* звучит как *биан цзуй* (буквальный перевод на русский ‘плоский рот’), на севере и северо-востоке это слово звучит как *лие ба* (фонетическая калька русского слова *хлеб*). Сленг позволяет молодым людям преодолевать трудности в общении, которые связаны с разнообразием используемых в устном общении региональных языков и диалектов, он, условно говоря, выполняет объединяющую функцию.

Основные источники пополнения лексики в китайском молодежном сленге – это метафоризация, заимствование, аббревиация. Метафорическое переосмысление значения слова – наиболее плодородная почва для сленготворчества. Например, *хуа лао* – прямое значение ‘нескончаемый туберкулезный кашель’, переносное – ‘болтун’; *бо ли синь* – прямое значение ‘стеклянное сердце’, переносное – ‘невротик’; *конг лонг* – в прямом значении ‘динозавр’, в переносном – ‘страшная девушка’ и др. В связи с процессами сближения китайской и западной культур и бурным развитием компьютерных технологий в китайском молодежном сленге есть много заимствований (из английского, японского, корейского языков), например: *ай доу* ‘кумир’ – от англ. *idol*; *фен си* ‘фанат’ – от англ. *fans*; *чжай нань* ‘домосед’ – из корейского *zhai nan* и др. В китайском молодежном сленге очень популярны цифровые аббревиатуры, которые основаны на присущей китайскому языку омонимии. Это такие цифровые сочетания, произношение которых имеет фонетическое сходство с китайскими словами и словосочетаниями, например 456 – *ши во ла* ‘это же я’ и др.

Таким образом, китайский молодежный сленг является очень креативным, инновационным, с необычными, живыми, находчивыми и юмористическими выражениями и словами. Сленг не только способ выражения идентичности молодежи, он также выполняет множество функций: мыслительную, эмоциональную, эстетическую. Самое главное, молодежный китайский сленг является очень важным средством общения части общества, обеспечивает его единство и взаимопонимание.

Список использованной литературы

1. Хомяков, В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. А. Хомяков. – Л., 1980. – 18 с.

[К содержанию](#)

А. К. ШАГИНА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. А. Годуйко, канд. филол. наук, доцент

**ОДНОСЛОВНЫЕ НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ НОМИНАЦИИ
ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. СОЛОГУБА**

Одной из форм художественного осмысления бытия, отражения жизни социума, разных его групп, отдельного человека является художественная литература. Значимым элементом литературного произведения, наряду с сюжетом и композицией, выступает образ персонажа.

Объектом нашего исследования стали номинации действующих лиц в романе «Мелкий бес» (1905) и рассказах «Червяк» (1896), «Улыбка» (1897) русского писателя-символиста Ф. Сологуба. В качестве названий персонажей функционируют одно- и многословные языковые единицы. Первые представлены местоимениями и именами существительными – собственными и нарицательными. О последних и пойдет далее речь.

Ф. Сологуб называет героев своих произведений по разным признакам, которые, вслед за О. Н. Гуцалюк, мы определили как: 1) демографические, 2) релятивные, 3) функциональные, 4) оценочные [1, с. 15].

Демографические номинации достаточно многочисленны и указывают на лиц по признаку пола; по возрасту (два этих тематических мотива взаимосвязаны); по происхождению, национальности. В основе выделения группы «лицо по признаку пола» лежит противопоставление сем ‘мужской пол’ – ‘женский пол’»; а внутри каждой группы деление идет по возрастному признаку (семантическая оппозиция ‘взрослый – невзрослый’).

В группе «мужской пол» выделяются подгруппы: а) «*В саду дачи Семибояриновых, по случаю именин одного из сыновей, Леша, гимназиста второго класса, собралось десятка полтора мальчиков и девочек разного возраста...*» и др.; б) «*Нет, уж вы, юноша, знайте, – сердито сказал Богданов, – что это нельзя, и если я еще услышу, тогда мы вас уволим*» и др.; в) «*Это был мужчина толстый, высокий, черноволосый, коротко стриженный; держался он с достоинством и любезностью, не чуждой некоторой презрительности в отношении к людям малоденежным*» и др.; г) «*Рядом с ним стал пришедший попозже инспектор народных училищ, Сергей Потапович Богданов, старик с коричневым глупым лицом...*» и др.

Группу «женский пол» составляют подгруппы: а) «*Ванда ненадолго стихала – девочки боялись Анны Григорьевны, – но скоро снова комнаты дома Рубоносовых оглашались смехом и гулкой беготней*» и др.; б) «*Вы – милые, простые девушки. Я думала сначала, что вы, – простите за грубое*

слово, – хабалки» и др.; в) «Отношения его к **женщинам** были так же неудачливы, как и вся жизнь, и никогда ответное чувство не награждало его робких ухаживаний» и др.; г) «Людмила смеялась звонко и весело, целовала Коковкину, – и **старуха** думала, что веселая девица ребячлива, как дитя» и др.

Апеллятивы, называющие лицо по происхождению, национальности, у Ф. Сологуба могут выполнять не только номинативную, но и характеризующую, «стереотипную» функцию: «Вы, **поляки**, ведь все бунтовать собираетесь, да только напрасно»; «Мицкевич – выше, – повторил Передонов. – **Русские** – дурачье. Один самовар изобрели, а больше ничего»; «**Жиды** во всем умные, и в ученые, и во всем. Если бы **жидов** пускали в профессора, то все профессора из **жидов** были бы» и др.

Релятивные номинации отражают связи персонажей с другими людьми и обозначают лиц по степени родства; по точке зрения на них других лиц; по ложности/реальности родственных связей.

Продуктивны названия, объективирующие разные кровные или брачные отношения: а) «...мечта уносила ее в таинственно-тихие, оснеженные леса, где, бывало, несли ее с **отцом** легкие санки...»; «От этого проигрыша и опьянения он внезапно загрустил и стал жаловаться на свою **мать**»; «Вот я сам хоть только в уездном учился, а **сына** в университет направляю»; «Нынче... у Рубоносовых жили еще четыре девочки: Ванда Тамулевич, **дочь** лесничего в одном из далеких уездов Лубянской губернии, веселая девочка с большими глазами, втайне тосковавшая по родине и всегда к концу зимы... заметно хиревшая от этого...», «Муж оставил ей пенсию и небольшой дом...» и др.; б) «**Муж да жена** – одна сатана, – сказала Варвара и захохотала»; «Ванда трепетно подхватила сюртук и уныло потащила его в спальню **супругов...**» и др.; в) «У меня нет матери, – сказал Саша, – мама давно умерла; у меня **тетя**»; «Он очень милый мальчик, ваш **племянник**, – сказала Дарья, словно уверенная, что ее похвала осчастливит гостью» и др.; г) «Так это потому, – живо объяснил Мишка, – что твой **дедушка** был игумном» и др.; д) «Видите ли, у этой барышни есть **двоюродный брат** сирота, он и учился в Рубани, так мать-то этой барышни его из гимназии взяла, а по его бумагам барышня сюда и поступила» и др.

Наименования персонажей могут одновременно выражать и отношение к ним говорящего: «Милые **папа и мама**, возьмите меня, пожалуйста, домой. В меня вполз червяк, и мне очень худо» (ср. с **мать и отец**; более теплые, принятые в семейном общении, в разговоре детей о родителях номинации) и др.

Гетерогенны названия персонажей по точке зрения на них других лиц: «Шумно бегала она по комнатам, задевая и толкая **подруг**»; «Он наскоро

кончил завтрак и пошел показывать письмо знакомым и приятелям»; «Ардальон Борисыч, **дружище!**»; «Несколько **товарищей**, глупых малышей, толпившихся тут же, засмеялись на слова Передонова» и др.

Отмечены случаи номинации персонажей по ненастоящим, как правило, иронически оцениваемым родственным связям: «Новый знакомец сообщил, что его зовут Мишкой, а фамилия у него **Бабушкин**, потому что он с матерью живет у бабушки»; «У матери? – переспросил Мишка, ухмыляясь. – А у нее фамилия **Матушкина**, потому что бабушка ей не бабушка, а матушка» и др.

Функциональные номинации актуализируют черты персонажей, значимые для их восприятия, и называют лиц: а) по роду занятий: «Они... робко останавливались, когда мимо них проходила Анна Григорьевна Рубоносова, **учительница**, у которой девочки жили на квартире»; «С разбегу Ванда налетела на суетливую **служанку** Маланью и выбила у нее из рук тарелку...»; «Он глядел прямо перед собой и не решался даже отодвинуться от **няньки** на другой конец скамьи»; «Нет, – сказал Гриша, – мой дедушка был **полковником**»; «С княгиней-то как же? – подумал он. – За теми гроши, и протекции нет, а с Варварой в **инспекторы** попадешь, а потом и **директором** сделают»; «А как тебя **генерал**-то отбрил? – спросил Передонов»; «**Попа** такого нашел: он знает, что вы не родня»; «Кажется, самые необходимые в его положении люди – **исправник** и **прокурор** окружного суда»; «То был земский **врач** Георгий Семенович Трепетов, маленький... человек, с прыщавым лицом, остреньким и незначительным»; «Пришел еще **купец** Тишков, седой, низенький, веселый и молодцеватый...» и др.; б) по внутренним качествам: «Дураком может быть, но **подлецом, трусом, тряпкой** – никогда»; «А потому, что вы – **соня**, а не Марта» и др.

Оценочные номинации служат средством внешней и внутренней характеристики персонажей, а именно: а) эстетической оценки, вербализуя мнение, суждение о внешних качествах, признаках героя: «Кто этот маленький **уродец?**»; «По дорожкам сада гуляла нянька Семибояриновых с их младшим сыном, годовалым **бутузом**, на руках» и др.; б) этическую оценку, объективируя мнение, суждение о моральных, нравственных качествах героя произведения (подобные названия переплетаются с функциональными номинациями): «Она искренно думала, что он – красавец и **молодец**»; «Скажите, **сплетник** какой! – притворно строго сказала Людмила»; «**Свинья!** – сказала Варвара довольно спокойно, словно плевок освежил ее»; «Мой-то **гусь** опять был у Марфушки»; «За то вас благодарю, – сказал Нартанович, – я осмагаю розгами, **ленюха** такого, вот-то будет помнить, **лайдак!**» и др.

Таким образом, Ф. Сологуб обращается к многочисленным, многообразным личным существительным (и первичным, и вторичным,

в частности метафорическим), решая проблему бытия отдельного человека, создавая целую галерею художественных образов: неудачника Гриши Игумнова (рассказ «Улыбка»), который, как и в детстве, «все мечтал и в мечтах покорял царства, а на деле не умел оборонить себя»; гимназистки Ванды Тамулевич («Червяк»), мир грез которой разбился о физическую реальность (земная жизнь представлялась писателю юдолью страдания, потому идея смерти как желанного исхода из чересчур несовершенной действительности ярко выражена в этом рассказе); учителя Ардальона Борисовича Передонова («Мелкий бес»), безумие которого прогрессирует на фоне тягостных картин угрюмого быта провинциального города, и др.

Список использованной литературы

1. Гуцалюк, О. Н. Типы и функции номинаций персонажа: на материале романов М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и В. В. Набокова «Лолита» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Н. Гуцалюк. – М., 2013. – 221 л.

[К содержанию](#)

А. С. ЩЕРБАКОВА, А. Е. ТРЕТЬЯКОВА, В. А. ГАВРИЛОВА

Волгоград, ВГСПУ

Научный руководитель – Т. В. Черницына, канд. филол. наук, доцент

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Изучение роли языка в процессе человеческого общения стало предметом научного анализа в работах таких ученых, как Д. И. Гердер, В. Гумбольдт и др. Связь языка и культуры первыми стали изучать Ф. Боас и Б. Малиновский.

Язык – «зеркальное отражение» жизни нации. Именно он «способствует созданию и накоплению культурных ценностей, сохранению всех этнических слоев национального типа культуры. Только благодаря языку возможно познание исторического опыта предшествовавших эпох, потому что только язык сохраняет и аккумулирует все ценности национальной культуры» [6, с. 8]. Родной язык – неотъемлемая часть культурного наследия страны. Говоря на родном языке, мы бережно сохраняем культуру и традиции страны, передаем историю из поколения в поколение. «Каждый язык не просто отображает мир, но строит идеальный мир в сознании человека, конструирует действительность. Поэтому язык и мировоззрение неразрывно связаны» [5, с. 49].

На сегодняшний день имеется более 7 тыс. языков, из которых лишь 560 находятся в активном использовании во всех сферах общения. А количество языков, находящихся под угрозой исчезновения, превышает

80 %, что, безусловно, является глобальной проблемой. Взаимодействие с окружающими людьми происходит при помощи распространенного языка, что можно объяснить стремлением к преодолению языкового барьера, а также с приходом информационных технологий и стремительным преобразованием современного общества в «цифровое».

Обратимся к лингвистическим словарям русского языка. «Язык – одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т. п.» [2]. Большинство авторов лингвистических словарей дают схожие определения понятия «родной язык». То есть *родной язык* преимущественно понимается как язык детства, тот язык, который мы слышим и копируем с самого рождения. Лингвокультура – особый тип взаимосвязи языка и культуры, проявляющийся как в сфере языка, так и в сфере культуры, складывается из совокупности языковых картин мира и оказывает влияние на формирование языковой картины мира каждого ее носителя.

Обратимся к лингвистическим словарям русского языка для уточнения таких понятий, как *язык, национальный язык, родной язык*. «Язык – одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т. п.» [2]. Необходимо обозначить разницу между языком общения и родным языком. Большинство авторов лингвистических словарей дают схожие определения понятия «родной язык». «*Родной язык* – язык, усваиваемый ребенком в раннем детстве путем подражания окружающим его взрослым» [2; 7]. То есть *родной язык* преимущественно понимается как язык детства, тот язык, который мы слышим и копируем с самого рождения. Как писал К. Д. Ушинский, «усваивая родной язык легко и без труда, каждое новое поколение усваивает в то же время плоды мысли и чувства предшествовавших ему поколений» [8]. Следовательно, необходимость сохранения родного языка обусловлена тем, что он содержит знания и мудрость нескольких сотен поколений. Однако статус «исчезающий язык» ставит под угрозу сохранение национальной идентичности.

В рамках празднования Дня родного языка, история которого связана с событиями 1952 г. в Дакке (тогда на демонстрации с требованием права обучения на родном языке погибли студенты) и 90-летия филологического факультета Волгоградского государственного социально-педагогического университета (ВГСПУ) был организован круглый стол, объединивший

русских и иностранных студентов ВГСПУ. На мероприятии иностранные студенты смогли выступить на своем родном языке. Выяснилось, что фонетические особенности северных и южных диалектов китайского языка заметно различаются (а вместе с ними и менталитет людей). Участники Круглого стола пришли к выводу, что язык и культура, язык и миропонимание тесно связаны друг с другом, а исчезновение малораспространенных языков приводит к гибели уникального культурного и языкового кода.

Принято считать, что для сохранения языка необходимо, чтобы на нем говорили не менее 100 тыс. человек. ЮНЕСКО впервые опубликовало «Атлас языков мира, находящихся под угрозой» [1], в котором насчитывалось порядка 2 500 языков, стоящих под угрозой исчезновения или уже «вымерших», и в основном это языки малых народов мира. На территории России 120 вымирающих языков и 15 уже признаны вымершими. Участники Круглого стола назвали исчезновение языков глобальной проблемой: это влияет на ход нашей истории и передачу опыта новым поколениям. Причина данного явления – вымирание носителей языка, а также тот факт, что владение малораспространенным языком непрактично, так как он не употребляется во многих сферах человеческой деятельности [3].

Таким образом, язык, по словам Д. С. Лихачева, «выступает неким концентратом культуры нации, воплощенной в различных группах данного культурно-языкового сообщества» [4, с. 28]. Многие малораспространенные языки имеют только устную форму. Как правило, в процессе коммуникации конфликт языков и культур наиболее ярко прослеживается на фонетическом и лексическом языковых уровнях, так как варианты произношения и полисемичность затрудняют понимание. Утрата языков – это проблема всего человечества, потому что вместе с языком пропадает уникальный культурный ген народа, утрачиваются исторические и духовные ценности.

Список использованной литературы

1. Атлас языков мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.wal.unesco.org>. – Дата доступа: 20.04.2023.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Совет. энцикл., 1966. – 608 с.
3. Большая Российская Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bre.mkrf.ru>. – Дата доступа: 20.04.2023.
4. Лихачев, Д. С. Очерки по философии художественного творчества / Д. С. Лихачев. – СПб. : БЛИЦ, 1996. – 192 с.
5. Скуйбедина, О. Н. Язык и национальный тип культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук / О. Н. Скуйбедина. – Ростов н/Д, 2002. – 23 с.
6. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.

7. Словарь-справочник лингвистических терминов (Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/index.htm>. – Дата доступа: 25.05.2023.

8. Ушинский, К. Д. Рассказы и сказки / К. Д. Ушинский. – М.: Дет. лит., 1988. – 27 с.

[К содержанию](#)

С. В. ЮХИМУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. Ю. Яницкая, канд. филол. наук, доцент

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Ежегодно в лексике русского языка появляются тысячи новых слов. Это обусловлено тем, что люди хотят подобрать слово, максимально точно выражающее их мысль, наиболее полно отражающее некий образ, возникший у них в голове, стремятся избежать тавтологии в речи. Языкотворцами могут быть не только взрослые люди, но и дети. В новообразованиях и во взрослой, и в детской речи далеко не всегда соблюдены нормы литературного языка, поэтому важно приучать детей с раннего возраста говорить правильно, чтобы в будущем избежать их безграмотности.

В данной работе мы рассмотрим окказионализмы именно в детской речи на материале «Словаря детских словообразовательных инноваций» С. Н. Цейтлин [3]. Термин *окказионализм*, или *окказиональное слово*, впервые упоминается в статье Н. И. Фельдман «Окказиональные слова и лексикография» (1957): «Тесная связь слов-самоделок с контекстом, из которого они как бы вырастают, делает их уместными и особо выразительными на своем месте, однако вместе с тем, как правило, препятствует им оторваться от контекста и обрести жизнь вне его. Вот это основное их свойство позволяет назвать их, в отличие от неологизмов, вошедших в язык, окказиональными словами» [2]. По мнению Н. А. Янко-Триницкой, окказионализмы – это слова, создаваемые в речи с определенной задачей, но не претендующие стать принадлежностью языка. Основной причиной создания окказионализмов является стремление языкотворца к краткому изложению мысли. Часто окказиональное слово заменяет целое словосочетание или даже предложение [4]. Следует отметить, что окказионализмы являются свойством именно речи, а не языка. К основным признакам окказиональных слов стоит отнести индивидуально-авторский характер и тесную связь с контекстом, функциональную одноразовость, экспрессивность.

Каждый ребенок, прежде чем перенять уже сформированную языковую систему у взрослых, непрерывно анализирует речевые высказывания взрослых носителей языка, затем создает свою собственную. Большинство окказионализмов образовано по аналогии с существующими словами – это говорит о том, что дети хорошо видят структуру слова, другая часть окказиональных слов создана по простым моделям с лексическими нарушениями. То, что в детской речи мы часто наблюдаем не создание новых слов, а образование необычных форм слова, говорит о том, что ребенок сперва усваивает нормы и правила языка, а затем овладевает системами исключений.

Существует несколько классификаций окказионализмов. Одной из самых популярных является классификация Н. Г. Бабенко, исходя из которой окказионализмы делятся на следующие типы [1]:

– фонетические окказионализмы, которые создаются при использовании звукового комплекса в качестве нового слова или словосочетания: *авать* ‘издавать звук «ав-ав»’ (о собаках); *жучить* ‘издавать звуки, свойственные жуку’; *мумята* ‘детеныши коровы’; *гагята* ‘детеныши гусей’;

– лексические окказионализмы, образованные по уже существующей модели слова согласно норме языка или с небольшим ее нарушением: *кольчик* – уменьшительно-ласкательное к *кол* ‘единица’ (*кол* + *чик*; ср. *стакан* – *стаканчик*); *командирка* от *командир* + *к(а)*; *конёнок* ‘жеребенок’ (ср. *кот* – *котёнок*);

– грамматические, или морфологические, окказионализмы – новообразования с нарушением современной морфологической нормы: *мусоры* – мн. ч. от *мусор*; *душ* или *дух* – ед. ч. от *духи*; *зла* – мн. ч. от *зло*;

– семантические окказионализмы рождаются с помощью приращения значений в контексте: *варенье* ‘результат действия по глаголу *варить*’:

– *Бабушка, а что это за варенье ты варишь?*

– *Это суп, внученька.*

По способу образования окказиональные имена существительные можно поделить на:

– суффиксальные окказионализмы, которые образуются с помощью суффиксов *-ниј/-нј/-ениј/енј(е)* (*боление, дыхание* и др.); *-ник/-ошни/-льник* (*бабушник, душник* и др.); нулевого суффикса (*бибик, восклик* и др.); *-тель* (*бибикатель, гретель* и др.); *-ин(а)* (*высочина, глубочина* и др.);

– префиксально-суффиксальные, которые образуются при помощи префикса *-до* и суффикса *-ник* (*доклассник ‘дошкольник’*).

– окказионализмы, образованные в результате сложения основ (*дереволом, дождепад*);

– окказионализмы, образованные при помощи обратного словообразования, или редеривации (*гритёнок, босоноги*).

Имена прилагательные, в свою очередь, делятся на:

– суффиксальные окказионализмы, образованные при помощи суффиксов *-н/-тн(ый)* (*девочный, бабочный* и др.); *-ов/-ёв(ый)* (*глиновый, грибовый* и др.), *-ин* с нулевым окончанием (*воронин, арбузин* и др.); *-уч/-юч(ий)* (*бежучий, блестящий* и др.);

– префиксально-суффиксальные окказионализмы, образованные с помощью префиксов *без-/бес-* + нулевой суффикс / *-н(ый)* (*бездверный, бестельный*);

– окказионализмы, образованные сложно-суффиксальным способом (*длинноуший, двухгодний*).

Глаголы же можно поделить на:

– префиксальные, образованные при помощи префиксов *в-, вы-, до-* (*высолить, всердиться, доподместить* и др.);

– суффиксальные окказиональные глаголы, образованные при помощи суффиксов *-ива/-ыва(ть)(ся)* (*влезывать, выгруживать* и др.); *-ну/-ану(ть)* (*больнуть, гляднуть* и др.); *-и(ть)* (*балеринить, бинтить* и др.).

Таким образом, в этой работе мы рассмотрели окказионализмы в детской речи, их классификацию и способы образования. Стоит сказать, что окказионализмы в детской речи являются одной из важных сторон лексики русского языка, поэтому стоит продолжать их изучение. Также стоит отметить, что окказионализмами, созданными детьми, довольно часто пользуются их мамы, что говорит о расширенном использовании новообразований.

Список использованной литературы

1. Бабенко, Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Н. Г. Бабенко.– Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 1997. – 79 с. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/baben_okk.php. – Дата доступа: 27.04.2023.

2. Фельдман, Н. И. Окказиональные слова и лексикография / Н. И. Фельдман // Вопр. языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64–75.

3. Цейтлин, С. Н. Словарь детских словообразовательных инноваций / С. Н. Цейтлин. – СПб.: Златоуст, 2006. – 205 с.

4. Янко-Триницкая, Н. А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая; Рос. акад. наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Индрик, 2001. – 503 с.

[К содержанию](#)

В. С. ЯКУБОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Н. Е. Никитина, канд. филол. наук, доцент

**ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТА «КАЛАЧ»
В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**

Под термином *концепт* в филологии понимается содержательная сторона какого-либо словесного знака, определенное понятие, закрепленное историей. Концепт тесно связан с историей и культурой народа и формируется в сознании людей на протяжении долгого времени. Ю. С. Степанов утверждает, что «концепт – сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [3, с. 40]. Следовательно, концепт является чем-то обобщенным, отражает культуру народа и исторические изменения. Концепты получают свое выражение в языке, особенно во фразеологизмах, рассмотрев и изучив которые можно составить определенное впечатление о мировоззрении народа.

Например, этимология устойчивых выражений со словом *калач* позволяет проследить за историей появления этих выражений и выяснить причину их использования. В. И. Даль в «Словаре живого великорусского языка» определяет *калач* как «белый, пшеничный хлеб вообще; пшеничный сгибень с дужкою, из жидкого теста; сайка из крутого. У калача различают: животок с губкою, и ручку, дужку или перевясло» [1]. Происхождение этого слова он связывает с татарским выражением *будь голоден* либо общеславянскими лексемами *коло*, *колесо* [1]. Скорее всего, калач назван так из-за своей круглой формы. Ранее это слово выглядело как *колачь*, однако после падения редуцированных гласных и закрепления аканья на письме превратилось в привычное *калач*.

На Руси калачи были широко распространены. Круглый пшеничный хлеб в виде замка с дужкой заключал в себе магическую символику. Коло на Руси являлось символом жизни. Жизнь представляли как круговорот лет, а каждый год изображался по одному и тому же принципу: в виде круга (колеса), разделенного на секторы, связанные с праздниками и обрядовыми событиями. Часто любые округлости наделяли подобным значением, относились к ним по-особенному. Так произошло и с калачом. На Руси калачи встречались на любой ярмарке, однако далеко не каждый мог их себе позволить. Они были предназначены для состоятельного населения, поскольку стоили недешево, и этот факт нашел отражение в выражении *Кляхтинский чай, да муромский калач полдничают богач*, которое указывает на различие социальных слоев на Руси. Л. Н. Толстой в «Календаре

с пословицами на 1879 год» упоминает несколько аналогичное выражение: *Богачи едят калачи, да не спят ни днем, ни в ночи, а бедный чего ни хлебнет, да заснет* [4, с. 39].

Фразеологизм *тертый калач* восходит к способу приготовления этого лакомства. Калачи раньше делали на специальном столе, под которым размещался контейнер со льдом, чтобы поверхность стола оставалась холодной. На ней тесто долго вымешивали, как бы «терли» о стол, чтобы оно оставалось упругим и тягучим. Калачи, приготовленные таким способом, называли тертыми. Со временем выражение *тертый калач* стали употреблять в отношении умелого и опытного человека. С технологией приготовления калача связаны также пословицы: *Не терт, не мят, не будет калач; На холодной печи не пекут калачи, а в печь суют, да потом и жуют*.

Фразеологизм *дойти до ручки*, на первый взгляд, не связан с калачом, однако его этимология свидетельствует об обратном. У калача было несколько форм, наиболее распространенной из которых являлась форма замка с дужкой – ручкой калача. За эту ручку человек держал калач, пока ел его. Ручку есть было не принято, ее отдавали нищим. Поэтому выражение *дошел до ручки* употреблялось в отношении обедневших людей – ‘настолько беден, что готов подобрать ручку от калача’.

Однако в современном «Словаре образных выражений русского языка» можно найти иную трактовку данного выражения: *дойти до ручки* – до пределов возможного, разумного (говорится с неодобрением) [2, с. 73]. Имеется в виду, что в результате чьих-либо непродуманных или опрометчивых действий сложилось крайне тяжелое, безвыходное положение.

Выражение *раскатать/закатать губу* также связано со строением калача. На «животке» калач имел надрез, через который во время готовки из него выходил воздух. Этот надрез называли «губой». По технологии «губу» нужно было присыпать мукой, чтобы место разреза не слиплось, когда калач отправят в печь. После выпекания ее можно было развернуть и положить внутрь начинку. Таково происхождение данного фразеологизма, который употребляется в значении ‘хотеть слишком много’.

Дома калачи пекли редко, так как сам процесс изготовления был непростым. Люди предпочитали ходить на ярмарки или посещать специальные «калашные ряды», которые находились далеко от домов, чтобы продукт не впитывал посторонних запахов. Однако такие места были предназначены для состоятельных покупателей. Когда там замечали бедняков, их сразу же выгоняли. Так появилось шуточное выражение *со свиным рылом да в калашный ряд*, которое употребляется в отношении человека, попавшего туда, куда не следовало.

Следует отметить, что калач люди воспринимали как нечто приятное, желаемое, как символ достатка и удовольствия: *калачом не заманишь* – ‘никакими уговорами, никакими средствами не зазвать кого-либо’; *живая душа калачика хочет* – ‘каждый человек мечтает о радости и счастье, хочет чего-либо привлекательного, заманчивого’.

Однако слово *калач* употребляется и в выражениях с негативной смысловой окраской: *нужда научит калачи есть* – ‘бедность, необходимость научит быть изобретательным, трудолюбивым’; *достаться на калачи* – ‘получить по заслугам, быть наказанным’.

Этимология данных выражений связана с общенациональным концептом «калач», поэтому они понятны любому русскому человеку и широко употребляются в русской литературе. Приведем несколько примеров.

Вот каждый, взявши по дыне, обчистил ее чистенько ножиком (калачи все были тертые, мыкали не мало, знали уже, как едят в свете; пожалуй, и за панской стол хоть сейчас готовы сесть), обчистивши хорошенько, проткнул каждый пальцем дырочку, выпил из нее кисель, стал резать по кусочкам и класть в рот (Н. В. Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки»).

Это тертый калач, который знает людей и умеет ими пользоваться (И. С. Тургенев «Записки охотника»).

– *Нет уж, Анфиса Порфирьевна, покорно прошу извинить! Калачом меня к себе... не заманите* (М. Е. Салтыков-Щедрин «Пошехонская старина»).

– *Ну, что же делать, бабушка...* – *утешил Кишкин. – Всякая живая душа калачика хочет* (Д. Н. Мамин-Сибиряк «Золото»).

Привел Господь с ручкой идти под чужими окнами... Вот до чего лакомство-то доводит... Ох, нужда-то выучит, как калачи едят! (Д. Н. Мамин-Сибиряк «Хлеб»).

Зато утром выпил три стакана и узнал, что в Белогородке еще более гонял за книги, чем у нас. Следовательно, всем досталось «на калачи» (Н. С. Лесков «Архиерейские объезды»).

Однако в художественной литературе отражается не только общенародное, но и индивидуально-авторское восприятие этих фразеологических единиц. Так, современный писатель Игорь Никитин употребляет фразу «Да, да, куда же мне, в суконное рыло со своим “Калашниковым”?». Смысл фразы не поменялся, но можно с легкостью проследить за изменением ее формы.

Таким образом, этимология фразеологизмов с компонентом *калач* часто основывается на технологии приготовления этого хлебобулочного

изделия, а также на его взаимосвязи с социальным делением общества. Данные фразеологизмы являются языковым воплощением русского национального концепта «калач» и в художественной речи отражают как общенародное, так и индивидуально-авторское восприятие.

Список использованной литературы

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=12570>. – Дата доступа : 01.05.2023.

2. Словарь образных выражений русского языка / Т. С. Аристова [и др.] ; под ред. В. Н. Телия. – М. : Отечество, 1995. – 368 с.

3. Степанов, Ю. С. Константы : слов. рус. культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Акад. проект, 2001. – 991 с.

4. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1928–1958. – Т. 40. – 1956. – 537 с.

[К содержанию](#)